Прежде всего, никакого свободного оборота и стихийной игры цен, что характеризует буржуазные страны, у нас нет. Из факта, что на частном рынке цены бывают иной раз гораздо выше кооперативных (или плановых), нельзя еще делать вывода, что мы тут имеем стихийную игру цен, как при капитализме. Ибо выступление на рынке государственных и кооперативных организаций, сосредоточивающих в своих руках подавляющую часть товарооборота; государственное регулирование рынка, налоговый нажим на частника и т. д., — все эти факторы решительно ограничивают «стихийную игру цен».

Последняя фраза из цитированного отрывка дает повод относить всю часть деревни, где нет еще сплошной коллективизации, к сфере свободного товарооборота.

Правильно утверждение автора о необходимости учесть классовый момент в политике цен, о необходимости известной диференциации цен в зависимости от конкретных условий и т. д. Однако, в приведенной цитате есть неясное место, допускающее такое толкование, что любому крестьянину, не сдающему свою продукцию по плановым ценам, мы должны отпускать промышленные товары по повышенным ценам. В этом случае был бы нанесен удар по середняку, что привело бы к отрицательным экономическим и политическим последствиям.

* * *

В общем, несмотря на наличие отдельных интересных статей, с'ездовские номера «На плановом фронте» свидетельствуют, что журналу следует больше насыщать теоретическим содержанием освещение основных практических проблем социалистического строительства. Ибо без этого нельзя дать отчетливой перспективы плановикам и хозяйственникам, которых, в первую очередь, должен воспитывать журнал и поднимать эти кадры к самостоятельной творческой работе в деле построения и осуществления плана.

М. РЫЛЬСКИЙ.

ПОПРАВКИ.

По техническому недосмотру в статье тов. Борилина «Коллективизация и проблемы нового этапа нэпа», помещенной в № 10 «Большевика», допущены следующие ошибки:

На стр. 146 указано, что приведенные цитаты из Ленина по вопросу о коллективизации взяты из брошюры «Государство и революция». Означенные цитаты взяты в действительности из брошюры «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

На стр. 148 примечание 3-е начинается с ковычек, между тем, ковычки здесь должны отсутствовать.

На стр. 154 сказано: «При этом нельзя думать, что то, что сделано промышленностью в отношении сельского хозяйства настолько достаточно, что дальше все пойдет своим чередом, «самолетом».

Вместо слова «самолетом» нужно читать «самотеком».

На стр. 159 сказано: это «колхозы... должны будут итти по пути усиления товарности колхозного сектора, должны быть нормированы и вмешательством государства». Нужно читать: «колхозы... должны будут итти по пути усиления товарности. При этом отношения товарности колхозного сектора должны быть нормированы и вмешательством государства».

РЕДАКЦИЯ.

Главлит № А—54849. Москва. Тираж 175.000 экз.

Типография газеты „Правда“, Тверская, 48.

Bolshevik

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

July

№ 14 31 ИЮЛЯ № 14

1930

МОСКВА

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

Год издания VII

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"

Адрес редакции: Москва, 9, Тверская, 48, Тел. 4-33-23, кремл. 1-11.

№ 14 — 31 июля — 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Международное рабочее движение и V конгресс Профинтерна.

Амстердам и Москва — два международных об'единения профессиональных союзов, два принципа, две установки. Одна установка — на классовый мир, на восстановление и стабилизацию капиталистического хозяйства, на «хозяйственную демократию», на «содействие капиталообразованию», на самоограничение рабочих в интересах сохранности и целости капиталистического общества. Другая установка — на классовую борьбу, на защиту интересов рабочего класса, на низвержение капитализма, на мобилизацию всех сил рабочего класса для революционной борьбы за социализм. Один принцип — сотрудничество классов, реформизм, ароматная голландская сигара для квалифицированных рабочих, другой — классовая борьба, большевизм, диктатура пролетариата. Это — два мира, две политики. Одна политика — политика превращения профдвижения в составную часть государственного аппарата буржуазии для подавления революционного движения рабочих масс, другая политика — политика превращения профдвижения в орудие классовой борьбы для низвержения капиталистического общества.

И также различны конгрессы этих двух профсоюзных интернационалов.

Всего несколько недель назад в мещанском тихом Стокгольме состоялся международный конгресс Амстердамского Интернационала профессиональных союзов, перед которым, по сути говоря, не стояло никаких других проблем, как помочь буржуазии переложить издержки теперешнего кризиса мирового хозяйства на рабочий класс. Перед собравшимся в большевистской рабочей Москве V конгрессом Проф-

интерна, по сути говоря, будет стоять также только одна проблема — как собирать силы, как организовать классовую борьбу, как отразить наступление капитала на жизненный уровень рабочих и перейти в контрнаступление, как использовать теперешний кризис для усиления позиций пролетариата и ослабления позиций буржуазии.

В этом — вся разница между стокгольмским и московским конгрессами. В этом — диаметральная противоположность их целей и задач. Исходя из этого, можно с уверенностью сказать, что к V конгрессу Профинтерна будет привлечено в десятки раз больше внимания мирового пролетариата, чем к стокгольмскому конгрессу амстердамцев, хотя организационно за стокгольмским конгрессом и больше рабочих, чем за московским.

IV конгресс Профинтерна состоялся в первой половине 1928 года, в то время, когда впервые начали выявляться основные признаки третьего периода. Начинающееся обострение противоречий капиталистической стабилизации, обнаруживающей все большую гнилость свою, начинающаяся радикализация масс пролетариата, нежелающего не только отступить перед капиталом, но и жить дальше в старых условиях труда, возвещало новый под'ем рабочего движения, новую волну классовых битв. Этим обусловливался поворот в тактике коммунистов в экономических боях.

В чем состояла суть этого тактического поворота?

Социал-демократия показала уже, что она превращается в партию социал-фашизма, что она уже настолько срослась с буржуазным государством, что в интересах «общего целого», руководимый его аппарат профдвижения не только не будет возглавлять крупных классовых столкновений, но не будет руководить и самыми элементарными экономическими забастовками в интересах рабочих. Стало ясно, что в предстоящий период больших революционных возможностей компартия одна должна будет возглавлять и отдельные экономические стачки. Стало необходимым немедленно приступить к организации самостоятельного руководства стачками, чтобы быть подготовленными к самостоятельному руководству теми большими классовыми боями, которые неизбежно, в недалеком будущем, вытекают из вырисовывающейся перспективы кризиса. Стало необходимым усилить работу по оформлению революционной профоппозиции в странах с единым, нерасколотым, профдвижением и по очистке от социал-демократических пережитков красных профсоюзов в странах с расколотым профдвижением. Стало необходимым организационно укрепить революционную профоппозицию для самостоятельного руководства экономическими боями.

Этим обусловливалась необходимость поворота, это создало суть, содержание этого тактического поворота.

Оправдал ли себя этот тактический поворот?

Истекший период дает возможность со всей определенностью заявить, что перспектива мирового развития, перспектива кризиса, перспектива предстоящего развала стабилизации, перспектива дальнейшей

радикализации масс и приближения новой волны классовых битв,—все это легло в основу тактического поворота,—оправдала себя целиком. Буржуазное хозяйство корчится в судорогах кризиса. Мы пережили ряд чрезвычайно острых классовых битв; а гораздо больше таковых еще впереди. Все это доказывает крупнейшее решающее значение поворота, совершенного IV конгрессом Профинтерна,—не сделай мы это, мы, не могли бы выполнить наши обязательства передового отряда классовой борьбы.

Но еще более ясным станет ответ на этот вопрос, если вспомнить тактику капиталистов и реформистов за этот период.

В чем заключалась тактика нашего классового врага в рабочем вопросе?

Во-первых, в еще более усиленной рационализации, чем в предыдущий период, но в рационализации с уменьшающимся количеством технических нововведений, с уменьшающимся вложением капиталов, с перенесением все большей тяжести на организацию труда, на «рациональное использование» рабочей силы, на сокращение количества работающих и уменьшение суммы зарплаты, чтобы сохранить сумму прибыли. Во-вторых, в попытках установления «гражданского мира» на предприятиях (мондизм). В-третьих, в попытках отнять завоеванное рабочим классом социальное обеспечение, уменьшить пособия по безработице, увеличить фактический рабочий день и т. д. В-четвертых,— в переходе к непосредственному, неприкрытому снижению зарплаты. При этом, если эти четыре метода уменьшения суммы расходов на рабочих и увеличения суммы прибыли применялись капиталистами в исторической последовательности, то в отдельных, наиболее рано пораженных кризисом, отраслях промышленности, снижение зарплаты стало применяться уже в 1928 году (текстильщики, рурские горняки и т. д.). Одним словом, вся политика капиталистов была политикой наступления на рабочий класс.

В чем заключалась тактика реформистов?

Реформисты исходили и должны были исходить из своей совместной с капиталистами ответственности за целость и непоколебимость капиталистического строя. Капиталистическая хозяйственная система в глазах реформистов-социал-демократов потеряла характер капиталистической системы эксплоатации, превратилась в «хозяйственную общность народа», в «народную индустрию» (Гильфердинг, Нафтали, Реннер, Аустерлиц). Эксплоатируемые и эксплоататоры превратились в «индустриальное общество», в «индустриальный народ», в «граждан хозяйства». Теоретическую основу этой «науки» дали Гильфердинг на кильском партейтаге германской социал-демократии и Нафтали на гамбурском конгрессе германских профсоюзов (1928г.), на котором была выдвинута теория «хозяйственной демократии» и «конституционной фабрики». На этой основе стоял Гильфердинг, когда он прокламировал поворот от вопросов «непосредственной классовой борьбы» к новым задачам, в которых профсоюзы должны участвовать путем хозяйственной демократии. На этой же основе стоял Лейпарт, когда он писал, что

«рабочие должны быть не только равноправными гражданами государства, но и равноправными гражданами хозяйства». И на этой основе стоит сегодня весь международный реформизм. Из этой «теории» вытекала позиция социал-демократии в вопросах классовой борьбы. Во-первых, реформисты стремились не допустить до забастовок, до борьбы, ибо согласно их новейшей теории, классовая борьба не является единственным и лучшим орудием в руках пролетариата. Во-вторых, они стремились устранить от решения вопросов о тарифах, зарплате и т. д. не только неорганизованных, т.-е. неподчиняющихся их директивам рабочих, а по мере роста сопротивления среди организованных и массу организованных в профсоюзах рабочих. В-третьих,— новую начавшуюся забастовку закончить принудительным арбитражем, т.-е. не развертывая борьбу, пойти на уступки капиталистам, выставляя в качестве нейтрального арбитра классовое капиталистическое государство. В-четвертых, — сломать всякую забастовку, идущую дальше признанных ими требований и решений арбитража. В-пятых, — не сопротивляться частичному, постепенному снижению пособий по социальному страхованию и безработице и т. д. В итоге, это — тактика срыва и борьбы против всякой забастовки, тактика отказа от пред'явления всяких требований, на которые капитал добровольно не дает своего согласия. Это — тактика постоянного отступления и полной капитуляции перед капиталом, тактика единого фронта с капиталом против рабочего класса.

Реформисты свою тактику отступления, капитуляции и срыва экономических классовых боев превратили в теорию, что в периоды хозяйственной депрессии нельзя вести экономических забастовок,—на самом деле, в теорию для оправдания своей штрейкбрехерской деятельности. Этой их теории и практике коммунисты должны были противопоставить свою стачечную стратегию и тактику, свою установку на развертывание борьбы в условиях кризиса, тактику контрнаступления пролетариата. Но они не сумели еще мобилизовать достаточно широких масс, чтобы прорвать единый наступающий фронт капитала, капиталистического государства и штрейкбрехеров-реформистов в важнейших его участках. Они не сумели еще оторвать достаточно широкие массы от реформистов и сделать их тактику невозможной.

В этом заключается задача дня.

VI конгресс Коминтерна (июль — август 1928 г.) констатировал, что мы вступаем в «третий период», одной из черт которого является радикализация масс и развертывание великих классовых битв. Под'ем стачечной волны в Европе осенью того же 1928 года был одним из главных показателей правильности этого анализа. Этот под'ем стачечной волны происходил в условиях выявляющихся признаков депрессии, открывающей полосу кризиса. В мировом масштабе этот кризис, прежде всего, поразил текстильную и угольную промышленность, в которых депрессия началась еще тогда, когда в остальной промышленности еще существовала высокая кон'юнктура. Это привело к забастовкам текстильщиков в Польше (Лодзь), Германии (Мюнхен-Гладбах) и во Франции (Север) и к забастовке горняков и металлистов на Руре.

В связи с этими забастовками перед нашими товарищами встал целый ряд важнейших политических и тактических вопросов, сыгравших громадную роль в выработке линии. Во-первых,—об историческом месте этих забастовок. Правые, еще не исключенные тогда из Коминтерна и Профинтерна, подчеркивали оборонительный характер этих забастовок и доказывали, что они происходят на нисходящей волне, что они, следовательно, являются не предвестниками новой стачечной волны, а отзвуком прежних больших классовых битв. Во-вторых,—в вопросе об организованных и неорганизованных рабочих. Во время этих забастовок Коминтерном впервые был во весь рост поставлен вопрос о вовлечении в борьбу и организацию неорганизованных, которые поднялись к активной революционной классовой борьбе, которые показали в этих забастовках себя зачастую более революционными, чем организованные в профсоюзах рабочие. Непонимание этой революционной роли неорганизованных, с одной стороны, выявляло настроение своего рода профсоюзного аристократизма и непонимания условий и причин, благодаря которым широкие массы — большинство — рабочих остаются вне профсоюзов, с другой стороны, означало непонимание того, что мы входим в период, одной из черт которого является радикализация рабочих масс и что эта радикализация, прежде всего, сказывается в выступлениях наиболее угнетенных эксплоатируемых групп рабочих. В-третьих, — о роли и значении самостоятельной тактики коммунистов в забастовках. Во время этих забастовок коммунисты впервые ломали в больших боях профсоюзную легальность, создавая забастовочные комитеты (Лодзь, Рур) с вовлечением в них неорганизованных. В-четвертых, — в вопросах о перерастании экономической стачки в политическую борьбу. Лодзинская текстильная забастовка превратилась во всеобщую, явно политическую забастовку. Рурская забастовка явно обнаружила, что необходимо бороться против тройственного союза капиталистов, государства и реформистов, что нужно итти на прорыв этого единого фронта, чтобы получить успех.

1929 год дает общее уменьшение количества забастовок и бастующих в ряде важнейших стран (Германия, Польша, Чехо-Словакия, Бельгия, Индия, Австралия и др.) при колеблющемся положении в САСШ и значительном росте стачечного движения во Франции и Англии. Это дало повод правым и левым ренегатам вновь открыть атаку по нашей линии, доказывая, что радикализации масс нет, что стачечное движение есть основной показатель революционизирования масс, оно же, мол, показывает не под'ем, а упадок. Больше того, что надвигающийся кризис означает депрессию, а не радикализацию в рабочем классе, что на этой нисходящей, на депрессии стачка невозможна, что разговоры о великой волне классовых битв являются пустой болтовней.

Что нового показала стачечная волна 1929 года?

Она доказала, что в настоящий период стачка все больше должна развиваться помимо и против реформистских профсоюзов, которые не хотят и не будут вести стачек, а будут всемерно противодействовать их развитию и срывать их по их возникновении. Разве всеобщая забастовка горняков в Англии в 1926 году не означает поворот в английском профдвижении? Было бы сверхоппортунизмом видеть в этой забастовке только поражение. В ней выявлялся уже тогда рост революционности масс, желающих развернуть борьбу вопреки профсоюзным лидерам. Гораздо больше в ней выявлялся рост активности самых угнетенных и отсталых масс, направляющих свой удар против капиталистического режима в целом. Именно поэтому английские реформисты в итоге этой забастовки пошли в открытый блок с буржуазией и сами легли барьером, чтобы не допустить рабочих к организации новых забастовок. Без этого никакой застой в английской промышленности не мог бы привести к падению количества забастовок вдвое. Разве Венское восстание 1927 года, возникшее помимо и против австро-марксистского руководства не положило конец «левизне» австро-марксизма? Такое же значение для германской социал-демократии, уже в гораздо большей мере сросшейся с государственным аппаратом, имела Рурская забастовка 1928 года. После этих и им подобных движений становится ясно, что теперь реформисты начинают постепенно терять свою руководящую роль в рабочем классе, что борьба все более развертывается — при активном участии неорганизованных масс, при все шире распространяющейся практике создания массами своих органов руководства забастовками, при все большем перехлестывании движения через голову профсоюзов и превращения всякого крупного движения за повышение зарплаты или против ее снижния в политическую забастовку, сопровождающуюся столкновениями с аппаратом государственной власти — и развертывается массовое революционное движение.

Чем более приближается кризис, чем острее депрессия, тем более явной становится штрейкбрехерская роль социал-демократии, тем более социал-демократия стремится не допустить до стачки, сорвать само движение за зарплату. Особенно это становится явным в Германии, где социал-демократия находилась у власти. Принудительный государственный арбитраж — вот то оружие, которое выставляется против рабочих масс в этих условиях. Поэтому большинство движений за зарплату заканчивается, не доходя до стачки. Рабочие не видят организованного руководства и помощи в забастовке, видят колоссальные трудности забастовок, проводимых против профсоюзов и все чаще хватаются за другие методы борьбы, все большее значение получают другие формы пролетарской революционной активности.

1929 г. есть, прежде всего, год революционных демонстраций во всех странах, уже находящихся в кризисе или вступающих в него. Форма уличных выступлений, в которых руководство компартии гораздо сильнее, кажется рабочим массам наиболее выгодным и прямым путем выступления против существующего режима. Неорганизованные—они наталкиваются в предприятии на организованную силу реформистско-предпринимательского блока. Реформисты подходят к рабочим с заявлениями, что в условиях кризиса экономическая борьба невозможна. Открытое наступление капитала идет еще главным образом на отдельные группы рабочих. Основной формой этого наступления является уменьшение пособий безработным, ухудшение социального страхования, введение новых налогов, рост дороговизны, т.-е. наступление на жизненный уровень рабочих протекает в формах, которые определяются вне предприятий. Внутри предприятий это наступление еще не является наступлением всем фронтом, а протекает в формах увольнений, которые требуют выступлений солидарности, а не затрагивают еще непосредственно всех рабочих.

Развертывание кризиса в 1930 г. характеризуется в основных капиталистических странах Европы и в ряде внеевропейских стран уже наступлением капитала по всему фронту, т.-е. развернутым наступлением и на уровень зарплаты. Поэтому последние месяцы характеризуются новым поворотом в стачечном движении с переносом главного центра борьбы опять на предприятия, при чем эта фронтовая атака на жизненный уровень рабочих в странах кризиса сопровождается частичным наступлением на зарплату в странах, только что входящих в депрессию. Самыми важнейшими из забастовок этого периода являются забастовка английских шерстянников, Мансфельдская забастовка в Германии, Рурская забастовка — там же, забастовка на Севере Франции и т. д., сопровождающиеся рядом меньших по размерам забастовок во всех странах. Для истории классовой борьбы эти забастовки безусловно имеют не меньшее значение, чем забастовки осени 1928 года. Они показывают высшую стадию развертывания борьбы, рост революционных настроений, частичное высвобождение из-под влияния социал-фашистов и возросшую организованность и спаянность рабочих масс.

Английская забастовка шерстянников своим острием была прямо направлена против правительства Макдональда, именующего себя рабочим правительством, и против английского реформизма в целом. Она втянула новые слои английского пролетариата, его самые угнетенные и эксплоатируемые слои. Она показала колоссальное брожение в рабочем классе Англии и готовность английского пролетариата бороться под руководством компартии. Ее непосредственный неуспех ни в коем случае не означает нашего политического поражения, она означает, что в системе английского капитализма уже образовались глубокие трещины, которые показывают всю его гнилость и неустойчивость. Мансфельдская забастовка показала уже значительную зрелость забастовочного руководства германской профоппозиции, ее умение мобилизовать массы, вести их за собою против реформистов, бороться против предательства и т. д. Но ни одна из этих забастовок еще не закончилась победой революционной профоппозиции, что, однако, не уменьшает их значения.

Эти забастовки показали широким рабочим массам, что возможна борьба и против воли реформистских профсоюзов под руководством профоппозиции. Эти забастовки показали, что происходит глубоко идущий процесс радикализации масс, что в революционный фронт втянуты новые, широкие пласты рабочих. Эти забастовки показали, что капиталистам и при соглашении с реформистами не удается без боя отбросить назад рабочих и возложить на них все издержки кризиса. Эти забастовки показали, что чем быстрее срастается реформистский профаппарат с капиталистическим государством, тем более рабочие массы освобождаются из под его влияния.

Но вместе с тем все эти забастовки показали и ряд слабостей революционного фронта. Важнейшим недостатком этих забастовок была исключительно оборонительная установка их. Они не подготавливались в течение продолжительного времени революционными профорганизациями. Наоборот, наше руководство приходило на готовое, на стихийно выросшие настроения масс к борьбе, не участвовав во всех предыдущих стадиях подготовки ее. Мы в ряде случаев среди бастующих рабочих не имели никаких постоянных организаций (английские шерстяники), а там, где они были, они проявляли себя в недостаточной мере, не стали базой и опорой для развертывания борьбы. Мы не умели достаточно хорошо ухватиться за то, что больше всего болит у рабочих, и от этих болячек не смогли поднять их до политической борьбы. Мы не сумели организовать широкого сочувствия бастующим вне районов забастовок.

Наш успех, главным образом, политический.

Мы добились того, что рабочие уже не боятся боя. Добились, что мы признаны как руководство, добились того, что мы единственное руководство в даных условиях. Мы доказали, что экономическая стачка вполне возможна в условиях кризиса и имеет значительные шансы на успех, если удастся освободиться из-под реформистского руководства. Не сдаваться перед кризисом, не капитулировать перед наступлением капитала, а развертывать борьбу — таков будет вывод, который из этих стачек сделают рабочие.

Революционное профдвижение за время после IV конгресса в общем масштабе продвинулось весьма значительно вперед в смысле самостоятельного руководства боями, но значительно менее в смысле организационного усиления и закрепления.

В классовых битвах за нами идут такие массы рабочих, к которым мы до этих битв почти что не обращались, которых мы до этих битв не организовывали.

Это об'ясняется тем, что мы еще не сумели обыденной каждодневной работой оторвать широкие массы от реформистов, не смогли их привлечь на сторону наших организаций вне битвы, но только во время битвы мы стали на виду масс.

Мы в «военное» время сильнее, чем в мирное, т.-е. во время стачки сильнее, чем вне стачек. Но, однако, и во время стачек мы организационно еще слабы.

Наши слабости во всех странах вытекают из одного корня — из неумения отвоевать массы на предприятии от социал-фашизма и прочно об'единить под наше руководство, что, в свою очередь, является следствием правого и «левого» оппортунизма в наших организациях.

В чем основное конкретное выражение правого уклона на предприятии, в профсоюзе, в нашей массовой работе?

Прежде всего, в том, что стирается грань между правооппортунистами и реформистами в глазах масс. Прежде всего, в том, что правооппортунисты скатываются к политическим, и следовательно, тактическим позициям социал-демократии. Если правооппортунист так же, как реформист говорит, что во время кризиса борьба невозможна и нужно капитулировать перед предпринимателем, если правооппортунисты в фабзавкомах голосуют за сокращение рабочих по предложению предпринимателя, то как рабочему отличить, где амстердамовец, где сторонник красного Профинтерна. Но больше того, рабочие идут к нам потому, что мы единственные защитники масс против капитала, эксплоатации, — а зачем же рабочим нужны красные фабзавкомщики, которые голосуют за сокращения рабочих, не могут, не хотят повести на борьбу за повышение зарплаты. Правооппортунисты отталкивают массы от нас.

В чем основное конкретное выражение «левого» уклона на предприятии, в профсоюзе, в нашей массовой работе?

Прежде всего, в том, что под радикальными фразами «левых» скрывается то же реформистское ничегонеделание для рабочих масс. Прежде всего, в том, что «левые», записавши всех организованных в реформистских профсоюзах в рабочую аристократию, отказываются фактически от упорной и тяжелой борьбы за организованных в реформистских профсоюзах рабочих. Прежде всего, в том, что переоценивая силы социал-фашизма на предприятии, «лево»-уклонист также приходит к выводу о невозможности экономической борьбы, он не видит в экономической забастовке возможности выдержать до конца, не видит возможности выигрыша. Он поэтому не придает большого значения реальным требованиям рабочих.

«Левый» уклонист также отпугивает от нас рабочих, усиливает реформистские профсоюзы.

Борьба за укрепление революционного профдвижения это, прежде всего,—борьба как против правооппортунистов, так и «лево»-уклонистов, ибо рабочий должен видеть, что революционные профсоюзы, организаторы оппозиции, действительно, на деле отличаются от реформистов.

Конечно, было бы глупо думать, что в настоящую эпоху, в эпоху дьявольски острой классовой борьбы, создать и укрепить красные профсоюзы дело легкое. Против красного профсоюза стоит тот же тройственный союз капиталистов, государства и социал-фашистов, как и против всей рабочей массы во время забастовки. Целый ряд организаций красных профсоюзов закрыты полицией, нередко арестовываются работники красных профсоюзов, конфискуется имущество. Почти во всех странах при всех увольнениях сторонников Профинтерна выго-

няют в первую очередь с предприятий. Но все это ни в малейшей мере не может об'яснить и оправдать организационной слабости и, даже, уменьшения членов красных профсоюзов, например, во Франции и Чехо-Словакии.

Однако, главными причинами слабости наших красных профсоюзов являются отнюдь не террор и преследования, а то обстоятельство, что они не сумели стать действительными представителями рабочих в их борьбе за повседневные мелкие экономические требования рабочих масс, в борьбе против наступления капитала на зарплату, условия труда и быта рабочих, что красные профсоюзы до сих пор зачастую больше похожи на партию, чем на профсоюз.

Сознавая эту причину нашей организационной слабости, V конгресс Профинтерна должен сосредоточить максимум внимания на этих вопросах защиты жизненного уровня и бытовых условий рабочего. Вместе с тем, Профинтерн должен иметь такие лозунги, которые могли бы помочь рабочим массам от этих вопросов перейти к более широким политическим задачам. Революционный красный профсоюз — организация, мобилизующая рабочие массы для классовой борьбы,—это сочетание конкретных бытовых и общеполитических задач должен использовать для того, чтобы стать действительно широкой, действительно массовой организацией.

Наши задачи в странах, где имеются красные профсоюзы, более или менее отчетливы. Здесь все усилия прилагаются к укреплению революционных профсоюзов, вовлекая в них массу, строя их на основе предприятий, создавая для них опорные пункты в фабрично-заводских комитетах и т. д., но в то же время не бросая работы в реформистских профсоюзах по отвоеванию находящихся еще там широких рабочих масс для перевода их в красный профсоюз.

Мы ни в одной стране не можем отказаться от работы в реформистских профсоюзах. Мы должны в них вести упорную работу как там, где мы имеем красные профсоюзы, так и, в особенности, там, где мы красных профсоюзов не имеем. Это не означает, что не нужно работать в христианских и даже в фашистских профсоюзах. Но совершенно неправильно ставить на одну доску реформистские, христианские и фашистские профсоюзы. Не потому, что одни вожди — лучше других, а потому что методы вовлечения и удержания рабочих в реформистских профсоюзах другие, чем в фашистских и христианских, что методы влияния на массу здесь другие. Конечно, рабочий, идущий в фашистский союз, обманут, несознателен, нужно его просветить, но он, вступив в фашистскую организацию, вошел в боевую организацию буржуазии для борьбы против организаций, ведущих классовую борьбу. Это заставляет по отношению к нему применять особые методы работы. Это удерживает мало-мальски сознательных, мыслящих рабочих от какого-либо соприкосновения с этими союзами. Другое дело — реформистские профсоюзы. В целом ряде стран они еще называются классовыми. Сюда рабочий приходил, искренно думая, что идет в организацию для классовой борьбы и видел в этих организациях свою действительную защиту. Да и теперь он в мелких текущих вопросах кое-в чем находит защиту в союзе, ибо было бы глупо представить, что реформисты с утра до вечера только и делают, что открыто предают рабочих. Предавая оптом и в розницу, они «ходатайствуют» за грошевые подачки. Поэтому в этих союзах есть—широкие рабочие массы, здесь есть широкое поле для нашей деятельности, поэтому в ряде стран не может быть речи о создании серьезных красных профсоюзов, не отвоевав основной части рабочих у реформистов. Те, которые говорят, что нет различия между фашистскими и реформистскими профсоюзами, во-первых, этим самым фактически выступают против работы по отвоеванию и переубеждению находящихся там рабочих, во-вторых, они приводят к тому, что в работе в реформистских профсоюзах применяются те же методы «убеждения», как и в фашистских.

Такая тактика, проводимая в жизнь, была бы самой пагубной, сектантской тактикой.

Мы должны вести упорную работу в реформистских профсоюзах для завоевания масс для революционной профоппозиции. Но наши товарищи не всегда это делают. Мы можем сказать смело, что внутри реформистских профсоюзов за последний год наше влияние повсюду уменьшилось. В этих условиях сплошного издевательства реформистской бюрократии над членской массой профсоюзов, не только многие активные коммунисты были исключены, но гораздо большее количество ушли сами. После штрейкбрехерства на отдельной фабрике нередко группа сознательных рабочих, иногда целое профсоюзное отделение, вместо того, чтобы бороться за влияние в союзе, постановляет прекратить платеж членских взносов, и уходит из профсоюзов. К сожалению, не везде наши организации в достаточной мере противодействовали этим тенденциям, а без этого основной массы организованных в реформистских профсоюзах рабочих нам не завоевать. В Германии и в Англии мы потеряли некоторые позиции внутри профсоюзов, но если в Германии мы одновременно построили мощную профоппозицию, то в Англии мы и движение меньшинства потеряли как организованную силу.

Отказ от работы в реформистских профсоюзах есть отказ от борьбы за широкие массы рабочих, который требует самого решительного осуждения. В этом наиболее остро проявляются сектантские настроения наших профработников.

Отказ этот обосновывается стремлением к созданию красных профсоюзов в странах, где мы еще имеем не расколотое реформистами профдвижение. В этих условиях чудовищных предательств реформистов вряд ли можно найти коммуниста, который ориентировался бы на то, что нам долго удастся сидеть в реформистских профсоюзах, тем более трудно найти такого коммуниста, который был бы против создания красных союзов вообще.

Дело в методах и темпах.

Нам нужны не карликовые профсоюзы, нам нужны мощные профсоюзы, могущие руководить борьбой рабочего класса, говорить от его имени, представлять рабочий класс и его классовые интересы. Нам не нужны, мелкие, никчемные осколки профсоюзов, профсоюзные секты, вроде бельгийских рыцарей труда и т. п. Такие организации, как бы революционными они себя ни называли, на деле будут тормозить создание сильных и мощных красных профсоюзов. Неправильно при этом было бы ориентироваться повсюду на неорганизованных, в первую очередь. Есть ряд стран, в которых профсоюзы — клика бюрократов, социал-фашистская банда, — понятное дело, что там строительство новых профсоюзов должно опираться на неорганизованных. Но в таких странах, как, например, Германия было бы глупостью создавать красные профсоюзы, не имея возможности увести из реформистских профсоюзов значительной массы рабочих. Поэтому наши германские товарищи всячески сопротивляются провокации реформистов — заставить нас уйти, пока широкие массы в реформистских профсоюзах еще не пришли в движение, и тем изолировать от масс, сделать невозможным, чтобы при предстоящем политическом кризисе в реформистских союзах мы стали бы во главе недовольных.

Мы идем к тому, что нам придется повсюду создавать красные профсоюзы, но мы ни в коем случае не должны торопиться, не должны поддаваться на провокацию реформистов, ибо для них, чем раньше нас отколоть, тем лучше.

Тем временем мы должны всеми силами укреплять политически и организационно революционную профоппозицию, понимая, что это есть зародыш новой крепкой организации, которая может появиться на свет, когда жизнеспособность ее обеспечена.

Но нам нужны не организации на бумаге, а организованные массы.

Поэтому лучше слабое организационное оформление больших масс, пока мы подойдем к крепкой организации, руководящей и представляющей массы.

Основное — политическое завоевание масс.

Организационные задачи только на основе этого завоевания масс могут быть решены.

V конгресс Профинтерна своими работами и решениями обеспечит организацию революционного контрнаступления пролетариата.

М. Чернов.

Основные задачи хлебозаготовительной кампании.

В хлебозаготовительную кампанию 1930—31 г. мы вступили, имея богатейший опыт из практики трех предшествующих лет ожесточенной борьбы с капиталистическими элементами и, прежде всего, с кулачеством на хлебном фронте. Приобретенный опыт и достигнутые в борьбе результаты должны лечь в основу построения новой хлебозаготовительной кампании.

Хлебозаготовительный фронт состоял и состоит из двух тесно увязанных между собой участков борьбы. Первый участок—борьба государства за поступление в его распоряжение наибольшего количества товарных излишков хлеба от существующего на данном этапе производства зерна. Второй участок—борьба за расширение зернового производства на базе крупного обобществленного хозяйства. Оба участка были тесно переплетены друг с другом. Каждый успех на одном из них продвигал нас вперед на другом участке и наоборот. В результате мы одерживали победу за победой на всем фронте борьбы за хлеб. В этом отношении особенно показателен опыт предыдущей хлебозаготовительной кампании. Партией с самого ее начала были мобилизованы вокруг хлебозаготовок широкие бедняцко-середняцкие массы деревни и через них было организовано решительное наступление на кулацкие элементы. В результате государственный план хлебозаготовок был выполнен в размере 109 проц. по всем зерновым хлебам и в размере 102% по продовольственным культурам. В порядке твердых планов сдачи хлеба государству от кулацких и зажиточных хозяйств, благодаря нажиму со стороны бедняцко-середняцкой общественности, было из'ято 3,5 млн. тонн, или 23% всех заготовок. Кулаки были вынуждены сдать государству не только излишки хлеба производства текущего года, но и старые запасы; последние у кулаков были одним из средств эксплоатации бедноты. В результате хлебозаготовок эти запасы хлеба поступили в распоряжение государства.

Успешное завершение хлебозаготовительной кампании в свою очередь содействовало успешному развертыванию колхозного движения. Богатый опыт борьбы бедняцко-середняцкой массы деревни против кулачества во время хлебозаготовок был одним из стимулов, развивавших колхозное движение и закреплявших колхозы. Развитие обобществленного сектора сельского хозяйства, в свою очередь, содействовало успеху хлебозаготовок. Уже в прошлую кампанию от совхозов и колхозов было получено 2 млн. тонн зерна, или 12% общих заготовок. Хлеб обобществленного сектора был особенно ценен тем, что он поступал наиболее быстро и тем позволял перейти от одного сельскохозяйственного года к другому без перебоев в снабжении страны хлебом. Возможность таких перебоев, благодаря ничтожным размерам переходящих запасов, была налицо. Эта возможность была предотвращена только благодаря быстрой мобилизации совхозов и колхозов в первые же недели кампании.

К новой хлебозаготовительной кампании партия подошла с крупными достижениями по всему фронту борьбы за хлеб. Величайший переворот в развитии сельского хозяйства произвел огромные сдвиги в его структуре и резко изменил лицо деревни. Сдвиги в сторону социалистического преобразования деревни ярко выступают в следующей таблице, где дано сопоставление товарных излишков хлеба за прошлые годы и фактических заготовок в 1929—30 году с планом на новую кампанию по отдельным секторам и источникам поступления хлеба (в процентах)

	Довоен. время	1926/27 г	1929/30 г.	1930/31 г.
Помещики	21.6	—	—	—
Кулаки	50	20	23	3
Бедняки и середняки	28.4	74	65	44
Совхозы и колхозы	—	6	12	53
Итого:	100	100	100	100

Обобществленный сектор сельского хозяйства в государственном плане хлебозаготовок занимает уже больше половины и превышает удельный вес кулацких хозяйств в прошлую кампанию в 2,5 раза. Роль кулацких хозяйств в товарных излишках хлебов понизилась с 23% в прошлом году до 3% в новую кампанию. Удельный вес колхозов составляет теперь 45%, что почти покрывает роль кулацких хозяйств в довоенное время. Повышение удельного веса обобществленного сектора сельского хозяйства достигнуто за счет увеличения посевных площадей, повышения урожайности по сравнению с единоличными хозяйствами и высокой товарности хлебов. Посевная площадь под зерновыми хлебами в совхозах и колхозах достигла 32,4 млн. га, вместо 4,6 млн. га в прошлом году. Отдельно: в совхозах 2,8 млн. га, вместо 1,2 млн. га и в колхозах 29,6 млн. га вместо 3,4 млн. га.

Урожайность в среднем по Союзу на гектар определяется: в совхозах 9,87 центнеров, в колхозах 9,16 цент. и в единоличных хозяйствах 8,35 центнеров. Уже в прошлом году товарность хлебов по отдельным секторам составляла: в совхозах—56%, в колхозах — 37% и у единоличников — 18%. Развертывание совхозов и мощный рост колхозов уже сами по себе, помимо общего роста посевных площадей и климатических условий, должны были дать значительно повышенную, по сравнению с прошлым годом, товарную массу хлеба. Между тем, и общие условия оказались достаточно благоприятными для новой хлебозаготовительной кампании. Посевная площадь озимых и яровых хлебов выше прошлогодней на 9%. Урожайность выше средней и оценивается по отношению к прошлогодней в 112%.

Все условия таковы, что мы могли построить план хлебозаготовок на новую кампанию значительно шире по сравнению с прошлым годом. Это дает возможность утверждать, что новая хлебозаготовительная кампания позволит нам изжить те затруднения с хлебом, которые мы переживали. Дальнейшее развертывание совхозов, развитие строительства колхозов, которое будет осуществлено в новом хозяйственном году, поведет уже к полному удовлетворению всех потребностей страны в хлебе. Новая хлебозаготовительная кампания важна именно тем, что она является проверкой на практике результатов социалистического строительства в деревне и должна дать в распоряжение государства такое количество хлеба, которое было бы достаточно для удовлетворения всех насущных потребностей государства.

Каждый год хлебозаготовительная кампания требовала напряжения сил партии, мобилизации рабочих и бедняцко-середняцких масс на борьбу за дело хлебозаготовок. Такие же требования пред'являются и новой хлебозаготовительной кампанией. Чтобы разрешить те задачи, которые перед ней стоят, потребуется громадное напряжение всех сил. Внешние условия вполне обеспечивают возможность выполнения установленного широкого плана хлебозаготовок. Однако, это отнюдь не означает, что мы сумеем разрешить задачи новой хлебозаготовительной кампании в порядке самотека. Нужна будет максимальная организованность и умение мобилизовать рабочие и бедняцко-середняцкие массы на борьбу за хлеб. *Самое опасное для хлебозаготовок — недооценка трудностей, увлечение благоприятными внешними условиями и надежда на самотек.* Первое, чего нужно достигнуть, — уничтожение всякого «самотечного» настроения. Первые недели новой хлебозаготовительной кампании показывают, что такого рода настроения на местах имеются. Рассуждают иногда так: «У нас сплошная коллективизация, мы укажем каждому колхозу, сколько он должен сдать хлеба государству и по часам выполним план хлебозаготовок»; или: «Урожай большой, хлеба крестьянами собрано много, затруднений в хлбозаготовках не будет»; или «Опасности, какую мы имели в прошлом году, нет. Кулаки ликвидированы, остались лишь захудалые кулаки где-то там по заколхозным полям и поэтому план хлебозаготовок может быть выполнен легко».

С такого рода настроениями приходится встречаться в настоящее время, и они составляют прямую угрозу успешному проведению кампании. Не подлежит никакому сомнению, что мощное развитие обобществленного сектора сельского хозяйства в значительной мере облегчает проведение новой хлебозаготовительной кампании и, прежде всего, позволяет придать ей максимальную организованность. Однако, это не устраняет трудностей. В новой кампании мы встречаемся с ожесточенной борьбой со стороны кулацких элементов деревни. Кулаки потеряли свою прежнюю силу, основанную на производстве хлебов. Тогда, сосредоточивая в своих руках значительное количество товарных излишков хлеба, они через них воздействовали на остальные слои деревни: сами упорно сопротивлялись продаже своего хлеба государству и подбивали к этому другие группы крестьян. Теперь кулаки будут действовать по другим линиям. Они будут всячески пытаться воздействовать на крестьян-середняков, в том числе и на неустойчивую часть колхозников, играя на их индивидуалистической психологии и агитируя за задержку продажи хлеба государству. С этой стороны они будут использовать резкую разницу между государственными заготовительными ценами и спекулятивными ценами; этой разницей они будут прельщать отдельные группы крестьян в своей агитации за отказ продажи хлеба государству. Кроме того, кулаки особенно будут вредить делу хлебозаготовок путем спекуляции хлебом. Кулак потерял возможность наживы и обогащения на основе производства, но само стремление к наживе и обогащению у него сохранилось. Он будет пытаться и уже пытается, как показали первые недели кампании, развернуть спекуляцию хлебом, чтобы таким путем осуществить свои стремления. *Атаки кулака против хлебозаготовок должны быть отбиты с самого начала кампании*, его попыткам развернуть вредительскую агитацию и спекулятивную работу необходимо противопоставить организованную силу самой бедняцко-середняцкой массы села. Поэтому, *самое главное* в новой хлебозаготовительной кампании — это умелый и гибкий подход в деле хлебозаготовок к отдельным хлебосдатчикам и на этой основе мобилизация их сил вокруг хлебозаготовок.

В настоящее время мы имеем большое разнообразие среди крестьянских хозяйств: колхозы с обобществленной продукцией зернового хозяйства; колхозы, где сохранены в индивидуальном распоряжении озимые посевы; единоличные хозяйства, контрактующие свои по-

севы; единоличные хозяйства, не контрактующие своих посевов; кулацкие хозяйства. Это разнообразие требует гибких методов работы для того, чтобы обеспечить поступление товарных излишков хлеба в распоряжение государства и мобилизацию вокруг хлебозаготовок бедняцко-середняцких масс в деревне. Колхозы дают государству хлеб в размерах, установленных для них норм сдачи. Наркомторгом СССР установлены средне-областные и республиканские нормы сдачи хлеба колхозами в следующих размерах: Украина — 35%, Крым — 25%, Сев. Кавказ — 33%, Нижняя Волга — 30%, Средняя Волга — 28%, ЦЧО — 25%, Башкирия — 28%, Урал — 25%, Татария — 15%, Сибирь — 29%, Казакстан — 30%, Дальне-Восточный край — 25%, Киргизия — 25% и для районов потребляющей полосы установлена норма от 3 до 13% от валового сбора хлебов. На основе средне-областных норм с учетом структуры хозяйства в отдельных районах установлена примерная сдача хлеба колхозами. Количество хлеба, сдаваемого в порядке выполнения норм колхозами определяется установленными для районов нормами и размерами валового сбора хлебов в каждом колхозе. Поэтому, *важнейшее требовние сводится к тому, чтобы был правильно определен валовой сбор хлебов в колхозах.* В прошлую кампанию при установлении сельских планов хлебозаготовок в ряде мест наблюдались ошибки. Одним селам давались планы преувеличенные и они выполнялись с большим трудом, при хорошей организационной работе, а то и совсем не выполнялись; другим селам давались планы преуменьшенные, которые легко выполнялись при плохой организационной работе.

Ошибки, наблюдавшиеся в распределении планов по селам, уже были большим злом, но еще большим злом будет неправильное распределение количества сдачи хлеба колхозами. Колхозы, получившие преувеличенные задания, будут испытывать потом большие затруднения в развитии своей хозяйственной деятельности, что безусловно осложнит развитие данных колхозов. Поэтому особенно необходимо с наибольшей ответственностью подойти к определению валового сбора хлебов в колхозах и к установлению примерных норм сдачи ими хлеба. Средний процент сдачи хлеба колхозами по СССР определяется в размере 33. Между тем, уже в прошлом году колхозами было сдано до 37% валового сбора хлебов в колхозах. В этом году товарность в колхозах, в связи с повышением урожайности, и больший посев обеспеченности на каждое хозяйство, вошедшее в колхоз, значительно выше. Поэтому сверх установленной нормы сдачи хлеба в колхозах будут дополнительные товарные излишки хлеба. Колхоз в праве ими распоряжаться по своему усмотрению: он может их употребить на улучшение питания своих членов, на развитие животноводства и может пустить в продажу.

Не может быть сомнения, что кулак разовьет бешеную агитацию за продажу этих излишков по спекулятивным ценам на частный рынок. При этом кулак будет играть на мелкособственнических инстинктах наиболее отсталой части колхозников—вчерашних единоличников. Каждому сознательному колхознику должен быть ясен тот вред, который был бы нанесен пролетарскому государству и делу колхозного движения подобным выступлением колхозника на поприще хлебной спекуляции. Вступая на этот путь, колхозник противопоставляет себя пролетарскому государству и оказывает помощь его злейшим врагам, хлебным спекулянтам-кулакам.

В каждом районе должна быть проведена по этому вопросу большая раз'яснительная работа среди колхозников. Опираясь на колхозную массу, организуя социалистическое соревнование, мобилизуя бедняцко-середняцкую общественность, нужно добиться, чтобы отпор кулацкой агитации и максимальная сдача хлебных излишков сверх установленной нормы государству стало делом чести для широких масс колхозников. *Добиться этого является важнейшей задачей партийных и советских организаций в районе.* В то же время необходимо жестко пресекать всякие попытки кулака выступить в роли хлебного спекулянта.

Продажа колхозами государству всех товарных излишков хлеба должна быть обеспечена нашей политической и раз'яснительной работой, а равно и премированием колхозов, сдающих государству хлеб сверх установленной нормы, путем преимущественного снабжения дефицитными промтоварами, тракторами и др. с.-х. машинами. В порядке соглашения между хлебозаготовительными организациями и колхозами должна быть организована заготовка тех излишков, которые остаются у колхоза сверх установленных норм сдачи. Путем развернутой массовой работы и рядом экономических мероприятий надо добиться того, чтобы не только колхозники, но и единоличники продавали государству все свои излишки. Государство для этой цели организует специальный премиальный фонд промтоваров. Колхозы и единоличные хозяйства, сдавшие хлеб сверх установленных норм, будут получать повышенное снабжение промтоварами. За сдачу в пределах установленных норм, за каждые 16 килограммов сданного хлеба, крестьяне получат дефицитных товаров: колхозы на 35 коп., единоличники на 30 коп., а за сдачу сверх установленных норм за каждые 16 килограммов колхозы и единоличные хозяйства, контрактовавшие свои посевы, получают на 40 коп. особо недостаточных товаров.

С единоличными хозяйствами, контрактовавшими свои посевы, взаимоотношения хлебозаготовителей нормированы заключенными с ними договорами. По этим договорам единоличники-контрактанты сдают государству хлеб в определенном количестве с каждого гектара засеянной площади. Норма установлена повсюду из расчета среднего урожая. Поэтому в отношении единоличников-контрактантов основная задача заключается в установлении действительного количества засеянной площади и урожайности. В числе единоличных крестьянских хозяйств имеется очень значительное количество таких, которые совсем не контрактовали своих посевов; их число составляет около половины всех единоличных хозяйств. Взаимоотношения государства по заготовке хлеба с этими хозяйствами никакими договорами не нормированы. Между тем, количество хлеба, которое должно поступить от этих хозяйств, занимает в государственном плане хлебозаготовок около 20%. Таким образом, *недозаготовка хлеба от этих хозяйств могла бы нам сорвать выполнение самого плана хлебозаготовок.* Та роль, которую эти хозяйства еще играют в плане хлебозаготовок, требует того, чтобы все товарные излишки хлеба от этих хозяйств поступили в распоряжение государства. Средствами для этого должно стать широкое развертывание массовой работы и применение практики самообязательств перед сельской общественностью на сдачу этими хозяйствами определенных количеств хлеба соответствующих их товарным излишкам.

Что касается кулацких хозяйств, то в отношении их действует правительственное постановление, по которому они обязаны сдать хлеб государству в размере твердого задания, которое дается им сельсоветами. Сельсоветы должны обеспечить поступление хлеба от кулацких хозяйств тотчас после уборки хлебов. Упорствующие из кулаков подвергаются прямому административному воздействию в порядке 107 статьи уголовного кодекса.

Таково разнообразие категорий хлебосдатчиков. Для того, чтобы действительно мобилизовать бедняцко-середняцкие массы деревни вокруг хлебозаготовок нужен умелый и гибкий подход на селе в хлебозаготовках. Одним из организующих средств, как показал опыт прошлых хлебозаготовок, является доведение плана до села. План, доведенный до села, ставя конкретные задачи перед сельской бедняцко-середняцкой общественностью, помогает мобилизовать ее силы. Кроме того, этот сельский план хлебозаготовок устанавливает ясные взаимоотношения между городом и селом, давая возможность крестьянам наглядно видеть то, что они дают городу и что они от города в виде промтоваров, кредитов и проч. получают. Вот почему уже в прошлую кампанию метод доведения плана до села был встречен сочувственно бедняцко-середняцкой массой деревни. Этот метод сохраняется и на новую кампанию. З н а ч е н и е с е л ь с к о г о п л а н а, к а к с р е д с т в а м о б и л и з а ц и и б е д н я ц к о - с е р е д н я ц к о й д е р е в н и в о к р у г х л е б о з а г о т о в о к т р е б у е т т о г о, ч т о б ы п л а н ы б ы л и д о в е д е н ы д о с е л а в с а м о м н а ч а л е к а м п а н и и б е з в с я к и х з а д е р ж е к. В прошлом году это так и было сделано. В новую кампанию была дана такая же директива, но, однако, приходится констатировать из опыта первых недель кампании, что не повсюду значение сельских планов в должной мере учтено. Несмотря на то, что областные планы хлебозаготовок в этом году утверждены почти на месяц раньше, чем в прошлом году, планы хлебозаготовок до села в большинстве областей и республик (Нижняя Волга, Средняя Волга, ЦЧО, Украина) еще не доведены. Июльский план хлебозаготовок выполнен лишь в размере 40 проц.; месячное задание на август за первую десятидневку выполнено всего лишь на 12,9 проц. Одной из причин недовыполнения плана хлебозаготовок является именно запоздание в установлении поселенных планов хлебозаготовок. Каждое село и каждое крестьянское хозяйство, не зная того количества хлеба, которое оно должно продать государству, естественно задержало продажу хлеба.

Помимо своевременного доведения плана хлебозаготовок до села, к сельскому плану относится и то, что сказано в отношении необходимости правильного распределения заданий между колхозами. После ряда проведенных хлебозаготовительных кампаний, когда десятки тысяч людей из городов работали в деревне, мы имеем уже гораздо лучшее знание села, чем это было в прошлые годы. Это знание должно быть использовано с тем, чтобы с максимальной правильностью установить сельские планы хлебозаготовок. На этом должно быть заострено внимание всех местных организаций в настоящий период кампании. Выполнение сельского плана хлебозаготовок проводится в том порядке, как это изложено выше, об отношениях к отдельным группам хлебосдатчиков.

Необходимо лишь предостеречь от одной опасности, которая с достаточной ясностью уже выявилась особенно в районах сплошной коллективизации. Местные работники недооценивают значения индивидуальных крестьянских хозяйств в выполнении государственного плана хлебозаготовок. Н е о б х о д и м о с с а м о г о н а ч а л а к а м п а н и и д о б и в а т ь с я а к к у р а т н о г о в ы п о л н е н и я е д и н о л и ч н и к а м и с в о и х о б я з а т е л ь с т в п о к о н т р а к т а ц и и и т е х с а м о о б я з а т е л ь с т в, к о т о р ы е н а н и х л о ж а т с я п е р е д с е л ь с к о й о б щ е с т в е н н о с т ь ю п о с д а ч е х л е б а г о с у д а р с т в у. Сельский план хлебозаготовок обязательно обсуждается и принимается на общем бедняцко-середняцком собрании села; этим же собранием избираются сельские комиссии содействия хлебозаготов-

кам. Последние становятся тем штабом, вокруг которого мобилизуются силы сельской общественности для выполнения плана хлебозаготовок. То колоссальное значение, которое сельские комиссии содействия хлебозаготовкам имеют, требует особенно внимательного отношения при подборе их состава. Надо добиваться, чтобы в этом году в состав комиссий вошли действительно проверенные на практической работе активисты-колхозники, батраки, бедняки и наилучшие из активистов-середняков. Только путем подбора такого состава комиссий содействия хлебозаготовкам мы сможем обеспечить успешное выполнение сельских планов, действительно активную работу вокруг хлебозаготовок без проявлений правого оппортунизма и без перегибов в отношении к середняку. Н а ш у п о р в х л е б о з а г о т о в к а х — к о л х о з ы и н е к о л л е к т и в и з и р о в а н н а я б е д н о т а. Колхозы в хлебозаготовительной кампании должны будут играть такую же ведущую роль в отношении крестьянской массы, какую они играли во время весеннего сева. Увлечь же крестьянскую массу за собой можно лишь примером; поэтому, первоначальная сдача колхозных излишков хлеба государству имеет не только чисто количественное значение, но и как пример для вовлечения единоличных бедняцко-середняцких хозяйств в сдачу их товарных излишков хлеба государству. Отсюда — организация сдачи колхозами хлеба государству в первую очередь составляет важнейшую задачу для успеха хлебной кампании. Здесь также следует предостеречь от опасности переоценки колхозов и надежд на то, что весь колхозный хлеб поступит исключительно самотеком. Не следует забывать, что члены колхозов только вчера вели единоличное хозяйство, обобществленный труд с обобществленными орудиями и средствами производства еще был непродолжителен и он за краткостью времени еще не мог оказать такого воздействия на крестьян, чтобы уже все колхозники изжили свою индивидуалистическую психологию. Душа товаропроизводителя у ряда крестьян, состоящих членами колхоза, пока еще сохранилась. Она будет тянуть таких колхозников к тому, чтобы задержать ту или иную часть товарных излишков хлеба, не продавать их государству, а пустить на частный рынок, чтобы выручить спекулятивные цены. Колхозники являются действительной и прочной опорой советской власти в деревне, — это положение исключительно правильное. Однако, из этого положения отнюдь не следует, что надо идеализировать колхозников и представлять себе каждого из них 100-процентным коллективистом, у которого общественные интересы полностью преобладают над индивидуалистическими. Мы должны развернуть массовую агитационную и организационную работу среди колхозников, чтобы через них самих дать р е ш и т е л ь н ы й о т п о р отдельным членам колхоза, которые захотят тянуть колхозный хлеб на рынок. В этом деле надо опираться в первую очередь на ту часть колхозников, которые сумели уже в наибольшей степени изжить индивидуалистическую психологию. Эти колхозники должны стать в хлебозаготовках нашими организаторами и пропагандистами—как среди неустойчивых членов колхозов, так и среди остальной крестьянской массы — за сдачу всех излишков хлеба государству. Над этим делом придется много поработать, но таким только путем мы можем добиться поступления всех хлебных излишков государству. Организовав аккуратную сдачу хлеба колхозами государству, мы сможем обеспечить поступление на государственную и кооперативную ссыпку хлеба единоличных бедняцко-середняцких хозяйств.

Нашими первыми организаторами заготовок хлеба в колхозах и среди единоличных хозяйств будут те рабочие, которые в качестве 25-тысячников были мобилизованы партией для укрепления колхозов.

Они в дополнение к своему организационному опыту, который приобрели на фабриках и заводах, уже получили большой опыт работы в деревне. В каждую хлебозаготовительную кампанию город оказывал крупнейшую помощь деревне, посылая десятки тысяч пролетариев на время проведения кампании. В прошлую хлебозаготовительную кампанию работали мобилизованные для этой цели около 50 тыс. человек; в весеннюю посевную кампанию работало свыше 80 тыс. человек; в новую кампанию снова десятки тысяч рабочих-коммунистов и беспартийных брошены в деревню и своим организационным опытом они помогут выполнению хлебозаготовительного плана.

Однако, только этим помощь города деревне не может ограничиться. Хлебозаготовки являются делом всего рабочего класса. *Рабочий класс и прежде всего его организация — профсоюзы — должны оказать громадную помощь хлебозаготовкам.* При правооппортунистическом руководстве ВЦСПС профсоюзами в прошлом, последние проходили мимо хлебозаготовок и не оказывали им почти никакой организованной помощи. В прошлую кампанию эта помощь профсоюзами была уже оказана, хотя и с большим опозданием. Этот недостаток в новом году должен быть полностью изжит. Профсоюзы должны взять на себя непосредственное руководство всеми формами связи рабочих с деревней, чтобы использовать их для содействия хлебозаготовкам. Массовая раз'яснительная работа среди рабочих, подчинение работы шефских обществ на ближайшее время интересам хлебозаготовок, использование постоянных связей рабочих с деревней (землячества, сезонники, отпускники и проч.) должны быть широко развернуты профсоюзами.

Помимо помощи деревне своими организационными навыками, рабочие массы должны оказать помощь хлебозаготовкам и с другой стороны. В новую хлебозаготовительную кампанию поступит хлеба значительно больше, чем в прошлом году. Сроки для окончания кампании установлены те же, что были и в кампанию прошлого года. Это означает, что в целом по Союзу мы должны закончить выполнение годового плана хлебозаготовок в основном к 1 января. Фактически для каждой отдельной области срок хлебозаготовительной кампании укладывается в период 3 — 4 месяца. *Расширенный план хлебозаготовок и короткие сроки для его выполнения пред'являют колоссальные требования к технической базе.* Склад, тара, транспорт имеют решающее значение для успешного развертывания хлебозаготовок. Мы унаследовали от старого капиталистического строя захудалую технику хлебной торговли. Во время революции уже многое сделано для того, чтобы техническую базу поднять. Однако, темп развертывания хлебозаготовок за последние два года далеко опередил темп развития технической базы. В результате мы встречаемся с очень значительными техническими затруднениями; они были уже в крупных размерах и в прошлой кампании. Тогда партия не остановилась перед этими затруднениями и провела заготовки в срок, даже значительно более короткий, чем это было установлено по плану, и силами советской общественности технические затруднения были преодолены. Технические затруднения теперь нас также не могут остановить перед расширением плана заготовок и укорочением срока окончания кампании. Все силы советской общественности будут мобилизованы для того, чтобы эти затруднения преодолеть и со стороны технической не создать препятствий к успешному развертыванию хлебозаготовок.

Профсоюзы в этом деле будут играть решающую роль. Союзы текстильщиков и металлистов через рабочих, работающих на заводах,

изготовляющих тару, предметы оборудования и проч. для складов и элеваторов, должны поторопить и максимально усилить производство необходимых для хлебозаготовок предметов. Союз транспортных рабочих путем установления бдительного контроля над работой железных дорог должен помочь изжитию затруднений на транспорте (быстрая разгрузка и погрузка вагонов, недопущение перебросок, расширение пропускной способности узлов и проч.). Каждый из других профсоюзов может многое сделать для содействия хлебозаготовкам, если он сосредоточит внимание своих членов на этом деле.

Опыт весеннего сева показал, что крестьянская масса охотно втягивается в соцсоревнование. Соцсоревнование в хлебозаготовках должно будет развернуться с еще невиданной силой. Совхозы, колхозы, села, отдельные хозяйства должны быть охвачены соцсоревнованием за скорейшее и лучшее выполнние плана хлебозаготовок. Особенно необходимо соцсоревнование в деревне связать с соцсоревнованием на фабриках и заводах путем соревнования колхоза или села на лучшее выполнение плана хлебозаготовок и завода или фабрики на лучшее выполнение промфинплана. При развертывании соцсоревнования нужно лишь избежать одного отрицательного явления, которое наблюдалось в отдельных случаях в прошлой кампании. Надо добиться действительного соревнования масс и решительно бороться с подменой соревнования масс соревнованием администраторов. В прошлую кампанию, а равно и в момент массового колхозного движения, мы были свидетелями такого административного соревнования, когда соревновались не массы, а администраторы. Такое соревнование, конечно, ничего социалистического не имеет и приносит лишь вред. Только путем вовлечения масс (а только массовое соревнование является социалистическим) мы действительно сможем обеспечить выполнение установленного широкого плана хлебозаготовок в установленные партией сроки.

Хлебозаготовительная кампания 1930—31 года является важнейшим звеном общего социалистического наступления по всему фронту. От выполнения плана хлебозаготовок зависит успешное выполнение всего народнохозяйственного плана, осуществление пятилетки в 4 года, дальнейшее развитие коллективизации сельского хозяйства и ликвидация кулачества как класса. Успешным проведением хлебозаготовительной кампании будет завершено разрешение зерновой проблемы и подготовка необходимых условий для разрешения проблемы животноводства и технических культур. Для обеспечения стоящих перед нами задач социалистического строительства мы должны добиться успеха хлебозаготовительной кампании. Решающим условием для этого является непосредственное руководство хлебозаготовками со стороны партийной организации. Это требует огромной активности каждого коммуниста, решительной борьбы с проявлениями всякой инертности, расхлябанности и с правым оппортунизмом на практике. *Каждая партийная организация должна взять в свои руки руководство хлебозаготовками и, осуществляя постоянный контроль и наблюдение за ходом хлебозаготовок, направить хлебозаготовительную кампанию у себя в районе по большевистскому руслу.* Новая хлебозаготовительная кампания будет являться поверкой того, как каждая партийная организация на практике осуществляет решения XVI с'езда партии.

В. Дятлов.

К вопросу о распределении урожая в колхозах.

Многие колхозы произвели ориентировочные подсчеты своих доходов и наметили порядок их распределения. Некоторые колхозы произвели уже фактическое распределение собранного урожая. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют подвести в общих чертах первые итоги практики колхозов в разрешении этой задачи. Особый интерес представляет практика распределения доходов в артели, поскольку, во-первых, артель является основной формой колхозного движения на нынешнем его этапе и поскольку, во-вторых, здесь «начинается дело создания новой общественной дисциплины, дело обучения крестьян социалистическому строительству». (Из резолюции XVI партс'езда).

В условиях развития массового колхозного движения, в условиях борьбы за сплошную коллективизацию и ликвидацию на этой основе кулачества как класса, распределение доходов в колхозах перестает быть делом только внутриколхозным,—или, вернее, в такой степени внутриколхозным, в какой оно было, скажем, два года тому назад. Взор еще колеблющегося единоличника прикован сейчас к деятельности колхоза. Единоличник, «пока еще не желающий войти в колхоз», внимательно следит, выверяет, сличает разницу между единоличным и коллективным хозяйствованием. Кулак, с ясной классовой целеустремленностью, не брезгуя никакими способами, прилагает все силы для того, чтобы удержать этого единоличника от вступления в колхоз. При этом кулак идет дальше: он пытается натравить единоличника на колхоз, провоцируя одновременно колхозников на ссору с единоличниками, чтобы таким путем взять единоличника под свое руководство и повести уже открытое наступление против колхоза

В этой обстановке распределение урожая превращается в громадной важности политический акт, знаменующий борьбу между колхозом и кулаком за колеблющегося единоличника.

Однако этим еще не исчерпывается политическое значение распределения доходов в колхозе.

Не требует особых пояснений то положение, что распределение дохода неизбежно сопровождается некоторым обострением элементов классовой борьбы в колхозе. В основном, это обострение сказывается по следующим линиям: у некоторой части колхозников, имеющих более или менее значительное добавочное индивидуальное хозяйство в результате причитающегося им довольно высокого дохода, появляются колебания назад, в сторону единоличного хозяйствования. Здесь имеет значение то обстоятельство, что самый факт нахождения в артели накладывает на члена ее известные общественно-ограничительные рамки в части личного обогащения. В условиях существующего разрыва между рыночными и государственно-кооперативно-конвенционными ценами возможны отдельные попытки прорвать эти общественно-ограничительные рамки внутри колхоза и тем развязать стихию личного обогащения.

С другой стороны, идут уравнительные тенденции и потребительско-иждивенческие настроения. Формы проявления этих тенденций и настроений разнообразны: предложения установить единый для всех хозяйств паек; предложения оставить доход колхозника в распоряжении артели и выдавать его ему «в меру надобности»; полностью обеспечить всех нетрудоспособных членов семейств колхозников; не выделять или урезать 5-ти процентный фонд для начисления по обобществленному имуществу; сравнить разницу в размерах индивидуальной части хозяйств колхозников путем снабжения беднейшей части колхозников на средства артели коровами, мелким скотом и т. д.

Было бы совершенно непростительно, если бы мы не пригляделись повнимательней к источникам уравнительных и потребительских тенденций в артели. Было бы большой ошибкой при оценке расстановки сил внутри артели исходить только из прежних представлений, не замечая того нового, что дает переход к коллективному хозяйству в смысле социальных сдвигов внутри колхоза. «Дело в том,—говорил т. Яковлев на XVI партийном с'езде,—что преимущества крупного хозяйства дают возможность уже в первую весну подогнать в колхозах доход бедняка к середняцкому уровню и одновременно поднять уровень дохода середняка». Наличная практика распределения дохода в артелях полностью и с необычайной яркостью подтверждает этот тезис тов. Яковлева. Например, в Одесском округе накануне уборки урожая было проведено бюджетное обследование по двум районам 500 колхозов и 100 единоличных хозяйств (50 бедняцких и 50 середняцких). Это обследование показало, что доход, падающий на один трудо-день в единоличном середняцком хозяйстве составляет лишь 68%, а в бедняцком хозяйстве только 47% дохода, приходящегося на трудо-день колхозника. Общий же доход единоличного середняцкого хозяйства составляет 49% в сравнении с доходом того же хозяйства в колхозе, а доход бедняцкого единоличного хозяйства—всего 22 проц. по отношению к доходу такой же бедняцкой семьи в колхозе. Далеко не исключением является и такие случаи, когда бедняцкое хояйство в артели, если оно обладает значительным количеством работников, получает доход больший, чем середняк, не только единоличник, но и чем середняк-колхозник. Таков, например, в артели им. 12-летия Октября (с. Москалевка, Волчанский район), доход бедняцкой семьи с четырьмя и большим количеством трудоспособных. В постановлении этой артели о распределении урожая приводится такой факт, что семье бедняка тов. Мурзина, состоящей из 6 работников и 5 нетрудоспособных, причитается получить только зерновых и крупяных культур 66,5 центнеров (406 пудов). Это доход едва ли не самый высокий в этой артели.

В силу этих обстоятельств основная часть колхозной бедноты делается заинтересованной также, как и основная часть середняков в колхозе, в распределении дохода по труду. На этой почве, на почве борьбы за трудовую дисциплину и высшую производительность труда в артели между основной массой бедноты и между основной массой середняков устанавливается единый фронт, общность интересов. На этой почве рождается и крепнет та новая социальная категория, которая отныне является «действительной и прочной опорой советской власти».

Этой основной массе колхозников из бедноты и середняков противостоит в вопросе распределения доходов некоторая, сравнительно небольшая часть колхозников, которая в силу тех или иных причин и соображений не являлась активным борцом за укрепление колхоза и отлынивала, держалась в стороне, не была заинтересована в коллективной работе. Неверно было бы всю эту часть колхозников огульно окрестить лодырями или подкулачниками, врагами колхоза. Эти отдельные элементы имеются, конечно, в этой группе колхозников, кулацкое влияние на этой группе сказалось и сказы-

вается теперь в ее подходе к распределению дохода наиболее сильно; однако, здесь, надо уметь различать элементы колебаний, раздумья, недоверчивости, свойственные еще достаточно широкому слою вчерашних мелких собственников.

Надо иметь в виду, что отдельные многосемейные и, вместе с тем, имеющие мало трудоспособных членов семьи бедняки также будут склонны поддерживать уравнительно-потребительские тенденции. Ведя усиленную раз'яснительную работу с этими колхозниками за преодоление таких тенденций, вместе с тем необходимо добиваться, чтобы из фонда обеспечения нетрудоспособных была удовлетворена в первую очередь эта группа.

Распределение дохода по затраченному труду не устраивает эту группу колхозников, так как количество вложенного ею труда в коллективное хозяйство в общем ничтожно. Отсюда и растут иждивенческие настроения, здесь и кроется сейчас *основной источник* уравнительно-потребительских тенденций в колхозе.

Кулак, искусно маневрируя в борьбе против колхозов, соединяет попытки подчинить своему руководству единоличника с попытками использовать обострение элементов классовой борьбы в колхозе для разложения колхоза изнутри.

Сорвать систему распределения дохода по затраченному колхозником труду в коллективном хозяйстве — вот куда в первую очередь направляет кулак свои старания. С этой целью он поддерживает, организует и формулирует уравнительно-потребительские настроения колхозников. Широко применяя изуитскую игру на тонких струнах неравенства в колхозе («Раз в колхозе, значит все надо делить поровну», «сначала надо обеспечить семьи колхозников, а остаток дохода уже можно делить по труду»), он таким путем подходит к своей основной цели: «Государству, конечно, продать хлеб нужно, но сперва надо обеспечить себя». Насколько эта тактика кулака опасна, особенно, если говорить о молодых колхозах, где нет еще достаточно прочной консолидации основной массы колхозников, можно видеть на опыте Средней Волги. В своем специальном воззвании к колхозникам по поводу распределения урожая Крайком ВКП(б) и Крайисполком Средней Волги пишут:

> «Кулак прекрасно понимает огромное значение правильного распределения урожая для укрепления и дальнейшего роста колхозного движения. Он стремится поэтому извратить решения партии и колхозных органов. Кулак пытается навязать колхозу свою арифметику, свой кулацкий счет, направить волю и решения колхозника против интересов колхоза в целом, пытается толкнуть колхозника на путь спекуляций хлебом.
>
> В некоторых местах Средней Волги замечаются случаи, когда колхозы, не отказываясь прямо от выполнения своих обязательств перед государством, на деле распределяют урожай между отдельными колхозниками по таким непомерно высоким нормам, что для сдачи государству почти ничего у колхоза не остается. А отдельные колхозники при таком положении будут продавать излишки по спекулятивным ценам...
>
> Вот, например, колхоз «Новый путь». Этот колхоз собрал урожай 1.200 центнеров, т.-е. около 50 центнеров на каждое хозяйство,— урожай, который собирают в этом районе лишь зажиточные середняцкие хозяйства. Как можно отнестись к такому колхозу, когда после этого урожая он насчитывает для государства только 13 центнеров хлебных излишков?».

Разжигая жажду частно-хозяйственного накопления у колхозников, кулак одновременно пускает в ход и ту часть своей арифметики, которая

доказывает колхознику, имеющему наиболее высокий доход и наиболее значительную индивидуальную часть хозяйства, что в условиях разрыва между рыночными и заготовительными ценами есть прямая выгода выйти из колхоза со всем своим доходом, который, мол, в колхозе никак с личной пользой реализовать не удастся.

В этой борьбе вокруг распределения урожая, развивающейся в оригинальном переплете новых отношений, сложившихся и складывающихся под влиянием происшедших за последние годы экономических и социальных сдвигов в деревне, с необычайной яркостью вскрывается не только политическое, но и сугубо-практическое значение главного лозунга партии об опоре на колхозника в деревне. Распределение урожая проливает яркий свет на тот путь, которым идет процесс переделки в колхозе разных социальных категорий в одну, новую категорию «колхозника». Этот путь преодоления неравенства между беднотой и средним крестьянством в колхозе, их ассимиляция проходит, именно через распределение результатов совместного хозяйствования по принципу трудовых затрат. В экономическом смысле применение этого принципа дает сразу же, как показывают итоги этого года, значительное смягчение разрыва в имущественном положении бедняка и середняка в колхозе сравнительно с условиями их единоличного хозяйствования. В социально-политическом же отношении применение этого принципа постепенно все больше и больше связывает и переключает личный интерес мелкого собственника на интерес общественный, на интерес коллектива в целом.

Практическое значение главного лозунга партии об опоре в деревне применительно к задаче распределения урожая в том и состоит, что он мобилизует творческую активность коллективизировавшегося крестьянства на борьбу за трудовую дисциплину в колхозе, за максимальное повышение производительности коллективного труда, за дальнейшее укрепление и расширение хозяйственной мощи коллективного хозяйства. А это и есть наиболее верный путь преодоления как частно-собственнических индивидуалистических устремлений, так и уравнительно-потребительских тенденций среди отдельных групп и членов колхоза. Само собой разумеется, что это вместе с тем одно из важнейших условий завоевания единоличника на сторону колхоза и окончательного разгрома попыток кулачества развалить колхоз.

Итоги первого подхода колхозов к задаче распределения доходов замечательны тем, что *подавляющая часть колхозов вводит у себя распределение по затраченному каждым колхозником количеству и качеству труда в коллективном хозяйстве*. Это явление нужно по достоинству оценить. В переводе на политический язык оно означает, что *в решающем числе колхозов налицо исключительно прочная консолидация сил и устремлений основных масс бедноты и середняков*,— консолидация на почве борьбы за колхоз, за его укрепление и развитие.

Вот несколько выдержек из постановлений артелей по вопросам распределения урожая, выдержек, которые наглядно подтверждают этот процесс консолидации.

> «Если у нас действительно будет у каждого большой доход, то мы, конечно, не потащим его на частный рынок и прятать у себя не собираемся. Мы все будем добиваться того, чтобы каждый из нас всю ту часть хлеба, которая, по его мнению, для него лишняя, сразу бы оставлял в колхозе и получал за нее деньгами.
>
> Мы все будем бороться против спекуляции хлебом, против того, чтобы он лежал мертвым капиталом, когда в нем большая потребность у нашего государства». (Из постановления общего собрания Москалевской артели им. 12-тилетия Октября).

«Устанавливая такой (по труду. *Б. Д.*) порядок распределения мы преследуем следующие цели: 1) поднять трудовую дисциплину и производительность труда, 2) укрепить и развить хозяйство колхоза и 3) показать единоличнику-бедняку и середняку, что его место в артели и действительно вовлечь всех оставшихся единоличников в артель. Ясно, что этим самым мы окончательно добьем кулака». (Из постановления актива Бело-Колодезной артели «Червоный Селянин»).

«Мы сюда (в общее распределение, *В. Д.*) не включили распределение дохода от подсолнуха, занимающего у нас 1.600 га. Мы считаем недопустимым, чтобы в момент острейшей нужды нашей промышленности в маслосырье, товарные излишки этой культуры без толку оседали в деревне и потом сбывались по мелочам... Весь товарный излишек в размере 13.600 центнеров мы рассчитываем сдать полностью государству, превратив этот излишек в денежный доход артели». (Из постановления актива Новомарковской артели «Червоный прогресс»).

Так рождается «действительная и прочная опора советской власти в деревне».

Этот основной положительный итог, не должен, однако заслонять собою обозначившиеся на фоне распределения доходов уклоны от партийной линии в этом вопросе. Пройти мимо них означало бы предоставить известную свободу оппортунистам в важнейшем вопросе колхозного строительства.

Если внимательно проанализировать борьбу вокруг практических вопросов распределения дохода в артели, то окажется, что все уклоны от партийной линии в этой области базируются на оппортунистическом извращении или просто отрицании главного лозунга партии об опоре в деревне, на оппортунистическом понимании тех путей, которыми должно идти преодоление неравенства среди членов артели. С этой точки зрения становится ясным смысл различных практических предложений насчет установления порядка распределения доходов. Наиболее спорным при этом бывает вопрос о выделении и порядке начисления 5-ти процентного фонда, вопрос об обеспечении нетрудоспособных и вопрос распределения н а т у р а л ь н о й части дохода.

Два крайних течения наблюдаются при обсуждении этих практических вопросов. В общих чертах они сводятся к следующему.

О д н о течение — 5-ти процентный фонд или совсем не выделять, или максимально урезать, всем нетрудоспособным полностью обеспечить прожиточный минимум, натуральную часть дохода или вовсе на руки члену артели не выдавать, а отпускать за деньги в установленном размере со склада артели, или выдать установленный собранием паек на семью и на о п р е д е л е н н у ю часть скота находящегося в индивидуальном пользовании члена артели.

Д р у г о е течение—5-ти процентный фонд при в с я к и х у с л о в и я х распределять т о л ь к о по обобществленному членами артели имуществу, нетрудоспособных совсем из распределения исключить, натуральную часть дохода полностью выдавать на руки и не вмешиваться в распоряжение ею члена артели.

Если п е р в о е течение естественно имеет в виду значительно повышенные, по сравнению с рекомендованными Колхозцентром, размеры отчислений в неделимые и общественные фонды артели. то в т о р о е течение стоит за минимальные отчисления в эти фонды.

На практике эти оба течения имеют многочисленные ответвления, которые принципиально положения не меняют, и которые, в лучшем случае, означают поиски к о м п р о м и с с а с партийной линией в вопросах распределения.

Нетрудно заметить, что первое течение по своему существу является
отражением уравнительно-потребительских настроений в артели, а теоре-
тической базой его является такое противопоставление бедняка середняку
в артели, которое исходит из механического перенесения на колхоз законов
классовой борьбы вне колхоза. Это течение не делает разницы между элемен-
тами классовой борьбы в колхозе и классовой борьбой вне колхоза

Отсюда практическая опасность, которую несет с собой это течение
очевидна: по существу, она являет собою рецидив «левых», антисередняцких
загибов, допустить который значило бы ослабить, поколебать, а то и вовсе
разрушить союз и консолидацию сил бедноты и середняка в колхозе.

В т о р о е течение, отражая напор частно-собственнических устремле-
ний части колхозников с высоким доходом и значительным добавочным инди-
видуальным хозяйством, теоретически покоится на том, абсолютно неверном
положении, что с переходом к артели механически отмирают все и всякие
противоречия между бедняком и середняком. Игнорируя элементы классовой
борьбы в артели, базирующиеся в основном на разнице в имущественном
положении, на разных размерах добавочного индивидуального хозяйства се-
редняка и бедняка в артели,—это второе течение ведет к развязыванию сти-
хии частнособственнического накопления, ведет не к укреплению колхоза,
а к развалу его.

По существу, это течение воскрешает и модернизирует применительно
к колхозному движению бухаринский лозунг «обогащайтесь!».

В противовес этим течениям партийная линия в вопросах распределе-
ния дохода в артели направлена на завоевание единоличника на сторону кол-
хоза н а о с н о в е у к р е п л е н и я к о л х о з а, н а о с н о в е д е й с т в и-
т е л ь н о г о, п о с л е д о в а т е л ь н о г о п р е о д о л е н и я н е р а в е н-
с т в а м е ж д у ч л е н а м и к о л х о з а.

Партия, отдавая себе ясный отчет в тех политических, социальных и
экономических сдвигах, которые произошли и происходят в связи с коллек-
тивизацией, в связи с поворотом основных масс крестьянства на социалисти-
ческий путь, исходит при этом из следующих положений, зафиксированных
в решениях XVI партийного с'езда:

«Требовать, чтобы крестьяне, вступая в артель, немедленно от-
казались от всяких индивидуалистических навыков и интересов, от
возможности вести добавочное к общественному личное хозяйство
(корова, овцы, птица, приусадебный огород), от возможности исполь-
зования для себя заработков на стороне и т. п.—значит забывать
азбуку марксизма-ленинизма».

«В а р т е л и н е з а в е р ш а е т с я, а л и ш ь н а ч и н а е т с я
дело создания новой общественной дисциплины, дело обучения крестьян
социалистическому строительству.

В колхозах крестьяне окончательно изживут мелкособственни-
ческую психологию, жажду частнохозяйственного накопления, унасле-
дованную от поколений мелких частных собственников, лишь в резуль-
тате годов упорной работы над подведением под колхозы базы круп-
ного механизированного хозяйства, упорной работы над созданием
кадров из среды колхозников и культурного под'ема всей колхозной
массы».

Тактика партии заключается в том, чтобы
«с помощью бедняков и батраков — членов колхоза развить работу
по всемерному расширению обобществленной части дохода, что будет
неизбежно сокращать во всяком случае д о л ю индивидуальной части
дохода во всем доходе и все более сводить неравенство между членами
артели в основном к неравенству, вытекающему из разного количества
и качества труда, не торопясь при этом зря, не нервничая, проводя эту

работу в соответствии с ростом обобществленной части хозяйства». (Яковлев. Доклад на XVI партс'езде).

Из этих совершенно четких положений и следует исходить при решении конкретных вопросов распределения дохода в артелях.

В чем должно заключаться искусство организатора распределения? Искусство будет заключаться в том, чтобы, учитывая конкретную обстановку в данной артели и вокруг нее, правильно сочетать личный интерес колхозника с интересами артели в целом. Связать частный интерес колхозника с задачей укрепления и расширения общественного хозяйства — в этом вся задача. Что представляют собою с этой точки зрения партийные и правительственные решения насчет примерного устава с.-х. артели, предоставления льгот колхозникам, выделения 5-ти проц. фонда из валового дохода для начисления на обобществленное имущество, насчет размеров отчислений в неделимые и общественные фонды и проч.? Не трудно видеть, что все эти решения направлены к установлению наилучшего сочетания личного интереса колхозника с интересом общественным. Эти решения дают в руки организаторов мощное оружие для ориентировки в различных конкретных вопросах, возникающих при распределении дохода в артели.

Возьмем для примера вопрос о 5-ти процентном фонде. Практическое значение этого мероприятия заключается в том, что таким путем, во-первых, предотвращается разбазаривание единоличником имущества перед вступлением в колхоз и, во-вторых, компенсируется та часть дохода крестьянина, которую он получал, будучи единоличником, от сдачи в наем своих средств производства. Налицо совершенно отчетливое сочетание личного интереса колхозника с общим интересом артели.

Правильно ли поступают те артели, которые не выделяют 5-процентного фонда вовсе, или выделяют его, но в таком размере, что он далеко не в состоянии компенсировать прежний средний доход середняка от сдачи в наем, находящихся теперь в колхозе средств производства? Безусловно, неправильно.

Или взять вопрос об обеспечении нетрудоспособных. Полный отказ артели от обеспечения нетрудоспособных поставил бы в артели множество бедняцких семейств, обладающих малым количеством рабочих рук и обремененных большим количеством едоков, в положение худшее по сравнению с условиями единоличного хозяйствования. Ибо такие бедняцкие семьи жили с дохода или от сдачи в аренду своего земельного пайка, или от сдачи урожая на испол, с трети и проч. С другой стороны, полное обеспечение нетрудоспособных артелью, или непомерно высокое обеспечение в сравнении с вкладываемым семейством колхозника трудом в коллективное хозяйство, привело бы к снижению заинтересованности в артельном труде семейств с достаточным количеством рабочих рук и с небольшим числом нетрудоспособных, к развитию иждивенческих настроений и снижению производтельности артельного труда.

Поэтому, правильно поступают те артели, которые вопрос об обеспечении нетрудоспособных связывают с вопросом о количестве и качестве труда, вложенного в артельное хозяйство работоспособными членами семьи колхозника.

Или, наконец, вопрос о распределении натуральной части дохода. Колхозник должен полностью получить и натуральную и денежную часть дохода. Но значит ли это, что артель может допустить и спокойно отнестись к спекуляции члена артели своей натуральной частью дохода? Ни в какой мере. Однако, пойти здесь по линии администрирования и не выдавать дохода. пойти по линии установления пайка для членов артели, по линии сокращения индивидуальной части хозяйства колхозника и т. п. — значило бы подорвать интерес колхозника к артели, к артельному труду.

Поэтому, правильно поступают те артели, которые, «не торопясь зря, не нервничая», и опираясь на бедняка и батрака, укрепляют в артели общественную дисциплину, развивают массовую работу по организации добровольного предоставления колхозником его товарных излишков в распоряжение артели по заготовительным ценам, развивают работу по возможному расширению на средства колхозников (дополнительно к артельным средствам) общественных хозяйственных и культурных мероприятий.

Имеющиеся на сегодня данные о ходе распределения урожая в колхозах позволяют сделать вывод, что подавляющая часть артелей, приступивших к распределению, овладевает задачей распределения дохода в духе принципов нашей партии, в полном соответствии с ее политикой. Блестящим подтверждением этого положения являются идущие из разных мест сведения о новой волне прилива в колхозы, об укреплении связей колхозов с единоличниками, об укреплении влияния колхозов в деревне. Ставка классового врага—кулака на развал колхозов в связи с распределением дохода оказывается битой.

Битыми оказываются и правые и «левые» оппортунисты. Их попытки извратить политику партии в отношении распределения доходов в колхозах отвергаются самой массой колхозников.

Подтверждаются слова т. Сталина: «Такое здоровое движение, каким, несомненно, является колхозное движение, все равно добьется своего, несмотря ни на что, несмотря на отдельные препятствия и трудности».

И. Верменичев.

На путях сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса *).

Программу величайшего переворота в сельском хозяйстве можно осуществить лишь на путях применения марксистско-ленинских принципов колхозного движения. XVI с'езд ВКП(б) в резолюции по докладу тов. Яковлева сформулировал основные пункты коренных принципов колхозного движения, «отступление от которых является тягчайшим преступлением против диктатуры пролетариата». В виду важности этих принципов повторим полностью соответствующую часть резолюции с'езда.

«1) Колхозы могут быть построены только на основе добровольности. Всякая попытка применения насилия или административного принуждения в отношении бедняцко-середняцких масс в целях их присоединения к коллективам является грубым нарушением линии партии и злоупотреблением властью.

2) Основной формой колхоза на данной стадии является сельскохозяйственная артель. Требовать, чтобы крестьяне, вступая в артель, немедленно отказались от всяких индивидуалистических навыков и интересов, от возможности вести добавочное к общественному личное хозяйство (корова, овцы, птица, приусадебный огород), от возможности использования для себя заработков на стороне и т. д.—значит забывать азбуку марксизма-ленинизма.

3) Форма колхоза должна соответствовать хозяйственным особенностям района и отрасли хозяйства. Наряду с артелью в некоторых районах незернового характера, а также в национальных районах Востока, может получить на первое время массовое распространение товариществ по общественной обработке земли, как переходная форма к артели.

4) Колхозное движение может подниматься к высшей форме к коммуне — в соответствии с повышением технической базы, ростом колхозных кадров и культурного уровня колхозников при непременном условии признания самими крестьянами соответствующих изменений в уставе и их осуществления снизу.

5) Необходимое для достижения высшей производительности труда создание в колхозах новой общественной дисциплины может быть достигнуто лишь на основе подлинной самодеятельности и активного участия колхозников и колхозниц в управлении хозяйством коллектива.

6) Переход к коллективному земледелию может быть осуществлен, как это неоднократно указывал Ленин, лишь при условии оказания колхозам широкой организационной, материальной и финансовой помощи со стороны советского государства.

«Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса. (Ленин. «О кооперации», т. XVIII, ч. II, стр. 141).

---

*) Окончание. Начало статьи см. № 13 „Большевика".

7) Антиленинской является всякая попытка перенесения на колхозы организационной системы управления совхозами, ибо в отличие от совхоза, являющегося государственным предприятием, созданным на средства государства, колхоз является добровольным общественным об'единением крестьян, созданным на средства самих крестьян, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

8) Переход от хозяйства единоличного к хозяйству коллективному, может осуществиться только на основе союза рабочего класса и бедноты с середняком, что обязывает к систематическому привлечению середняков к колхозному руководству».

Последовательно проводя эти принципы, ведя непримиримую борьбу с правым и «левым» извращением этих принципов, партия обеспечит осуществление задачи окончания коллективизации в основном к концу пятилетки. В наших условиях наибольшую опасность представляет правый уклон. Опаснейшей особенностью правого оппортунизма является теория и практика самотека в колхозном движении, каждый раз принимающая новую своеобразную форму и проявляющаяся на каждом данном этапе развития в новых вопросах. Остановимся в данной связи на важнейшем принципе колхозного движения — принципе добровольности.

Вопрос о добровольности в колхозном движении находится в прямой связи со всей политикой пролетарского государства по отношению к мелкому производству, перестройка которого, переход к социалистическим формам хозяйства осуществляется не насилием, не путем администрирования и не путем экспроприации, а путем добровольного перехода мелких хозяев к товарищескому коллективному производству, на основе убеждения их в преимуществах крупного общественного хозяйства. При этом рабочий класс идет на уступки мелкому производителю в вопросах способов перехода к социалистическому производству. Однако, все это не означает, что пролетариат в какой бы то ни было степени отказывается от организующей роли, от руководства движением крестьянских масс, от стимулирования процессов коллективизации, от воздействия на мелкое хозяйство системой политических и экономических мероприятий. Отказ от этого означает отказ от руководящей роли пролетариата в отношениях с крестьянством и ведет к оппортунистической теории самотека. В основе этой теории лежит бухаринский принцип автоматического развития крестьянских хозяйств к социализму по формуле: раз власть в руках пролетариата, раз у него социалистическая индустрия, ведущая все народное хозяйство, — сельское хозяйство само собой стихийно, в порядке самотека придет к социализму.

В основе бухаринского кооперативного плана, как известно, не лежит задача стимулирования деревни к переходу к крупному коллективному производству; наоборот, основой этого плана является сохранение мелкособственнического производства при овладевании кооперацией только сферы обращения. Деревня, развиваясь на путях под'ема индивидуального хозяйства, охватываясь кооперацией в области товарооборота, сама собой пойдет за социалистическим городом, крестьянство само собой, в порядке самотека будет переходить в отдаленном будущем к социалистическому производству; крестьянство само собой, в порядке самотека автоматически и вместе с кулаками в одно прекрасное время очутится в лоне социализма. С этой теорией органически связана и теория мирного врастания кулака в социализм, логически вытекающая из бухаринского кооперативного плана. Из ленинского же кооперативного плана, включающего в себя переход кооперации на высшую ступень, на ступень колхозной кооперации, вытекает не мирное врастание капитализма в социализм, а жесточайшая («кто — кого») борьба капита-

лизма с социализмом, победа над капитализмом, ликвидация капитализма и всякой эксплоатации вообще. Ликвидация деревенского капитализма в корне не может быть осуществима при господстве мелкотоварного производства, рождающего капитализм непрерывно и в массовом масштабе. И именно потому эта ликвидация возможна, реальна и неизбежна *при завершении ленинского кооперативного плана переходом к сплошной коллективизации*, что сплошная коллективизация ведет к выкорчеванию самих корней капитализма, уходящих вглубь мелкотоварного уклада. Правооппортунистическая установка, оставляя мелкособственническое хозяйство, а не переделывая его в корне, сохраняет в неприкосновенности и его товарно-капиталистическую тенденцию, оставляет, следовательно, мелкое производство на капиталистическом пути развития. Теория правых, таким образом, исходит из невозможности непосредственного перехода от мелкого производства к крупному социалистическому и для перевода его на рельсы социализма. Правые предлагают в конечном счете капиталистический путь развития, т.-е. смыкаются с постановкой вопроса меньшевиками. Они, таким образом, об'ективно стоят на позициях неверия в возможность построения социализма в СССР, признавая эту возможность только на словах, формально. Отличаясь, от троцкистов формальным признанием возможности построения социализма в СССР, они не отличаются от них по существу своей программы. «*Правые уклонисты скатываются на деле на точку зрения отрицания возможности построения социализма в нашей стране*» (Сталин). В соответствии с этим, у правых, союз с середняком не включает в себя линии на преодоление товарно-капиталистических тенденций середняка, линии на уничтожение классов, линии на коллективизацию и переход от частной собственности к общественной. Союз с середняком в таком случае не направлен против капитализма, за социализм. Отсюда,—теория непрерывных уступок товарно-капиталистической тенденции середняка, сводящаяся на деле к отказу от преодоления этой тенденции и *подчиняющая задачи союза с середняком товарно-капиталистической тенденции мелкого буржуа, а не социалистической тенденции пролетариата*. Оппортунистическое толкование принципа добровольности, сводящееся к отказу или ослаблению руководящей, организующей, стимулирующей коллективизацию роли пролетариата является прямым проявлением теории самотека.

Совершенно ясно, что принцип добровольности вступления в колхоз не означает таким образом, что мы должны предоставить деревню самой себе и отказаться или ослабить развертывание широчайшей работы по вовлечению крестьянских хозяйств в колхозы. Мы, будем убеждать единоличника в преимуществах коллективного хозяйства, показывая на практике эти преимущества, организуя активность передовых слоев крестьян, вступающих на путь коллективизации, руководя процессом коллективизации, развертывая массовую работу по подготовке к переходу на рельсы коллективизации и оказывая всемерную организационную, материальную и финансовую поддержку колхозному движению. Вне этого деревенская работа есть все что угодно, только не большевистская борьба за социализм. Замена этой работы голым администрированием, командованием, насильственными мерами может только оттолкнуть крестьянство от колхозов и даже советской власти, дискредитировать идею коллективизации, и вести к созданию безжизненно-бюрократических об'единений.

Весной мы имели массовый выход из колхозов в тех районах, где имели место ошибки и извращения партийной линии в практике проведения коллективизации. Эти выходы есть выходы записанных

в порядке административного нажима: «Записанные подневольно, разошлись из колхозов, когда оказалось, что никакой неволи нет». (Яковлев). Своевременные мероприятия ЦК партии по исправлению извращений партийной линии, разоблачавшие применение насилия по отношению к середняку, восстановившие нарушенную в ряде мест правильную линию партии, — укрепили колхозное движение, обеспечили успех большевистского сева. Выходы, имевшие место весной этого года, необходимо отличать от тех выходов, которые возможны в настоящее время и в ближайший период колхозного движения. На данном этапе, основными причинами выходов могут являться, во-первых, плохая организация коллективного хозяйства, отсутствие дисциплины коллективного труда, неумение правильно организовать труд, распределить урожай внутри колхоза, неумение организовать борьбу за колеблющиеся элементы колхоза и, во-вторых, влияние кулака, ведущего бешеную борьбу с колхозами. *В данных условиях было бы доподлинным оппортунизмом, если бы мы не организовали борьбы за колеблющиеся элементы колхозников*, не вызвали бы величайшую активность колхозных масс, направленную на укрепление колхозов, на правильную организацию труда, доказывая на деле преимущества коллективного хозяйства и устраняя все недостатки в организации колхозов на основе развертывания широчайшей самодеятельности всех масс колхозников.

Самым доподлинным правым оппортунизмом было бы предоставление возможности в любой момент развалить колхоз колеблющимся элементам, попадающим под влияние кулака:

«Артель не проходной двор. Не для того в результате этой весны выделились миллионы колхозников, засеяли 33 млн. га, чтобы позволить любому подкулачнику ломать колхоз. *Колхоз не проходной двор,—это должен знать каждый крестьянин, еще до того, как он вступает в колхоз*. Добровольность вступления ни в коем случае не означает произвола раздела». (Из доклада т. Яковлева на XVI партс'езде).

Борьба за устойчивость колхозов и укрепление их—таковы важнейшие задачи, на разрешение которых должна быть мобилизована активность рабочего класса и колхозников. «Решающее значение для работы партии в данный момент получает задача дальнейшего вовлечения в колхозы бедняцких и середняцких хозяйств на добровольных началах, проблема *организации* труда в колхозах, распределение урожая внутри колхоза, проблема подготовки колхозных кадров, под'ема культурного уровня колхозных масс, преодоления мелкобуржуазных колебаний внутри колхозов, всемерного *укрепления колхозов*, как опорных пунктов социалистического строительства в деревне». (Из резолюции по докладу ЦК на XVI партс'езде).

Разрешить эти задачи возможно только преодолев теорию и практику самотека, развернув во всю ширь организующую социалистическое строительство энергию и активность рабочего класса, прочно опирающегося на выросшую массу колхозников, выдвинувшую тысячи организаторов и десятки тысяч агитаторов за коллективизацию из среды самих крестьян.

Колхозное движение стоит перед новым под'емом. Всемерно укрепляя колхозы, развертывая широчайшие мероприятия по вовлечению в колхозы сегодняшних единоличников, но завтрашних колхозников, развертывая огромную подготовительную работу во всех областях СССР к переходу на рельсы коллективизации, устанавливая правильные отношения с единоличным бедняцко-середняцким крестьянством, укрепляя самостоятельные организации

бедноты в советах, кооперации и в первичных формах колхозов, организуя сокрушительный отпор кулаку и ликвидируя его как класс на основе сплошной коллективизации, проводя во всей своей практической работе лозунг опоры на колхозника,—партия обеспечит успех наступления по всему фронту, добьется завершения дела коллективизации в ближайший период.

* * *

За время с XV по XVI с'езд мы имели непрерывный рост сельского хозяйства, при чем основной особенностью является медленность роста, чрезвычайное отставание сельского хозяйства в темпах роста от промышленности. Это отставание с особой силой сказывается в период после 1927 г., когда сельское хозяйство вступает в реконструктивный период.

Валовая продукция по сравнению с довоенным уровнем.

	Все сельское хозяйство	Вся промышленность
1926/27 г.	+ 6,6%	+ 2,5%
1927/28 г.	+ 7,2%	+ 22,5%
1928/29 г.	+ 9,1%	+ 42,5%
1929/30 г.	+ 14,0%	+ 80%

Реконструктивный период для сельского хозяйства есть период, когда во весь рост встают задачи социалистического переустройства, ибо гвоздем этой реконструкции, обеспечивающей быстрый под'ем производительных сил является процесс создания крупного сельскохозяйственного производства. Вне крупного производства не разрешимы задачи реконструкции. Развернутая между XV и XVI с'ездами работа по организации колхозов, МТС и совхозов в 1929/30 году дала крупнейший эффект, именно благодаря этому строительству мы имеем ускорение в под'еме зернового хозяйства, *мы имеем в основном разрешение зерновой проблемы.* Движение посевных площадей и зерновых культур в сравнении с 1913 годом представляется в следующем виде:

1913 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
100%	96,9%	94,79%	98,2%	105,1%

Впервые в 1929/30 г. мы по посевным площадям превышаем довоенный уровень. Валовая продукция зерновых культур по тем же годам в сравнении с 1913 г. изменяется следующим образом:

1913 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
100%	91,9%	90,8%	94,4%	110% [1]

В 1929/30 г. мы впервые за все время достигаем превышения довоенного уровня валовой продукции зерновых культур.

Основным и решающим фактором подобного под'ема является создание крупного социалистического земледелия: развертывание совхозов Зернотреста, укрепление старых совхозов, организация МТС и мощный рост коллективизации. Все это ведет к созданию высоко-товарного хозяйства. Природа затруднений в зерновом хозяйстве, которые переживала страна, кроется в характере мелкого и мельчайшего хозяйства, разобщенного, раздробленного, с рутинной техникой, отличающегося исключительно низким уровнем производства товарной продукции.

Несмотря на то, что об'ем производства зерновых культур за рассматриваемый период превышал 90% от довоенного уровня, товарность зернового хозяйства была вдвое ниже довоенного периода.

[1] Падение посевных площадей по зерновым в 1927/28 г. об'ясняется гибелью до 8 млн. га озимых.

Товарная часть зерновой продукции в сравнении с довоенным периодом.

1913 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г
100%	37%	36,8%	58%	73%

В 1930 г. мы уже будем иметь ¾ довоенного производства товарной зерновой продукции. Это даст возможность полностью удовлетворить потребности СССР в зерновых продуктах, создать необходимые резервы и даже определенную часть экспортировать. *Зерновая проблема в основном решается,* что не означает, что она решается полностью, ибо полное разрешение ее связано с созданием значительных фондов для экспорта, с быстрым расширением производства товарной пшеницы и под'емом потребления этой культуры и т. д., что целиком обеспечивается на рельсах крупного социалистического земледелия.

Колхозное движение за время с XV по XVI с'езд развивалось следующим образом:

Процент коллективизации крестьянских хозяйств по СССР.

1927 г.	1928 г.	1929 г. (1/VI)	1929 г. (1/X)	1930 г. (V)
0,80	1,67	3,94	7,55	24,1

Посевная площадь колхозов.

1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.
0,8 млн. га	1,4 млн. га	4,3 млн. га	не менее 36 млн. га

При этом в важнейших зерновых районах удельный вес колхозов в посевной площади 1930 г. доходит до половины и больше всех посевных площадей.

Удельный вес колхозов в посевной площади.

Сев. Кавказ	УССР	Нижняя Волга	Средняя Волга
61,1%	41,6%	50,1%	28,0%

Данные за 1930 г. свидетельствуют о происшедшем величайшем переломе в развитии деревни. Этот поворот подготовлялся всей системой экономических и политических мероприятий партии: развитием индустрии и производством средств производства для сельского хозяйства; политикой решительной борьбы с кулачеством в союзе с середняком и при опоре на бедноту; развертыванием сельскохозяйственной кооперации; строительством колхозов и МТС, на практике показывающих преимущества коллективного труда перед единоличным; организацией совхозов, показавших все преимущества крупного производства и применения новой техники. Этот поворот подготовлен проведением правильной политики партии; разгромом контрреволюционного троцкизма; решительной борьбой со всеми остатками троцкистской идеологии; беспощадной борьбой с правым оппортунизмом, боровшимся за капиталистический, кулацкий путь развития сельского хозяйства и представляющим главную опасность.

Результаты колхозного строительства таковы, что программа пятилетки по колхозам *перевыполнена в течение первых двух лет,* более чем в полтора раза (вместо 20,6 млн. га коллективных посевов к концу пятилетки, в 1930 г. мы имеем 36 млн. га).

Колхозы в 1930 г. дадут *свыше полутора миллиардов пудов валовой продукции зерновых культур и не менее полмиллиарда товарной зерновой продукции. Таков бесспорный факт, знаменующий собою величай-*

ший переворот, который начался в сельском хозяйстве СССР.

Ближайшие годы в развитии коллективизации будут годами полного перехода от мелкого хозяйства к крупному коллективному. Это значит, что, организуя совхозы, МТС, осуществляя лозунг сплошной коллективизации, мы обеспечим в основном уже в ближайший период полный переход сельского хозяйства на рельсы крупного социалистического земледелия.

Правые вели борьбу против быстрого развертывания крупного социалистического земледелия. Пытаясь задержать быстрый поступательный ход коллективизации, программа правых вела к задержке строительства совхозов. И на этом участке они потерпели сокрушительное поражение. Вот реальная программа совхозного строительства в области зернового хозяйства

Выполнение программы совхозного строительства

(Посевные площади в тыс. га)

	Зернотрест	Совхозцентр	Укрсовхозы	Союзсахар
1928/29 г.	150	430	170	780
1929/30 г.	1.060	860	280	820
1930/31 г.	4.500	1.800	500	830
1931/32 г.	9.000	2 000	720	9[illegible]9
1932/33 г.	14.000	2.500	—	990

В текущем году посевные площади *всех совхозов* составляют 3,8 млн. га, в будущем—8 млн. га. Пятилетняя программа совхозного строительства (5 млн. га) будет перевыполнена в 3 года. В 1929/30 году валовая продукция совхозов составит 28,2 млн. центнеров, из которых 18 млн. цент. составит товарная продукция, а в 1930/31 году валовая продукция составит 71,7 млн. цент. и товарная—61 млн. цент.

Такова программа совхозного строительства, которая вместе с развитием МТС и мощным под'емом колхозного движения обеспечивает полное разрешение зерновой проблемы. В результате бурного роста обобществленного сектора в сельском хозяйстве, мы можем констатировать, что в текущем году колхозы и совхозы *дают основную часть зерновой товарной продукции* и далеко перекрывают *производство кулака в зерновом хозяйстве*, превысив в несколько раз посевную площадь кулацких хозяйств, которую последние имели в 1927 году (составлявшую тогда до 10 млн. га), превысив их и по размерам товарной продукции (кулак давал около 20%, совхозы и колхозы в этом году дадут больше 50%). Кулак в зерновом хозяйстве замещен окончательно и бесповоротно. *Зерновая проблема в основном решена.*

* * *

Зерновое хозяйство являлось наиболее отсталым и вместе с тем решающим участком сельского хозяйства. Именно поэтому усилия партии, прежде всего, были сосредоточены на задаче под'ема зернового хозяйства. Вместе с этим разрешение зерновой проблемы создает в определенной степени условия и для под'ема остальных отраслей сельского хозяйства. Никакой устойчивый и быстрый под'ем технических культур немыслим без снабжения соответствующих районов продуктами зернового хозяйства и никакой прочный под'ем животноводства невозможен без обеспечения животноводческих районов и животноводческих хозяйств достаточным количеством зерновых продуктов и кормов. Разрешение зерновой проблемы, таким образом, создает предпосылки для разрешения проблемы животноводства и технических культур. Каковы пути разрешения этих проблем?

Коренной причиной отсталости зернового хозяйства являлись мелкие и мельчайшие размеры крестьянских хозяйств. Зерновую проблему и ликви-

дацию затруднений в снабжении зерновыми продуктами мы решаем на путях быстрого развертывания крупного обобществленного хозяйства, вместо мелкого, и вытеснения кулацко-капиталистического производства. Единственно радикальным способом обеспечить быстрый под'ем животноводства и технических культур является путь ускоренного строительства крупного социалистического хозяйства.

Состояние животноводства в данный момент показывает, что здесь мы имеем признаки явного сокращения количества голов, соответственно сокращению валовой и товарной продукции.

Возьмем показатели товарной продукции мяса и сала в процентах к валовой продукции.

1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г
33,4%	32,9%	30,4%	29,2%

«Вслед за зерновой проблемой, которую мы уже разрешаем в основном с успехом, *встает перед нами проблема мясная, острота которой сказывается уже теперь, и которая ждет своего разрешения*» (*Сталин*).

Состояние технических культур характеризуется несомненным повышением показателей. Однако, по ряду культур мы имеем проявления неустойчивости (лен, масличные). Колебание и неустойчивость в развитии технических культур является основной отличительной особенностью современного производства их в мелком хозяйстве. В 1926 году мы имели падение посевных площадей по техническим культурам, в дальнейшем под'ем их. Проявление неустойчивости и колебаний при преобладании мелкого хозяйства совершенно несомненны. Причины подобного противоречивого развития животноводства и технических культур кроются в самом существе мелкотоварного хозяйства с его стихийным развитием, с его диспропорциями, с его подчиненностью стихийным природным условием, с его зависимостью от рынка и рыночной цены и т. д. Глупейшей, реакционной болтовней мелкобуржуазных профессоров типа Чаянова, Челинцева и других является теория о том, что мелкое производство приобретает устойчивость и получает даже преимущество перед крупным при развитии в нем «товарно-интенсивных» отраслей. Последний профессор договорился даже до того, что по его словам, развитие «товарно-интенсивных» отраслей (животноводства и технических культур) не-только создает устойчивость мелкому хозяйству, но и ведет к предотвращению капиталистического пути развития, ведет к предотвращению классового расслоения крестьянства.

Никакого устойчивого под'ема животноводства и технических культур при преобладании мелкого производства обеспечить невозможно. Коренной выход заключается в создании крупного хозяйства, в создании совхозов и колхозов. В *разрешении проблемы технических культур и проблемы животноводства мы должны итти тем же путем, которым идем к полному разрешению зерновой проблемы.*

Решениями XVI с'езда заложены основы для коренного разрешения задач быстрого и устойчивого под'ема животноводства и технических культур.

«Коренным образом пересмотреть пятилетний план развития сельского хозяйства, исходя из темпов коллективизации, предусмотренных решением Центрального Комитета от 5 января и полностью подтвержденных на опыте, с тем, чтобы на этой основе обеспечить наряду с ускоренным развитием зерновых и технических культур поднятие и усиленное развитие животноводства, путем, прежде всего, организации специальных животноводческих совхозов аналогично зерно-

совхозам, массового создания высокотоварных колхозных ферм и быстрого расширения кормовой базы». (Резолюция XVI с'езда по докладу тов. Яковлева).

Крупнейшее значение для разрешения проблемы животноводства имеет создание животноводческих совхозов (мясных фабрик). С'езд утвердил следующую программу развертывания свиноводческих и скотоводческих совхозов:

Товарный выход свиней по линии треста „Свиновод".

1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
не менее 400 тыс. г.	3 млн. г.	7 млн. г.

Число голов стада треста „Скотовод".

1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
3,2 млн.	5,5 млн.	9—10 млн.

Такова грандиозная программа строительства животноводческих совхозов, которая наряду с ростом колхозного животноводства характеризует план величайшего переворота в области производства животноводческих продуктов. Развертывание совхозов «Свиновода», «Скотовода», «Овцевода», «Молочно-масляного треста», строительство совхозов и по другим отраслям животноводства (напр., птицеводство) все это наряду *с развитием животноводства в колхозах* (на базе, прежде всего, создания крупного высоко-товарного хозяйства) создает предпосылки для разрешения животноводческой проблемы в основном в ближайшие три года, смягчив затруднения со снабжением мясными продуктами уже в будущем году.

Ближайшие годы будут годами быстрого развертывания строительства крупного производства и в области технических культур.

Строительство совхозов, МТС, колхозов во всех областях СССР на основе специализации районов в производстве главнейших продуктов сельского хозяйства, внедрение новой техники во все важнейшие отрасли ведет нашу страну к невиданным, могущественным темпам развития. *Наступление крупного социалистического земледелия по всему фронту с.-х. производства*, перестройка мелкотоварного хозяйства в крупное коллективное, вытеснение и ликвидация капиталистических элементов,—такова программа великих работ в области сельского хозяйства, которые непроходимой пропастью отделят нас от старого строя общественных отношений, и которые заложат новый фундамент в сельском хозяйстве—фундамент социалистической экономики.

* * *

Коллективное хозяйство, уже в данный момент ставшее основной формой сельскохозяйственного производства, является хозяйством крупным, хотя и мануфактурного типа, в большинстве своем основанное на простом сложении старых крестьянских средств производства. Об'единяясь в коллективы, бедняцкое и середняцкое крестьянство под руководством пролетариата переделывает мелкое и мельчайшее производство с его неимоверной отсталостью, рутинностью, величайшей разобщенностью, по самой своей природе исключающего возможности расширенного воспроизводства.

Для того, чтобы со всей яркостью подчеркнуть гигантский, величественный переворот, который теперь происходит в деревне, остановимся на некоторых характеристиках сельского хозяйства до перехода к колхозам.

Величайшая раздробленность сельского хозяйства,—свыше двух с половиной десятков миллионов мелких хозяев, работающих на крохотных, обо-

собленных участках земли, расточающих труд и средства производства и не имеющих при таком положении возможностей обеспечить сколько-нибудь серьезный под'ем материального и культурного уровня,—является основной чертой мелкотоварного уклада. При этом, мелкому хозяйству свойственно дальнейшее раздробление производства и, как показывает опыт нашей деревни, этот процесс раздробления происходил довольно интенсивно. С 1925 года по 1927 год число крестьянских хозяйств выросло с 23.961,8 тыс. до 25.015,9 тыс., т.-е. ежегодно прибавлялись сотни тысяч новых мелких хозяйств. В рамках мелкого и мельчайшего хозяйства этот процесс дробления ликвидировать невозможно, его можно с большим или меньшим успехом только в некоторой степени задержать. Излечить эту «болезнь» мелкого производства возможно только на путях концентрации земли и средств производства в крупных хозяйствах. В наших условиях капиталистический путь концентрации исключен самим фактом существования системы советских общественных отношений, самим фактом существования пролетарского государства. Коренным образом этот вопрос решает только коллективизация. Махровые буржуазные экономисты типа Кондратьева, Макарова и т. п. в свое время вели ожесточенную борьбу за фермерско-капиталистический путь преодоления раздробленности сельского хозяйства, пугая страну всеми «ужасами» перспективы продолжающегося дробления, предрекая распад производительных сил сельского хозяйства и издеваясь над политикой «фантастического» социалистического укрупнения мелких хозяйств через организацию колхозов. Теперь и теоретически и практически совершенно ясно одно: *проблема дробимости мощным разворотом колхозного движения снимается полностью и без остатка.* Все навороченные буржуазными экономистами «ужасы» измельчания сельского хозяйства, рисовавшаяся ими грядущая перспектива «китайского земледелия» и т. д. разлетаются, как дым. Эта болтовня являлась только дымовой завесой, которая служила прикрытием их ставки на победу капитализма в сельском хозяйстве и на капиталистическую реставрацию в СССР; «исчисления» одной из комиссий Госплана (приводившиеся в докладе тов. Яковлева на XVI партс'езде) о том, что в 1940 году число крестьянских хозяйств должно было вырасти до 31 миллиона, только были на руку реакционной профессуре.

С исключительной яркостью грандиозное значение коллективизации вырисовывается, когда мы рассматриваем вопросы обеспеченности сельского хозяйства средствами производства, вопросы их использования, распределения и т. п. 24,6% *всех имеющих посевы крестьянских хозяйств, по данным 1927 года, вовсе не имело своей тяговой силы* [1]), при чем, из этого числа ¾ приходилось на пролетарские и полупролетарские хозяйства деревни (бедноту), которые не имели или имели в ничтожном количестве элементарные средства производства для обработки своих наделов. В силу этого, значительная часть бедноты не могла обработать свои наделы и сдавала землю в аренду: по данным динамической переписи 1927 года, пролетарская группа сдавала в аренду 34,5% своей надельной пашни, полупролетарская—16%. Огромное большинство бедноты для обработки своих наделов прибегало к найму средств производства: по тем же данным 61,3% пролетарской группы и 54,7% полупролетарской—прибегали к найму рабочего скота, машин и орудий; в основных зерновых районах этот процент значительно повышался. 20—30% всего рабочего вре-

1) Приводимые в этой главе цифровые данные взяты из сборника Госплана „Социал. переустройство сельского хозяйства между XV и XVI с'ездами ВКП (б)." См. статью Немчинова „Советская деревня накануне развернутого социалистического наступления". Я в данной статье не останавливался на ряде ошибочных положений этой статьи, предполагая вернуться к этому в другом месте.

мени бедноты приходилось на работы в порядке найма в качестве батраков и поденщиков, 40—50% рабочей силы—вовсе не использовалось, остальная часть использовалась в своем хозяйстве и то в значительной степени при помощи, как мы видели, чужих средств производства. Несомненный под'ем бедняцкого индивидуального хозяйства, который происходил за все предшествующие годы, благодаря поддержке пролетарского государства не разрешал и не мог разрешить проблемы бедноты. Проблема бедноты неразрывно связана со строем мелких товаропроизводителей. Строю мелких товаропроизводителей, с его частной собственностью на средства производства и зависимостью от рынка, свойственны противоречия в распределении средств производства, свойственна экономическая диференциация, на основе которой растут классовые противоречия, происходит классовое расслоение крестьянства. Мелкое хозяйство является базой для капитализма, капитализм оно выделяет непрерывно.

> «Крестьянское хозяйство продолжает оставаться мелким товарным производством. Здесь мы имеем чрезвычайно широкую, и имеющую очень глубокие, очень прочные корни, — базу капитализма. На этой базе капитализм сохраняется и возрождается вновь в самой ожесточенной борьбе с коммунизмом. (Ленин).

Коллективизация, перерабатывая самую природу мелкого производства, означая переход от частной собственности на средства производства к общественной, ведет к переработке товарно-капиталистической тенденции мелкого хозяйства в социалистическую тенденцию, ведет к переделке старых производственных отношений в социалистические производственные отношения. Измышления и болтовня господина Троцкого о том, что коллективизация не перерабатывает товарно-капиталистической тенденции крестьянства, что в колхозах диференциация «пойдет еще быстрей» (??), что колхозы являются лишь прикрытием для кулака и роста кулацкой эксплоатации, являются до такой степени вздорными и клеветническими, находятся в таком непримиримом противоречии с азбучными основами марксизма и ленинизма, что не нуждаются в опровержениях. Факт совершенно бесспорный—колхозы есть одна из форм социалистического хозяйства, поворачивающая деревню на путь социалистического развития. Через сплошную коллективизацию пролетариат выкорчевывает самые корни капитализма и ликвидирует деревенский капитализм коренным образом. Сплошная коллективизация есть путь, способ, ведущий страну к уничтожению в конечном счете классов, классовых противоречий и классовой борьбы. Таким образом, коллективизация решает проблему классового расслоения советской деревни; сплошная коллективизация и ликвидация на этой основе кулачества как класса передаст эту проблему в архив истории. Диктатура пролетариата выступает, как величайшая сила, освобождающая крестьянство от капитализма, от капиталистических эксплоатаций.

На основе сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса мы стоим перед перспективой разрешения проблемы бедноты в основном в ближайшие годы. В условиях господства мелкого и мельчайшего хозяйства и в условиях капиталистического пути его развития проблема бедноты неразрешима. В условиях мелкого хозяйства никакие рецепты, в роде пресловутого предложения Зиновьева: дать каждому бедняку по лошадке, неспособны ни в какой мере разрешить проблему бедноты. Хозяйственная помощь, которую оказывала советская власть бедноте, не разрешая проблемы бедноты, имела огромнейшее значение, ибо она поддерживала бедноту в ее борьбе с кулацкой эксплоатацией, сохраняла ее рабочую силу от кулацкого расхищения, позволяла бедноте продержаться и в определенной степени поднимать хозяйство. Она являлась

одним из способов борьбы с ростом деревенского капитализма и подготовки к решающему переходу на рельсы коллективизации. Не даром идеологи кулачества типа Кондратьева выступали тогда против «расточительства» по линии помощи бедноте. Кондратьевы предлагали проблему бедноты решать на путях капиталистического развития сельского хозяйства. Спрашивается, как это могло происходить? Капитализм,—отвечал Кондратьев в 1927 году, в одном из своих докладов в Научно-Исследовательском Институте с.-х. экономики,—быстро поднимает производительные силы, на основе этого общего под'ема благосостояния будет расти и благосостояние бедноты. Это, во-первых, а во-вторых, капитализму якобы свойственен под'ем из групп слабых в группы сильные, состоятельные, зажиточные (Кондратьев приводил пример Америки, где якобы существует развернутая циркуляция из одних групп в другие). Буржуазные экономисты, идеологи капиталистической реставрации в СССР, не гнушались самой отвратительной лжи насчет положения при капитализме, пытаясь начисто скрыть процесс беспощадного разорения и закабаления мелких хозяйств в условиях капиталистического хозяйства.

Коллективизация, переход к которой был подготовлен всей системой экономических и политических мероприятий пролетарского государства (в том числе и помощью бедноте), решает проблему бедноты в корне. Беднота, вступающая в колхоз, сразу освобождается от кулацкой эксплоатации, сразу выходит из положения эксплоатируемого и экономически зависимого слоя, быстро поднимает материальный уровень и в кратчайший срок перестает быть беднотой.

Колхозы имеют огромные преимущества при использовании и старых средств производства, здесь налицо крупнейший эффект от простого сложения крестьянского инвентаря, о котором и «не мечтали наши практики» (Сталин).

В мелком крестьянском хозяйстве не только не применима новая техника, не только невозможно применение научных методов земледелия, но использование применяемых на клочках земли средств производства и рабочей силы отличается крайне низкой производительностью, отличается величайшей расточительностью. Приведем несколько примеров.

Процент неиспользованной у середняков тяговой силы рабочего скота
(по данным бюджетного исследования 1926/27 г.).

Украина	Сев. Кавказ	Нижн. Волга	Ср. Волга	Сибирь	ЦЧО	Урал
69,7	71,8	71,8	67,0	72,4	70,3	66,8

Только на 1/3 использует середняк энергию живой тяговой силы! Это ли не величайшая расточительность, которая сразу же при организации коллективного хозяйства в значительной степени ликвидируется?! Исползование тяговой силы рабочего скота в колхозах достигает большого эффекта, благодаря крупным размерам хозяйства и возможности сразу увеличить нагрузку рабочего скота. Вот где одно из условий, определяющих эффективность колхозов и на базе простого сложения крестьянского инвентаря!

Подобное же положение и с использованием машин и орудий, которые в значительной части являются мертвыми, в смысле производительности, силами в хозяйстве мелкого товаропроизводителя. Общую отсталость мелкого производства к 1927 году в смысле вооруженности средствами производства с особой яркостью иллюстрируют следующие цифры:

Процент хозяйств, пользующихся машинами в СССР.

	Зерноочистители и триеры	Сеялки	Жнейки	Молотилки
Собственными . . .	11,6	3,7	6,2	4,3
Наемными	6,6	1,8	4,3	20,3
Итого . .	18,2	5 5	10,5	24 6

Из 93,9 проц. хозяйств, имеющих посевы, только небольшая, как видим, часть применяла машины (в числе которых значительная часть кулаков); остальная же часть пользовалась примитивнейшими средствами производства. Коллективное земледелие ведет к быстрому внедрению новейшей техники, к применению в массовых масштабах усовершенствованных машин и орудий. Через колхозы к новой технике, к трактору, к комбайну приобщается вся масса бывших мелких хозяев, а теперь колхозников. Разве в одном только этом факте не выступает всемирно-историческое значение коллективизации и разве одним только этим фактом не подчеркивается перед мелкими хозяевами всего мира гигантское значение советского строя и диктатуры пролетариата, выводящих крестьянство на путь освобождения от ужасов и бедствий капиталистического строя?

Несмотря на примитивность техники мелкого производства, ограниченность применяемых средств производства, мы имеем глубочайшее противоречие, выражающееся в том, что стоимость середняцких средств производства (мы берем середняка, как основную фигуру мелкого хозяйства) по расчету на один га неимоверно высока.

Процент площади активных средств производства в рублях на 1 га.

	Яровая пшеница		Озимая рожь	Озимая пшеница
	Ср. Волга	Сибирь	ЦЧО	Сев. Кавказ
Середняки	36.0	28,7	56,3	40,2
Артел	14,2	—	34.0	15,8
Коммуны	15,6	13,7	36,3	18,3

Значительная часть и тех примитивных средств производства, которыми располагает середняк, растрачивается бесцельно, благодаря мелкому производству и свойственному ему нерациональному способу хозяйствования. В мелком хозяйстве непроизводительно растрачивается рабочая сила, значительная часть которой не используется вовсе. Процент неиспользованного рабочего времени у середняка составляет до половины всего запаса рабочего времени. Примененный труд, слабо вооруженный средствами производства (материальные затраты на 1 день труда у середняка в 5 и более раз ниже, чем в колхозах и совхозах) дает низкую производительность, низкую урожайность, низкую продуктивность скота и т. д.

Организация крупного коллективного хозяйства, даже мануфактурного типа, даже на базе простого сложения инвентаря мелкого производства, дает сразу же ощутительный под'ем производительности. Проблема повышения производительности сельскохозяйственного труда, проблема урожайности, проблема продуктивности скота, над разрешением которых при сохранении мелкого хозяйства можно биться сотни лет,— быстро решается переходом к крупному коллективному производству.

Уже опыт колхозов, возникших во все предшествующие годы, показывает, что здесь мы достигаем значительного роста производительности не только по сравнению с середняцким хозяйством, но и по сравнению с кулацким. Опыт же нынешней весны показывает на примере уже миллионов вошедших в колхозы крестьян, что колхозы сразу раскрывают свои преимущества с огромной силой. Достаточно указать, что нынешней весной колхозы при простом сложении крестьянских средств производства и при незначительном внедрении новейшей техники, при небольшом числе тракторов, но зато используемых с высокой нагрузкой — дали расширение посевных площадей на 12 млн. га по сравнению с той, которую они обрабатывали, когда были единоличниками. Дальнейший, непрерывный под'ем производительности есть краеугольный камень колхозного движения, ибо без этого условия, коллективное хозяйство окончательно победить не сможет. Корен-

ным образом решает этот вопрос новая могущественная техника, перево-
дящая колхозы на высшую ступень, на ступень машинного производства на
новой энергетической базе. Над дальнейшим непрерывным и быстрым под'-
емом производительности труда должны упорно работать колхозники. Пред-
посылки для разрешения этого вопроса созданы организацией колхозов
и мощным развитием социалистической индустрии, перевооружающей сель-
ское хозяйство на базе новейшей техники. Эти предпосылки должны быть
и будут полностью реализованы. За это должны драться колхозные массы.
Этим капитализм будет окончательно и бесповоротно побит.

* * *

Положение мелкого хозяйства при капитализме Ленин характеризовал
следующим образом:

«Мелкое производство в земледелии осуждено на гибель и неве-
роятно придавленное, угнетенное положение при капитализме,— гово-
рят марксисты. Будучи зависимым от крупного капитала, будучи от-
сталым по сравнению с крупным производством в земледелии, мелкое
производство держится только отчаянным понижением потребностей
и каторжным, двужильным трудом. Распыление и расхищение труда
человека, худшие виды зависимости производителя, истощение сил
крестьянской семьи, крестьянского скота, крестьянской земли — вот
что несет капитализм везде и повсюду крестьянину». (Ленин, собр.
соч., т. XII, ч. II, стр. 168).

Опытом всех стран доказано и передоказано, что в условиях капи-
тализма у мелкого хозяйства нет других перспектив, кроме разорения по-
давляющей массы мелких хозяев. В современных условиях, когда капита-
лизм создает новую могущественнейшую технику, переворачивающую верх
дном старые способы сельскохозяйственного производства, вытеснение
и разорение мелкого производства невиданно уско-
ряется. Иногда наиболее откровенные буржуазные экономисты ярко ри-
суют картину исключительно быстрого беспощадного разорения мелких
хозяйств, которое несет за собой развитие крупного капиталистического
сельского хозяйства, основанного на новой технике. По свидетельству аме-
риканского предпринимателя Хикмена Прайса, для сельского хозяйства ка-
питалистической Америки, переживающего глубокий кризис, никаких выхо-
дов из кризиса нет, помимо немедленного убыстрения процесса вытеснения
мелких и средних фермеров крупным и сверхкрупным капиталистическим
производством, помимо их жесточайшего разорения. «Каким бы ужас-
ным не представлялся такой процесс,— пишет он,— он, по
сути дела, аналогичен процессам, происходящим повседневно в торговле, в
промышленности» [1]).

Рост производства сельскохозяйственной продукции, благодаря раз-
витию крупного хозяйства вызывает перепроизводство и падение цен. Это
падение цен, говорит Прайс «установит бесконечные трудности для мало-
подвижных фермеров. Их доход на время совершенно исчез-
нет»... «Кризис, через который ныне проходит сельское
хозяйство, в дальнейшем примет еще более интенсив-
ный характер». В этом жесточайшем кризисе погибнут мелкие
фермы. Это будет, по мнению Прайса, только для «блага нации», ибо
после этого, якобы наступит полный расцвет крупнейшего механизирован-
ного высоко-производительного хозяйства, цены придут в соответствие с

---

[1]) См. доклад Прайса, совладельца крупнейшей зерновой фермы САСШ „Соц. Зем.", № 134 за 1930 г.

«улучшенными методами производства...», капиталисты будут иметь полное довольство, получая прибыль, и кризис будет изжит.

Так мечтает американская буржуазия выйти из аграрного кризиса, сочетающегося с общим кризисом, раздирающим всю систему капиталистического хозяйства. Буржуазия мечтает выйти из сельскохозяйственного кризиса неслыханным ускорением процесса разорения мелких и средних хозяйств, развертывает программу разрешения кризиса на костях миллиона фермеров, выбрасываемых вон из производства. Но никакие силы не в состоянии вывести капитализм из состояния кризисов. Дело здесь заключается не во внедрении новой могущественной техники и не в крупном и сверхкрупном капиталистическом земледелии. Дело заключается в самой системе капиталистических отношений с ее величайшими противоречиями между развитием производительных сил и производственными отношениями, с ее противоречием между общественным характером производства и системой капиталистического присвоения результатов производства. Несмотря на внедрение новой техники, сельское хозяйство Америки не имело быстрого под'ема, переживает кризис, упадок. Несмотря на массовое разорение мелких фермеров, на разорении которых капиталисты пытались выезжать, несмотря на известный рост крупного производства,— сельское хозяйство не вышло и не выйдет никогда из кризисов, из глубочайших противоречий, заложенных в природе самого капитализма и устранимых вместе с разрушением капиталистического общества пролетарской революцией.

Основой капиталистического сельского хозяйства является частная собственность на землю и средства производства, экспроприация земли и средств производства у непосредственных производителей. В результате этого, при капитализме, при всем его техническом прогрессе, при всем развитии крупного и сверхкрупного сельскохозяйственного производства, развитие производительных сил имеет определенные границы. Маркс в «Капитале» дал превосходный сравнительный анализ условий воспроизводства в мелком хозяйстве и крупном капиталистическом земледелии.

> Мелкое парцелярное хозяйство, говорит он, «по своей природе исключает: развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, скотоводство в крупном масштабе, возрастающее приложение науки... Бесконечное раздробление средств производства и обособление самих производителей. Колоссальное расточение человеческой силы». (Капитал, том III, ч. II, стр. 280).
>
> «При мелкой культуре цена земли, форма и результат частной собственности на землю, выступает как граница самого производства» (там же, стр. 284).
>
> При мелком хозяйстве «исключается возможность богатства и развития воспроизводства». (Там же).

Анализируя условия воспроизводства при крупном капиталистическом земледелии, Маркс приходит к выводу о том, что и здесь частная собственность кладет предел в развитии производительных сил сельского хозяйства.

> «При земледелии в крупных размерах и при крупной земельной собственности, покоящейся на капиталистическом способе ведения хозяйства, собственность тоже выступает, как граница». (Там же).

И далее:

> «При обеих формах (и мелком хозяйстве и капиталистическом крупном. *И.В.*) на место сознательного рационального возделывания земли, как общей вечной собственности, неотчуждаемого условия существования и воспроизводства для ряда сменяющихся поколений, выступает эксплоатация и расточение сил земли... При мелкой собственности это происходит при недостатке средств и знаний, необходимых для применения общественной производительной силы труда. При крупной собственности—вследствие эксплоатации этих средств—для быстрейшего обогащения арендаторов и собственников. И в этом и в другом случае—вследствие зависимости от рыночной цены». (Там же, разрядка моя. *И. В.*).

Условия рационального хозяйства, основанного на новейшей технике и применении всех научных достижений, расширенное воспроизводство несовместимы с самой природой мелкого хозяйства. Но в условиях капитализма развитие крупного производства не может вывести сельское хозяйство на путь действительного прогресса, не может обеспечить рационального высокопроизводительного использования земли и средств производства. Внедрение новой могущественной техники здесь не сопровождается соответствующим ростом производительности. Побивая и разоряя мелкое производство, крупное капиталистическое земледелие попадает в тупик непреодолимых противоречий капиталистической системы общественных отношений. В результате создаваемая новая техника не используется в полной мере, земля и средства производства расхищаются, растрачиваются, истощается рабочая сила и разрушаются производительные силы ради обогащения кучки магнатов капитализма.

Блестящим подтверждением этого является пример САСШ, которые за последнее десятилетие увеличили количество тракторов с 80 тысяч в 1919 г. до миллиона в настоящее время. В огромной степени выросло и использование комбайнов и грузовиков. Это знаменует собой глубочайший технический переворот, в основе которого лежит переход на новую энергетическую базу. Вот данные об энергетической базе сельского хозяйства Америки за 1928 г. [1]) (в миллионах лошадиных сило-часов).

Рабочий скот	8.400
Тракторы	5.100
Грузовики	1.400
Электроэнергия (сельские и районные станции)	1.400
Итого	16.300

Таким образом, % механической энергии (без учета стационарных двигателей), потребленной в сельском хозяйстве Америки составлял в 1928 г. 48,5%. На половину сельское хозяйство САСШ уже два года назад перешло на новую энергетическую базу.

Каковы же результаты этого глубокого технического перевооружения сельского хозяйства Америки, происходящего в условиях разорения, закабаления и вытеснения широчайших масс фермеров?

В своем докладе на XVI партс'езде тов. Яковлев дал анализ этих результатов. Внедрение миллиона тракторов дало ничтожное расширение посевных площадей в то время, как при использовании тракторов со всей

[1]) См. статью Немчинова в цитированном выше сборнике Госплана.

эффективностью возможно было иметь удвоение посевных площадей. Если учесть, несомненно, преувеличенные исчисления американских буржуазных экономистов о росте всей продукции в результате реконструкции сельского хозяйства, то исчисленный экономистом Беккером рост на 13,5% за послевоенное пятилетие свидетельствуют об исключительно медленном под'еме сельского хозяйства капиталистической Америки в сравнении с той новой, могущественной техникой, которую оно получило.

Данные о потреблении свидетельствуют, что потребление мяса упало за 25 лет данного столетия на 1%, потребление пшеницы уменьшилось на 20%, потребление картофеля стабильно и т. д. (см. доклад т. Яковлева на XVI партс'езде).

Все это показывает, что *новая техника в условиях капиталистического сельского хозяйства не может быть использована со всей производительностью, со всей эффективностью, она не служит делу быстрого под'ема хозяйства* в интересах всего общества, а является орудием обогащения кучки капиталистов и разорения массы фермеров. Взнузданная капиталистической прибылью новая техника, системой капиталистических отношений лишенная всех тех возможностей для прогресса, которые она имеет, ограничиваясь в своем производительном использовании,—она являет ярчайший образец того, как загнивающий капитализм ставит границы для быстрого прогресса и величайшим образом расхищает, расстрачивает и губит производительные силы. Разрешение проблемы рационального высокопроизводительного земледелия *возможно только после пролетарской революции, в условиях социалистического строя и создания крупного социалистического земледелия.*

Влад. Докукин.

Социалистическая реконструкция транспорта СССР и транспорт САСШ.

Осуществляя социалистическую реконструкцию нашего транспорта, мы можем и должны использовать все новейшие достижения западно-европейского и американского технического прогресса в области транспортной индустрии с тем, чтобы в кратчайший срок «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны на этом участке нашего строительства. Американские железные дороги, их техническая база и организация оперативной работы дают богатейший ценный материал для применения его на нашем советском транспорте в процессе осуществления реконструктивных мероприятий.

Нигде, как в САСШ на примере транспортного хозяйства, не проявляются в такой степени внутренние противоречия капиталистической системы хозяйства, тормозящие рациональное и эффективное использование мощного в техническом отношении и гигантского по величине транспортного аппарата.

В условиях нашей социалистической системы хозяйства не имеют места те неизбежные внутренние пороки, которые сводят на-нет результаты технического прогресса в любой капиталистической стране. Поэтому, опираясь на высокий уровень иностранной техники и используя огромные преимущества советской системы планового хозяйства, мы будем в состоянии осуществлять реконструкцию нашего транспорта в темпах, которые не снились рационализаторам американских железных дорог.

I. Рост грузооборота и реконструкция транспортного хозяйства СССР.

Высокие темпы индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства предопределяют те огромные требования в перевозочной работе, которые будут пред'явлены транспорту в ближайшие годы. Размеры продукции главнейших отраслей промышленности и сельского хозяйства на 1930/31 и 1932/33 г., согласно последним наметкам Госплана вырастают от 75,5% до 3220% по различным ее видам: по хлебу на 75,5%, по каменному углю — 225%, по нефти—192%, по руде—318%, по металлургии—312%, по строительным материалам—636%, по землеудобрительным тукам—3220%. Сравнивая с исходным 1928/29 г., мы видим к концу пятилетки утроение—учетверение размеров производства, по минеральным строительным материалам продукция повышается в 5—6 раз, а по тукам — в 30 раз. Такие массовые продукты, как каменный уголь и нефть, имеющие особенно важное значение в грузовых потоках, дают к концу пятилетия утроенные размеры добычи. Развитие народного хозяйства в текущем пятилетии совершается по кривой, возрастающей к концу его, т.-е. что темп развития народного хозяйства усиливается к концу этой пятилетки. Так, продукция чугуна в 1932/33 году по сравнению с настоящим годом увеличивается

в 2 раза (с 6 млн. тонн до 17 млн. тонн), добыча угля—в 2,5 раза (с 52 до 130 млн. тонн), добыча нефти—также в 2,5 раза (с 16 до 40 млн. т.). То же наблюдается в области машиностроительной промышленности. Этот нарастающий к концу первой пятилетки темп развития народного хозяйства дает основание придти к выводу, что в следующей пятилетке темп будет, в общем, выше, чем в текущей. Труды и материалы дискуссий по генплану намечают на второе пятилетие более высокие темпы развития народного хозяйства. К такому же заключению приводят и ориентировочные предположения как по отдельным районам, так и по отдельным отраслям промышленности. Справедливость такого предположения подтверждается тем, что развитие основных ведущих отраслей промышленности к концу текущего пятилетия подводит базу для полной реконструкции народного хозяйства, обусловливает значительный рост ряда отраслей промышленности, преимущественно легкой индустрии и развитие совершенно новых производств для обслуживания нужд реконструируемого и развивающегося народного хозяйства.

Реконструкция народного хозяйства вызывает кроме того необходимость разрешения многих задач, которые требуют громадного усиления темпов развития. К числу этих задач относится, прежде всего, жилищное и дорожное строительство. Первое в настоящее время развивается еще недостаточно интенсивно и оставляет неудовлетворенной в значительной степени жилищную потребность. В следующем пятилетии этого, конечно, не будет и жилищное строительство будет идти ускоренным темпом. Строительство новых жел. дорог и грунтовых путей в следующем пятилетии должно идти также повышенным темпом, так как намеченное громадное развитие основных отраслей промышленности невозможно без соответствующего развития транспорта. Наконец, намечавшееся и принятое XVI с'ездом партии промышленное развитие Востока с устройством там совершенно новых и при том колоссальных по своей мощности промышленных предприятий (Магнитогорский, Н.-Тагильский и др. заводы), постановка урало-кузнецкой проблемы должно также повести к большему увеличению темпов промышленного развития в следующей пятилетке. Необходимые валютные ресурсы даст намечающееся, в связи с осуществлением к 1932/33 г. сплошной коллективизации, громадное увеличение экспортных возможностей не только по хлебу, экспорт которого к концу текущей пятилетки даст 11 млн. тонн, но и по другим статьям вывоза.

Предстоящая нагрузка транспорта и темпы роста грузооборота должны быть определены как в соответствии с темпами роста продукции, так и с учетом главнейших реконструктивных и рационализаторских мероприятий, намеченных к осуществлению в текущую пятилетку. Программа реконструкции транспорта, изменения в географическом размещении производительных сил, в технической структуре промышленности и сельского хозяйства, изменения в условиях снабжения и распределения продуктов, а также в области распределения грузооборота между железнодорожным, водным и другими видами транспорта, разумеется, внесут соответствующий корректив в общий показатель предстоящих перевозок. Тем не менее даже при этом коррективе рост грузооборота показывает быстрые темпы, по сравнению с 1928/29 г. к концу пятилетия он увеличивается в 3½ раза, по сравнению с текущим 1929/30 г.—в 2½ раза. Если в 1928/29 г. грузооборот выражался в 175,9 млн. тн., а общий пробег в 97,6 млн. т./клм, то для 1929/30 г. соответствующие цифры будут 236 и 140,1, для 1930/31 г.—325 и 190, для 1932/33 г.—572 и 355. Такой бурный рост грузооборота сопровождается повышением средней дальности пробега тонны груза с 585 до 620 клм., т.-е. почти на 6%.

Этот новый план работы транспорта совершенно опрокидывает прошлогодние наметки на 1932/33 г.: в отношении количества он превышает в 2½ раза, а в отношении работы железных дорог почти в 3 раза прошлогоднюю проектировку работы транспорта.

Насколько при этих условиях увеличивается нагрузка транспорта, показывают следующие расчеты. Железнодорожная сеть, составляющая в настоящее время 77 тыс. километров, к 1932/33 г. должна увеличиться до 100 тыс. километров, т.-е. на 25—30%, в то время как грузооборот утраивается.

Густота движения, составляющая в настоящее время 1,8 млн. тонно-километров на 1 клм, т.-е. достигающая нормы американских железных дорог, к концу пятилетия составит 3,5 млн. т/клм. на 1 клм. пути, т.-е. удваивается.

Густота движения по отдельным дорогам, особенно по вновь вошедшим в эксплоатацию, будет неравномерно распределена в течение ближайших трех лет пятилетки, что даст для наиболее загруженных и основных направлений такую густоту движения, которая в 3 раза будет превышать существующие нормы. Пассажирские перевозки к концу пятилетия достигают 82 млрд. пассажиро-километров, т.-е. увеличиваются почти в 3 раза по сравнению с исходным 1928/29 г.

Приведенные данные с достаточной полнотой рисуют те огромные масштабы, по которым должна равняться транспортная работа в ближайшие годы.

Какова же техническая вооруженность транспорта, с которой он выступает в направлении осуществления намеченной программы грузооборота?

Техническо-экономический уровень нашего транспорта, его производственно-техническая вооруженность, значительно ниже тех показателей, которые намечались на конец пятилетия. Поэтому *опасность превращения транспорта в «узкое место» всего народного хозяйства, в тормоз, могущий задержать процесс индустриализации и социалистической реконструкции Советского Союза, становится совершенно осязательной.*

Это обстоятельство подчеркнуто с исчерпывающей ясностью в докладе т. Сталина на XVI партийном с'езде.

«... Несмотря на громадное значение транспорта, хозяйство транспорта, реконструкция этого хозяйства (подчеркнуто нами. *В. Д.*) все еще отстает от общего темпа развития. Надо ли еще доказывать, что при таком положении мы рискуем превратить транспорт в «узкое место» народного хозяйства, могущее затормозить наше продвижение вперед. Не пора ли положить конец такому положению?» (Сталин. Политич. отчет ЦК XVI с'езду).

Нужно совершенно прямо заявить, что к осуществлению той реконструктивной программы, которая была намечена транспортной пятилеткой, НКПС до последнего времени не приступал по причине отсутствия конкретной разработки основных элементов технической реконструкции транспортного хозяйства.

Только в июне месяце текущего года появилась первая наметка реконструктивной программы, разработанная ЦПТЭУ НКПС под руководством тов. Полюдова и план реконструкции железнодорожного транспорта, построенный на основе материалов специальной комиссии НКПС во главе с т. Сулимовым, изучавшей в течение нескольких месяцев постановку работы железных дорог САСШ.

Необходимость срочного рассмотрения и реализации ряда реконструктивных мероприятий, составляющих содержание этой программы социалистической реконструкции транспорта СССР должна быть подчеркнута со всей настоятельностью.

«Выдвигая как первоочередную и неотложную задачу составления в кратчайший срок перспективного плана реконструкции всего транспортного хозяйства: железнодорожного, водного и автодорожного, полностью увязанного с нуждами и перспективами развития других отраслей хозяйства СССР, необходимо немедленно заострить внимание на самое широкое введение новой техники, новых методов работы и новых более совершенных форм организации транспортного хозяйства».

Приведенный пункт является основным в недавно опубликованном в «Правде» приказе т. Рухимовича, имеющем исключительное политическое значение и ставящем в упор все решающие вопросы работы транспорта.

У всех еще на памяти те трудности и перебои, с которыми была сопряжена работа транспорта по осенним перевозкам прошлого года. Для проведения предстоящих осенних перевозок и перевозок 1930/31 г. транспорт должен будет мобилизовать внутренние ресурсы с чрезвычайным напряжением. Это и понятно, так как внутренние ресурсы ограничены, и каждый измеритель эксплоатации имеет предел своего увеличения.

1931/32 г. ставит перед транспортом такие задачи, с которыми без решительных мероприятий, изменяющих его техническую структуру, транспорт справиться не в состоянии.

Мобилизация ресурсов внутри самого транспорта, решительные мероприятия по рациональному использованию транспорта хозяйственными организациями есть преобладающая задача текущего года, поскольку осуществление реконструктивной программы и перелом в технической конструкции транспорта не могут дать заметного эффекта в текущем году.

К этой огромной работе транспорт только что приступает. Но когда речь идет о превращении транспорта из «узкого места» народного хозяйства в могучий фактор, стимулирующий развитие его в высоких темпах — нельзя сводить проблему повышения эффективности работы транспорта к задачам только текущего года.

Поэтому, линия на самое срочное осуществление реконструктивной программы, изменяющей коренным образом техническую базу транспорта, является основной и решающей для данного периода времени. Осуществление программы социалистической реконструкции транспорта ни в коей мере не снимает необходимости всемерной мобилизации транспортных средств для выполнения текущих заданий и возможности повышения эффективности работы при старых технических средствах транспорта.

Можно ли противопоставлять коренную реконструкцию транспортного хозяйства задачам его рационализации и мобилизации его внутренних ресурсов? Разумеется, нельзя. Мобилизация внутренних ресурсов и рационализация транспорта есть часть той большой реконструктивной программы, которая будет осуществлена в ближайшее пятилетие.

В процессе осуществления реконструктивных мероприятий вопросы рационализации не только не отпадут, но, напротив, приобретут еще большее значение, так как оборудованный по последнему слову техники, советский транспорт потребует применения более совершенных методов рационализации транспортного процесса. То обстоятельство, что текущий год будет являться годом напряженнейшей работы по линии повышения эффективности транспортных средств, главным образом, за счет рационализации и мобилизации

внутренних ресурсов ни в коей мере не противоречит основной установке транспорта на коренную реконструкцию. Коренной перелом в деле реконструкции транспортного хозяйства и максимального развертывания рационализаторских работ характеризуется ростом капиталовложений в транспорт. Если общая сумма капитальных вложений в транспорт на 1929/30 г. выражалась в размере 1.448 млн. руб., то на 1930/31 г. капиталовложения во все виды транспорта достигают 3.369 млн. руб. т.-е. увеличиваются почти на 130%. Дальнейшее развитие металло-промышленности и машиностроения в СССР, являющейся базой осуществления реконструкции на транспорте, позволит перейти в ближайшие годы к более повышенным темпам капитальных вложений в транспорт и к более решительной его реконструкции.

Вот почему основная задача заключается не только в том, чтобы выполнить бурно-растущие перевозки теми главным образом техническими средствами, какие имеются у транспорта в настоящее время, а в том, чтобы в возможно короткий срок реализовать ряд реконструктивных мероприятий, повышающих технический уровень транспортных средств.

«Задача состоит в том, чтобы взяться наконец по-большевистски за дело транспорта и двинуть его вперед» (Сталин.—Полит. отчет ЦК XVI с'езду).

Программа реконструктивных мероприятий, намеченная НКПС, сводится в основном к следующему:

1) увеличение мощности паровозов и под'емной силы вагонов;
2) введение автоматической сцепки для всего подвижного состава;
3) оборудование подвижного состава автотормазами;
4) установка автоматической блокировки;
5) электрификация и теплофикация железных дорог;
6) механизация погрузочно-разгрузочных работ;
7) реконструкция пути.

Ведущим звеном программы является введение более мощного поездного двигателя. Тяжелый локомотив потребует усиления верхнего строения пути на основных направлениях и давая более тяжелый вес поезда ведет к необходимости реконструкции сцепного прибора и тормоза. Большой вес поезда ведет к необходимости укорочения его длины, т.-е. к проведению мероприятий по укрупнению подвижного состава.

Реконструкция паровозной способности (локомотив, вагон, сцепка, тормоз) неотложно выдвигает проблему реконструкции пропускной способности станций и перегонов при помощи автоблокировки и механизации погрузочно-разгрузочных работ.

Таким образом, намеченная программа реконструкции состоит из тесно связанных между собой элементов и является программой реконструкции всего транспортного процесса в целом. Выдергивать из этой программы отдельные элементы и относить их «на еще очень долгое время» в будущее значит совершенно не понимать внутренней связанности и единства этой программы социалистической реконструкции транспорта.

Как же практически должен стоять вопрос о проведении в жизнь намеченного большого плана реконструкции транспортного хозяйства?

Для того, чтобы добиться наименьшей затраты технического оборудования и материалов, наиболее экономного расхода металла и полной увязки развития промышленности с потребностями реконструкции транспорта, что предлагается решением XVI партс'езда, требуется четко разработанный план осуществления отдельных реконструктивных мероприятий как в отношении

сроков их проведения, так и создания производственно-материальных предпосылок, необходимых для их осуществления.

Промышленность должна выделить заводы, обеспеченные соответствующими техническими средствами, для производства отдельных элементов реконструируемого транспорта, как-то: автосцепки, автотормозов, большегрузных вагонов. Чтобы выпуск продукции для технической реконструкции был начат промышленностью не позднее 1930/31 г., НКПС должен в самом форсированном порядке провести опыты по определению наиболее выгодных типов подвижного состава, новых типов конструкции и оборудования его и представить правительству планы снабжения транспорта более технически совершенными техническими средствами со стороны промышленности.

Это требование относится ко всем ведущим звеньям транспортной реконструкции: автосцепке, автотормозам, мощным паровозам, большегрузным вагонам, усилению верхнего строения пути и автоблокировке и должно быть выполнено НКПС и ВСНХ в текущем году. Транспорт в кратчайший срок должен перестроить свои отношения с промышленностью, указать промышленности на те об'екты новой техники, применение которой является неот'емлемой частью его реконструкции. В свою очередь, промышленность должна организовать ряд новых производств, связанных с реконструкцией транспорта. Транспорт должен ориентировать промышленность на форсированное развитие резко отстающих отраслей транспортного хозяйства: морское и речное судостроение и специальное водоснабжение как в области реконструкции, так и оперативной работы; транспорт должен добиваться более внимательного и бережного отношения к себе со стороны всех секторов народного хозяйства.

Нам хотелось бы подчеркнуть значение э л е к т р и ф и к а ц и и железных дорог в общем плане реконструкции транспорта. Электрификация должна быть поставлена на первое место как важнейшее реконструктивное мероприятие, способствующее разрешению не только транспортной, но и энергетической проблемы. При условии электрификации на один и тот же измеритель работы сжигается топлива на электроцентралях в 4 раза меньше, чем на паровозах, увеличивается пропускная способность железных дорог в 3 — 4 раза по сравнению с существующей, достигается колоссальная экономия подвижного состава и возможность выполнения перевозочной работы без значительных затрат на усиление существующего верхнего строения пути.

План реконструкции железнодорожного транспорта путем электрификации должен быть расширен и включить в себя:

1) все дороги «Большого Урала» в связи с созданием второй угольно-металлургической базы на Урале, в той последовательности, в которой будут возрастать грузопотоки;

2) вновь строящиеся железные дороги с гористым профилем (Магнитогорск, Уфа);

3) дороги, требующие большого усиления выхода из районов горнодобывающей промышленности и требующие усиления пропускной способности с помощью прокладки дополнительных путей;

4) дороги внутренних густо-развитых путей промышленных районов— Урала, Кузбасса, Донбасса, — по направлениям, соединяющим топливо и руду;

5) головные участки железных дорог крупных узлов (Москва, Ленинград) с огромным пригородным движением.

Правильное построение плана реконструкции и, в особенности, электрификации железных дорог требует ясности в вопросе размещения производительных сил в стране. Большие капитальные вложения, которые будут сделаны по этой линии, должны иметь правильное направление.

Совершенно не случайна постановка этой проблемы тов. Сталиным, как первостепенной по значению:

«прежде всего проблема правильного размещения промышленности по СССР. Как бы мы ни развивали народное хозяйство, нельзя обойтись без вопроса о том, как правильно разместить промышленность, как ведущую отрасль народного хозяйства» (Сталин. Полит. отчет ЦК XVI с'езду).

Для осуществления программы реконструкции на транспорте, и, прежде всего, программы электрификации проблема правильного размещения промышленности и основных отраслей сельского хозяйства по СССР имеет огромное значение. Следует подчеркнуть, что перед транспортом стоит задача не только полного удовлетворения текущих и перспективных нужд народного хозяйства в области перевозок, но и активного участия в создании новых производственных центров в их выборе, всестороннем освещении и правильной оценке проблем наиболее рационального их географического размещения для того, чтобы оградить страну от излишних потерь на перевозках.

Осуществление программы социалистической реконструкции транспорта будет зависеть и от того, в какой степени внимание партии и рабочих масс, в первую очередь, профессиональных организаций на транспорте будет приковано к выполнению этой задачи.

Должна быть проделана большая работа по мобилизации творческой энергии и революционного энтузиазма рабочих масс на транспорте, опираясь на которые можно действительно по-большевистски двинуть наш транспорт вперед.

Мы приступаем далее к освещению тех сторон постановки технической и эксплоатационной работы а м е р и к а н с к и х железных дорог, ознакомление с которыми поможет нам осветить возможный итог того или другого реконструктивного или рационализаторского мероприятия на транспорте СССР. Использование практики технически передового транспорта, каким является американский, безусловно важно и необходимо для нас, так как оно может сберечь значительные ресурсы в результате рационализации капиталовложений в отдельные отрасли транспортного хозяйства [1]).

II Технико-экономическая характеристика американских железных дорог.

Американский железнодорожный транспорт играет исключительно важную роль в современном хозяйстве САСШ. Колоссальные инвестиции. в железнодорожное строительство, цифра которых по исчислениям Междуштатной Комиссии достигает 24 млрд. долларов, дали мощный толчок транспортной индустрии и техническому ее прогрессу. Процесс индустриализации САСШ, вовлечение новых районов в интенсивную промышленную жизнь—способствовали развитию транспортной сети и увеличению эффективности ее работы. Настоящий период является переломным этапом в развитии американского железнодорожного транспорта. Эра усиленного железнодорожного строительства осталась позади, и технико-экономическая система американского транспортного хозяйства потрясается развертывающимся промышленным кризисом.

По мнению большинства американских экономистов, последний кризис в САСШ, начавшийся известным финансовым крахом на нью-йоркской бирже, носит исключительно финансовый характер, и основная причина его лежит

[1]) Выводы второй части нашей статьи основаны на непосредственном ознакомлении с опытом жел. дорог САСШ во время пребывания в Америке в составе комиссии НКПС.

в чрезмерном росте спекуляции на различных биржевых капитальных фондах. Последующие месяцы показали, что такой прогноз является совершенно неотвечающим действительности, финансовый и биржевой кризис перерос в общехозяйственный кризис. Явления депрессии перекинулись на промышленность и транспорт, и к началу 1930 года стало очевидно, что в основе американского кризиса лежат более глубокие причины, сводящиеся в основном к неразрешимым противоречиям самой капиталистической системы хозяйства.

Общее протяжение сети САСШ (эксплоатационная длина) составляло на январь 1930 года—249.309 миль железных дорог, принадлежащих 1.566 различным компаниям. Из них: компаний 1-го класса, т.-е. тех, которые имеют годовой доход более 1 млрд. долларов, было 169, владеющих 90% всей длины сети. Из этих цифр видим высокий уровень концентрации американского железнодорожного капитала.

Новое железнодорожное строительство остановилось в САСШ еще в 1916 году, а за период 1916—1929 г. эксплоатационная длина сети уменьшилась с 255 тыс. миль до 249 тыс. миль. Этот факт иллюстрирует то положение, что развертывание железнодорожного строительства в САСШ закончено, и в настоящее время рационализаторские и реконструктивные работы идут по линии улучшения железнодорожных конструкций и методов эксплоатации. Период, переживаемый в настоящее время, период кризиса, ставит на очередь дальнейшее сокращение наличной эксплоатационной сети и сокращение капитальных вложений в транспорт.

Картина размещения американской индустрии не может быть сведена к географической специализации районов. Налицо имеется более сложный комплекс факторов, действующий в направлении локализации определенной отрасли промышленности в том или ином пункте.

Важнейшие из этих факторов: 1) наличие сырья, 2) наличие силовых ресурсов, 3) близость рынка сбыта, 4) транспортные возможности, 5) наличие дешевой рабочей силы, 6) возможность привлечения капитала со стороны, и 7) климатические условия.

Относительное значение каждого из этих факторов различно в каждом индивидуальном случае. Например, железная и стальная индустрия локализовались, как правило, на месте залежей угля, как, например, Питтсбург. Текстильная индустрия размещена, главным образом, в Нью-Инглэнд, где имеются хорошие условия снабжения капиталом, сырьем и рабочей силой, при самых благодарных климатических данных.

Необходимо подчеркнуть значение процесса постепенного перемещения индустриальных центров в САСШ. Питтсбург, как стальной центр, за последние десять лет постепенно теряет свое значение. Ряд экономистов и инженеров заявляет, что в ближайшие 15 лет стальная индустрия передвинется в Бирмингам, где имеются в большом количестве залежи железной руды и угля. Если промышленное развитие страны, вовлечение в индустриализацию новых районов, увеличение снабжения городов и промышленных центров продовольствием и товарной продукцией, а фабрик и заводов сырьем и топливом, повысили нагрузку американского транспорта за последние годы,—то процесс нового размещения производительных сил, осложненный кризисными явлениями во всей экономике страны, ставит американский транспорт в очень тяжелое положение. Например, перевозка только руды и каменного угля для многих железных дорог представляет важнейшие элементы их деятельности. Процесс перемещения индустрии в новые районы ставит эти дороги перед задачей поиска новых источников перевозки, ухудшает их финансовое положение, поскольку значительно сокращается перевозимая ныне продукция горной промышленности. То же в отношении текстильной промышленности, передвигающейся к хлопковым районам, и соответствующих железных дорог этих направлений.

Изменения, происходящие в сельском хозяйстве САСШ, как, например, усиление пшеничных культур на Севере и Северо-Востоке и специализация районов, быстрое развитие новых сельскохозяйственных районов береговой полосы между Флоридой и Виргинией, пред'являют к железнодорожному транспорту новые требования в смысле изменения направления грузовых потоков и тем самым еще более увеличивают бесплановость и пестроту его работы. Если к этому прибавить наличие обостренной конкуренции, погоню за грузоотправителем путем снижения тарифа, то серьезность указанных вопросов для американского транспорта становится очевидной

1 Характеристика пути.

Реконструктивные мероприятия, которые мы будем проводить на нашем советском транспорте в области путевого хозяйства, должны включить в себя достижения в этой области американской железнодорожной техники. Хорошие качества железнодорожного полотна уменьшают расходы по его содержанию и улучшают положение дороги в смысле ее пропускной способности. Качество пути зависит от трех факторов: рельс, шпал и баласта. Рельсы обыкновенно определяются весом на 1 ярд. Главный путь у большинства железнодорожных линий имеет рельсы весом от 85 до 100 фунтов (1 ф.— 0,454 кг.). Рельсы весом менее 70 фунтов обыкновенно считаются негодными для главной линии. Есть дороги, где главный путь имеет рельсы в 136 фунтов, как, напр., Лихай Валлей ж. д.

Нивелировка профиля дорог выдвигается, как большой важности задача, для достижения в дальнейшем финансовых эффектов в смысле снижения себестоимости. По утверждению американских инженеров, «дороги работают на таком профиле, который мог бы рассматриваться только 50—60 лет тому назад экономным». Железная дорога Лэйк—Ири, затратившая на эти цели определенную сумму, имела увеличение веса среднего пропускаемого поезда на 18% с уменьшением оперативной стоимости в тонно-милях с 1590 до 1448.

Аналогичная работа совершается в области смягчения кривых. На цели физической реконструкции дорогами тратятся крупнейшие суммы из бюджета железных дорог: Чиспик—Огайо истратило на эти цели около 23 млн. долл., Лэйк—Ири—32 млн. долларов.

Тип рельс, уложенных на американских дорогах, колеблется от 70 до 136 фунтов, при чем основные магистрали уложены рельсами от 110 до 136 фунтов. Смена рельс дает из года в год повышение среднего веса укладываемых рельс. В отношении шпал за последние годы на американских дорогах поставлена опытно-исследовательская работа в этой области.

Продолжительность срока годности деревянной шпалы в среднем равна 10 годам. Постановка химической пропитки шпал значительно увеличивает срок их годности. Существуют самые различные методы, из которых наиболее эффективным признан «креозотизация» шпал, пропитка их особым маслянистым составом из угольной смолы и паровая прессовка. Этот метод, по заявлению специального комитета Американской ж.-д. Ассоциации Инженеров, увеличивает срок годности шпалы до 20 лет и дает большую экономию для всех железных дорог на потреблении дерева.

Опыты с применением стальных шпал производятся, но американские дороги не применяют их в сколько-нибудь значительной степени. Процентное отношение смененных шпал за последние 6 лет к общему количеству колеблется от 60 до 90% по различным дорогам. Баласт на главных путях применяется тяжелый: гравий, мелкораздробленные камни, шлак и песок.

Крупные американские железные дороги имеют двойной путь, тройной и более. Пенсильвания Нью-Йорк Централ имеют четырехколейный путь между своими конечными точками. Большинство дорог имеет одну колею. В процентном отношении они распределяются так: 83,7% всего протяжения сети — одноколейные дороги, 15% — двухколейные, 1,3% — трех и более колейные. На всех дорогах САСШ имеется автоматическая сигнализация и блокировка: по данным Междуштатной Комиссии ими оборудовано 25% железнодорожной сети.

Железнодорожное полотно на наших путях является очень отсталым и в ряде остальных элементов железнодорожного хозяйства это наиболее «узкое» место. Огромные расходы по поддержанию пути в состоянии необходимом для безопасности движения, расшатывание и изнашивание подвижного состава, уменьшение скоростей,—все это результаты отсталости пути в техническом отношении.

Реконструкция пути предполагает плановость и организованность путевых работ, усиление рельс, шпал и баласта, равномерную техническую загрузку их, использование машин (трактора) для путевых работ, заменяя ими медленные и неэффективные ручные работы. Пример отдельных элементов реконструкции пути дан нами выше из опыта американских железных дорог.

Реконструкция пути должна проводиться в соответствии и плановой увязке с реконструкцией подвижного состава: вступление в работу тяжелых составов поездов с большими скоростями предполагает готовым прочный путь с минимальными эксплоатационными расходами.

2. Электрификация железных дорог в САСШ.

Несмотря на огромные технические ресурсы электрификация железнодорожного транспорта в Америке осуществляется очень медленно. САСШ, имеющие на своей территории 33% всей мировой железнодорожной сети, электрифицировали только около 2.000 миль. Причина затруднений, которые встречает электрификация, заключается в наличии частной собственности на железные дороги, при которой в большинстве случаев невозможно осуществление таких мероприятий, которые выходят за пределы железнодорожного полотна, как электрификация, которая связана с постройкой собственных силовых станций, удорожающих электрификацию до непосильных железным дорогам размеров.

В первую очередь электрифицируются участки с большим движением и тяжелым профилем пути, как, например, участок Нью-Йорк Централ—Нью-Йорк Гавань; Нью-Йорк—Филадельфия. Расходы, связанные с электрификацией, очень высоки как в общих цифрах, так и в отношении на 1 милю пути. Чикаго—Мильвоке ж. д. затратила 16 млн. долларов на электрификацию Роки—Районa, при чем на одну милю пути стоимость электрификации выразилась в 32.786 долларов. Эта же компания исчислила, что экономия, полученная на участке Чрелстон—Аверн, расстоянием 438 миль в результате электрификации за 9 лет эксплоатации, достигла 12 млн. долларов. Установлено, что стоимость перевозки на паровой ж. д. 1.000 тонн-миль равна 1,54 доллара, тогда как после проведения электрификации эта стоимость падает до 0,40 доллара.

Кампания за осуществление максимальной электрификационной программы в САСШ развернута на страницах транспортной литературы и периодической прессы. Указывают, что вложенный в электрификацию железных дорог капитал возвращается ежегодно в размере от 7 до 12%. Если первые проекты электрификации железных дорог включали постройку силовых станций железными дорогами, то позднейшие проекты значительно снижают размер инвестиций со стороны самих железных дорог, потому что предусматривают снабжение электроэнергией со стороны на основе долгосрочных контрактов. В этих целях между Комитетом по электрификации железных дорог и Национальной электрической Ассоциацией заключено соглашение о снабжении железных дорог электроэнергией.

Реконструируя советский транспорт, мы должны более решительно ставить вопрос об электрификации наших железных дорог. Наша пятилетка по электрификации транспорта является безусловно минимальной, хотя по размерам немногим отличается от пятилетнего проекта электрификации американских железных дорог, намеченных Междуштатной Комиссией САСШ.

Мы можем и должны использовать те колоссальные преимущества нашего планового хозяйства, которые дают возможность проводить электрификацию на железных дорогах с гораздо меньшими затратами капитала, чем это имеет место в Америке. На этом участке мы, несомненно, выдвинемся вперед в течение текущей пятилетки, если более энергично и рационально будем осуществлять програму электрификации в повышенных темпах.

В плане реконструкции транспорта СССР электрификация занимает первое место. Важнейшие технико-экономические преимущества электрификации делают ее важнейшим реконструктивным мероприятием.

Так как электрификация связана с крупным капитальным вложением, то точное установление ряда новых центров тяжелой индустрии и прикрепление районов производства к районам потребления является необходимым условием для рационального размещения капитальных вложений на электрификацию по районам.

3. Реконструкция подвижного состава.

Американские дороги снабжены мощным, в количественном и качественном отношении, подвижным составом: количество паровозов 62.342 с тяговой силой в 43.838 англ. фунтов каждый, вагонов 2.297.000 с емкостью каждый в 42 тонны в среднем.

Средний вес американских локомотивов типа «Консолидейшен» около 145.000 англ. фунтов, новые мощные типы локомотивов достигают веса 726.000 фунтов.

Дальнейшее развитие тяговой силы локомотивов идет по двум направлениям:

1. Развития и увеличения мощности паровой единицы путем конструкции, например, тройных котлов, использованных на Лихай ж. д. Но развитие большей силы тяги локомотивов в этом направлении дает и больший вес.

2. Снабжение локомотивов нефтеэлектрическим двигателем и дизелями. Двигатель Дизеля, как проверено по стоимости расходуемого топлива, только на 20% превышает паровые локомотивы и на 40% электровозы. Применение газолиновых двигателей на многих жел. дор. Америки распространено довольно широко.

Техническая реконструкция нашего подвижного состава может итти по той же линии, которая намечена опытом американских железных дорог, а именно по линии увеличения тяговой силы паровозов и под'емной силы вагонов. Техническая модернизация подвижного состава доведена в Америке до высокого уровня: для паровозов—до 6 спаренных осей, бустера, стокера, сочлененные паровозы «Маллет» и пр.; для вагонов—сверхбольшегрузность —до 120 тонн, приспособления для автоматической выгрузки, автосцепки и автотормаза. Использование такого мощного подвижного состава в Америке совершенно не удовлетворительно, имеются постоянно огромные резервы неиспользованного подвижного состава, что увеличивает опера-

тивные расходы железных дорог. Но этот дефект неизбежен в условиях частной собственности на железные дороги, когда увеличение перевозок на параллельно проходящей конкурирующей дороге высвобождает от производительного использования массы подвижного состава на более слабой дороге.

Увеличение тяговой силы паровозов и под'емной силы вагонов ведет к уменьшению числа единиц паровозного и вагонного парка и к более эффективной их эксплоатации.

Комиссией НКПС за время пребывания в Амрике избран для испытания и постройки на советских заводах тяжелый тип паровоза, могущий везти составы свыше 3.000 тонн. Он должен стать основным элементом реконструкции подвижного состава железных дорог СССР. Этой же Комиссией избран тип товарного полувагона для массовых грузов, проверенный опытом работы американских железных дорог. Принят тип автоматической сцепки для всего подвижного состава советских железных дорог по образцу испытанной в течение десятка лет американской автосцепки.

Эти три реконструкции подвижного состава являются ведущими звеньями той большой работы, которая должна охватить в текущую пятилетку остальные элементы советского железнодорожного хозяйства.

4. Организация движения.

Организация движения поездов на американских железных дорогах может лечь в основу нашей рационализаторской работы в этой области.

Обычная тяга поездов на американских железных дорогах паровая. Электрифицированы все подходы к нью-йоркскому узлу, 73 мили каскадного перевала с тоннелями и подходами на Б.-Сев. ж. д., и ведутся работы по электрификации на 5 жел. дор. Паровая тяга используется в условиях организации тяговых участков с некоторыми изменениями в виде обезличения основных и оборотных депо, но следует отметить все большее и большее увеличение длины тягового участка, проходимого без смены паровоза. Так, данные дороги Саутерн—Пасифик показывают длину тягового участка на одной линии от Рино до Огдена в 540 миль, с тремя сменами паровозной бригады. Дорога Юнион—Пасифик произвела коренную интенсификацию своих паровозных пробегов, изменив с 1917 года 3 раза длину своих тяговых участков и все время удлиняя их. Ныне эта дорога имеет тяговые участки, доходящие до 303, 324 и 338 миль. При столь длинных бессменных пробегах на ремонт и экипировку паровоза тратится очень мало времени, благодаря особой организации снабжения (набора топлива, песку, воды), и осмотра.

Веса поездов, увеличиваясь из года в год, достигли поразительных величин. Почти на любой дороге веса в 4.000—5.000—6.000 англотонн являются обычными. На Б.-Северной дороге функционируют поезда в 14.000 тонн, составленные из рудных полувагонов (рудные маршруты между Хиббингом и Сюпириором (на участке в 124 мили). При ведении тяжелых составов постоянно используется двойная тяга и подталкивание. Вторые паровозы ставятся часто внутри состава ближе к последней трети или четверти состава. Применяется и многократная тяга с постановкой 2 паровозов в голове и 2—внутри состава.

При наличии столь тяжелых составов скорость на под'еме не падает ниже 15 миль в час, что позволяет давать хорошие скорости движения тяжелых поездов на участке.

При наличии описанной организации необходимо для реализации всех преимуществ, даваемых тяжелыми и достаточно быстро передвигаемыми на перегонах составами, иметь хорошо разработанную схему специализации товарных поездов, позволяющую пропускать товарные поезда через несколько участков без пересоставления. Такая специализация имеется на всех дорогах, с которыми мы имели дело. Помимо так называемых «preferance traius», т.-е. поездов большой скорости, перевозящих скот, фрукты и пр. и идущих со скоростью до 400 миль в сутки, имеется система специализированных поездов, изложенная в особых для каждой дороги книжках. Интересно отметить, что на некоторых дорогах веса поездов не уменьшаются для увеличения их скорости. Следует считать, что 1—2 сборных поезда удовлетворяют все местные нужды, а остальные поезда имеют прямое следование.

Несмотря на непрерывное и сильное падение из года в год пассажирских перевозок, внимание северо-американских дорог к пассажирскому движению не уменьшается, а еще больше усиливается. Трудность положения дорог в этом отношении усиливается не только наличием сильнейшей конкуренции других дорог, но и фактом большого распространения автобусного движения—и в пригородном и в дальнем сообщениях.

Из фактов взаимной конкуренции дорог можно привести пассажирское сообщение между Чикаго и С. Полем—Миннеаполисом, где курсирует ежедневно 19 пар дальних пассажирских поездов 7 различных дорог, с населенностью поезда в 40—45 человек. Сильнейшее влияние автобусного движения можно уяснить из самого факта существования таких сообщений, как Нью-Йорк — Чикаго, Чикаго — Денвер — Лос-Анжелос и др., перерезывающих всю страну. Пассажирские станции северо-американских железных дорог имеют огромные размеры. Вокзальные помещения больших пассажирских станций поражают своей обширностью и рассчитаны, несомненно, на многократно большее количество пассажиров, чем то, с которым они имеют дело сейчас. Они богато оборудованы механическими устройствами для передвижения почты, багажа и экспрессных грузов, грузовыми и пассажирскими тоннелями и всеми видами информации и удобств для пассажиров, вплоть до магазинов и ресторанов всех видов.

На технические устройства больших пассажирских станций затрачены многомиллионные средства; станции введены в центральные городские районы путем длинных тоннелей; стрелки централизованы силовыми централизациями и с сосредоточением управления в центральных постах; только что отстроенная ст. Буффало имеет два таких поста, каждый из которых управляет свыше чем 500 стрелок.

Мощные пассажирские паровозы дают возможность реализации значительных скоростей движения. Так, лучшие американские поезда проходят расстояние в 1.600 клм. между Нью-Йорком и Чикаго в 20 час. Для улучшения работы паровозов и здесь, как в товарном движении, организованы длинные бесcменные пробеги, доходящие на ж. д. Юнион—Пасифик до 877 миль, взятие воды находу из особых желобов.

Огромные затраты на пассажирские станции и оборудование пассажирских поездов продиктованы исключительно условиями капиталистической конкуренции. Эти затраты нельзя считать рациональными и необходимыми, но некоторые усовершенствования, связанные с увеличением скорости и удобством пассажирского движения, могут быть применены и у нас.

Характеристика пропускной способности перегонов на американских дорогах сводится к следующему: 1) применение на всех главных линиях, независимо от числа путей, автоблокировки как средства поездных сношений; 2) малое расстояние между блок-постами; 3) разрешение в'езда поезда на занятый перегон и следование затем с осторожностью; 4) недостаточное использование пропускной способности железных дорог в продолжении более, чем половины года; 5) пачечный способ движения поездов (движение секциями), при котором в случае необходимости за поездом постоянного расписания посылается ряд секций в расстоянии десяти миль одна за другой.

5. Оценка грузооборота и эксплоатационная работа.

Общий индекс эффективности работы американских железных дорог медленно возрастал с 1923 до 1929 года с 103 до 121. В течение 1929 года и начала 1930 г. наблюдается резкое снижение этого индекса, об'ясняемое общехозяйственной депрессией. Бюро железнодорожной экономики в Вашингтоне, давая удовлетворительную оценку современному состоянию железнодорожного транспорта в Америке, тем не менее вынуждено констатировать переломный момент в развитии транспортного хозяйства и тенденции к понижению его работы.

Официальные отчеты железных дорог 1-го класса показывают рост чистого оперативного дохода в течение последних 6 лет с 962 млн. долларов до 1313 млн. долл. Увеличение дохода не дает оснований для выводов об удовлетворительном уровне оперативной работы железных дорог в настоящее время, так как он складывается не только от доходов эксплоатации железных дорог, но и от тех биржевых операций, которые ведутся железнодорожными компаниями и банками совместно.

В отношении грузооборота и использования наличной сети имеет место чрезвычайная пестрота показателей по отдельным районам. Запад и Юго-Запад показывают относительно меньшие цифры. Около 75% грузооборота приходится на Северо-Восток с территорией 1.500 миль с Востока на Запад и 500 миль с Севера на Юг. Кризис, который начинает все сильнее ударять по Северо-Восточным промышленным районам, в основном по металлургической промышленности, тем самым бьет по работе транспорта, который обслуживает в этих районах перевозки тяжелой индустрии. Показатели эффективности работы железных дорог Америки по сравнению с 1913 годом дают на 1930 г. следующую картину: стоимость тонно-мили повысилась с 0,719 до 1,081, количество тонн на один поезд увеличилось с 1343 до 1837; скорость поезда в час увеличилась с 10,3 миль до 12,9 миль, количество тонно-миль на поездо-час увеличилось с 7000 до 10000. Мы отметили выше, что эти показатели отражают результаты таких капитальных вложений в транспорт, которые могли бы дать больший эффект при условии иной социальной формы хозяйства.

Повышение общего индекса эффективности работы железнодорожного транспорта опиралось на следующие мероприятия: 1) оборудование новейших технических конструкций (станции, путь, мастерские); 2) внимательное наблюдение, путем ежедневных отчето-сводок, за операциями железных дорог; 3) централизация в установлении плана и расписания поездов; 4) специализация и типизация технических служб; 5) об'единение железнодорожных мастерских и классификация их по отдельным функциям; 6) сокращение надземного строительства на железнодорожных путях; 7) установление строгой и персональной ответственности за определенные операции.

Анализ состава грузооборота американских железных дорог дает яркую картину отсутствия плановости в перевозочной работе и тенденции к снижению размеров перевозок.

Средняя дальность пробега одной тонны груза возрастает незначительно, равно как и средняя дальность поездки в пассажирском движении. В годовом грузообороте САСШ массовые грузы составляют в среднем около 37%, мелочные грузы — около 25%, продукты промышленности и проч. повагонные грузы составляют 38%, т.-е. наибольшую часть грузооборота.

Перевозочная работа железных дорог САСШ р е з к о отличается от характера перевозок на железных дорогах Советского Союза. Если у нас имеется непрерывный и быстро растущий грузооборот, который находится под регулирующим воздействием плановых органов, то в условиях Америки превалирует иной фактор — наличие конкуренции и стремление добиться более высокого дохода. Теперешняя обстановка в области промышленности и сельского хозяйства, когда ряд районов фактически выпадает из массового грузооборота, еще более усложнит картину работы железных дорог и снизит общую нагрузку транспорта.

6. Проблема рационального использования железнодорожного капитала.

Мероприятия, проводимые железными дорогами Америки в области технических улучшений и рационализации, дают очень медленный рост показателей эффективности работы транспорта несмотря на значительный размер вкладываемых сумм. Средняя нагрузка поезда за 10 лет дает увеличение лишь на 7%. Эта цифра не характерна для большинства дорог и можно наблюдать, что слабые дороги, как, например, Денвер Рио Гранде не могут достичь этой средней цифры, тогда как наиболее сильные в финансовом и техническом отношении дороги в отдельных случаях превышают этот уровень. Как на интересный пример нужно указать на Чикаго—Бурлингтон ж. д., исправившую профиль пути на расстоянии 625 миль от 1,2% до 0,3% увеличило среднюю нагрузку поезда с 800 до 3800 тонн, т.-е. на 375%. Применение локомотивов большей мощности и электровозов позволяет крупным дорогам улучшить оперативную деятельность в значительно большем масштабе, чем мелким, что ставит последние перед опасностью краха.

Средняя цифра нагрузки вагона выражается от 8,3 тонны на вагон (автомобили) до 54,62 тонны на вагон (железная руда). Имеется известный процент потери при следовании порожняка в обратном направлении на тех дорогах, где имеется ярко выраженный поток грузов в одном направлении.

Для того, чтобы характеризовать степень и характер использования имеющейся в САСШ жел.-дор. сети, мы приводим два следующих важнейших факта.

1. Для страны в целом 50% всего ее грузового тоннажа принадлежит только 10% общего протяжения железных дорог в милях. Эти 10% включают в себя несколько крупнейших линий, побеждающих в конкурентной борьбе своих соперников. Эти данные бросают яркий свет на причину неиспользования имеющегося железнодорожного капитала, кроющуюся в характере капиталистической системы хозяйства. Это же в известной степени об'ясняет причину остановки нового железнодорожного строительства в САСШ.

2. Использование грузопод'емности вагонов далеко не достигает средних лимитов: если средняя величина грузопод'емной силы вагона была в 1929 году—45 тонн, то средняя нагрузка товарного вагона едва достигала 25 тонн. Такой серьезный разрыв заставил Американскую ассоциацию железных дорог предложить в новой программе увеличение средней нагрузки вагона до 30 тонн. Средняя нагрузка поезда на американских железных дорогах возросла с 1920 года до 1929 г. с 708 до 793 тонн. Этот эксплоатационный показатель, который определяет себестоимость тонно-мили, не может быть признан удовлетворительным. Последние месяцы показывают дальнейшее снижение этого показателя.

Сравнение дорог по средней скорости поезда очень затруднительно, так как нужно учитывать индивидуальные особенности каждой дороги. Среднее количество поездо-миль в час равнялось 11,9 с колебаниями по отдельным дорогам от 10 миль до 16 миль; среднее количество вагоно-миль в день равнялось 30,4 показывая колебания по отдельным дорогам от 14 до 67 м. в день.

Интересным и важным вопросом является вопрос о потерях, связанных с наличием весо-теряющих грузов, пробегами порожних вагонов и локомотивов. Распространено мнение, что САСШ характеризуются благоприятным территориальным размещением производительных сил и в соответствии с ними

транспортной индустрии. Это мнение совершенно не верно: частная собственность на железные дороги и промышленные предприятия не могла обусловить рациональное размещение производительных сил и железнодорожной сети по территории страны. Отсюда, несмотря на огромное протяжение сети, использование лишь незначительного ее процента (50% перевозок на 10% сети), остановка железнодорожного строительства и актуальная проблема борьбы с потерями движения.

На большинстве дорог % пробега порожняка достигает значительных размеров (от 40 до 60%), он еще больше на дорогах с одной колеей. Дороги, имеющие угольные и рудные перевозки, вынуждены гнать вагоны и локомотивы в обратный конец без нагрузки, почти на 90%.

Междуштатная Комиссия, рассматривавшая специальный вопрос о потерях движения в связи с весотеряющими грузами, установила, что отношение пробега порожняка к пробегу груженых вагонов возрастает за последние пять лет из года в год; вместе с ростом общего количества вагоно-миль груженого пробега растет пропорция пробега порожняка и груженых вагонов. В 1929 году из всего общего пробега вагонов в вагоно-милях груженых вагоно-миль было только 60%, остальные 40% относились к бесполезным пробегам порожняка. Каковы же причины столь высокого процента бесполезных пробегов? Официальное об'яснение, которое было нам дано из нескольких источников, таково:

1. Желание большинства дорог ускорить операции по перевозкам пред'являемого груза часто заставляет гнать значительное количество порожняка к тем пунктам, где имеется в нем нужда. Не разрешается держать порожняк на конечных станциях, когда в нем есть потребность на линии.

2. Спецификация груза и снабжение, требующее определенного типа подвижного состава.

Проблема весо-теряющих грузов стоит перед железными дорогами Америки вплотную. Она не может быть разрешена лишь транспортными мероприятиями, техническими эксплоатационными улучшениями и рационализацией управления. Эта проблема не может быть разрешена в рамках существующей системы отношений производства, ибо требует кардинальных плановых мероприятий, невозможных при господстве частной собственности на транспорт.

Бесполезные пробеги локомотивов безгруженного состава особенно на конечных и сортировочных станциях, маневровая работа увеличивают потерю эффективности движения. По данным Американской железнодорожной ассоциации, каждый локомотив двигается в среднем 26 миль без состава на каждые 100 миль движения поезда. В области использования труда имеется рост производительности, сопровождаемой сокращением кадра рабочих и служащих и уменьшением общих размеров фонда заработной платы. По плану консолидации американских жел. дор. предполагается сокращение 250.000 рабочих и служащих железнодорожного транспорта САСШ.

* *

В заключение, необходимо отметить резкое обострение конкуренции между отдельными железными дорогами в САСШ так же, как между железными дорогами и автотранспортом. Восточная часть САСШ пресыщена железнодорожными линиями, принадлежащими различным компаниям. Достаточно указать на существование между Нью-Йорком и Чикаго 15 железнодорожных линий, принадлежащих крупнейшим жел.-дор. системам. На линии между Чикаго и Сан-Франциско конкурируют более 9 компаний. Имеются факты об'единения промышленных компаний с железнодорожными в целях конкуренции.

В самом начале кризиса железнодорожные компании были призваны Гувером к спасению хозяйственной кон'юнктуры страны путем увеличения инвестиций в новое железнодорожное строительство. Известные гуверские конференции, на которых участвовали президенты всех железнодорожных компаний, наметили строительную программу свыше 3 млрд. долларов. По мысли инициаторов, эти конференции и последующие соглашения между железнодорожными компаниями и заинтересованными банками должны были улучшить экономическую обстановку, смягчить депрессию и нагрузить тяжелую промышленность САСШ заказами железных дорог. В известном смысле это была попытка «планового» воздействия на разбушевавшуюся капиталистическую стихию со стороны крупных капиталистических об'единений.

Уже теперь ясен крах этой намеченной программы, поскольку резкое падение перевозок и работы транспорта ставит перед последним проблему поиска новых источников перевозок и использования наличного подвижного состава, не думая об его увеличении. Промышленные компании не получают обещанных заказов и такие гиганты машиностроительной промышленности, как «Американ Локомотив Компани», Балдвин — «Локомотив» поражают зияющей пустотой своих цехов и отсутствием сколько-нибудь удовлетворительной производственной нагрузки.

Наш советский транспорт, начавший осуществление большого плана реконструкции, должен взять из технического опыта американских железных дорог все те элементы, которые повышают работу транспорта и дают возможность справиться с теми повышенными темпами в росте грузооборота, которые пред'являются нашему транспорту со стороны быстро растущей промышленности и сельского хозяйства.

Вместе с этим мы не можем медлить с осуществлением тех реконструктивных мероприятий, которые должны вывести наш транспорт на линию технически передового и высоко организованного социалистического транспорта.

Султан Сегизбаев.

За ленинское понимание характера Октября в Средней Азии.

На втором конгрессе Коминтерна Ленин говорил:

«... Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития». (Ленин, т. XIX, стр. 246, разрядка моя. — *С. С.*)

В деятельности Коминтерна этот ленинский тезис занимает одно из основных мест. Не может быть двух мнений и о том, что на данной стадии развития мирового революционного рабочего движения наиболее благоприятным об'ектом, в смысле теоретического осмысливания указанного положения Ленина, является опыт социалистического строительства на нашем Советском Востоке.

Однако, несмотря на это, если не говорить о партийных документах, мы до сих пор еще не имеем ни одной серьезной, научной теоретической работы, освещающей опыт социалистического строительства на Советском Востоке, с точки зрения вышеприведенной ленинской постановки вопроса.

Работа т. Зелькиной, Е., «Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии», с которой предстоит нам ниже ознакомиться и которая не лишена ряда положительных моментов, является, по мнению автора, одной из таких работ, в которой применительно к Советской Средней Азии, сделана попытка поднять постановку вопроса до этой высоты.

Первый основной тезис, ради которого, видимо, всерьез и воздвигнуто «небольшое» здание в 127 страниц, гласит так:

«Экономика средне-азиатской деревни сохранила на 8 году революции свое старое лицо».

«Основное эксплоататорское отношение в кишлаке к 1925 г. осталось неизменным».

«В средне-азиатской деревне в 1925 году не только не была произведена социалистическая революция, но даже не была произведена буржуазно-демократическая, не была произведена решительная борьба с остатками феодализма». (Очерки... 78, 80, 82 стр., разрядка моя. — *С. С.*)

Итак, на 13-м году существования пролетарской диктатуры выставлен тезис: до 1925 года в средне-азиатской деревне не только не было социалистической революции, но, что там даже не была произведена буржуазно-демократическая революция [1]). Перед нами совершенно «новая» концепция по

---

[1]) Ради восстановления истины, надо указать, что к 1925 году сов. власть насчитывала в Ср. Азии, в пределах бывшей Туркестанской Сов. Соц. Республики, ровно восемь лет своего существования.

Попутно отметим, что в работе т. Зелькиной, строго говоря, в основном речь идет о бывшем Туркестане, позже Турк. Автономн. Сов. Соц. Республике, а не о всей Ср. Азии. Наши дальнейшие рассуждения своим об'ектом имеют Ср. Азию, но в основном, тоже в пределах бывшей Турк. Автономн. Сов. Соц. Республики.

вопросу о характере Октябрьской революции 1917 года в Ср. Азии. Дана концепция. Есть необходимость разобраться.

I.

Маркс в письме к Вейдемейеру от 5 марта 1852 года, по поводу статьи последнего в одном американском журнале, писал:

«То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими формами борьбы, свойственными развитию производства; 2) что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к установлению общественного строя, в котором не будет места делению на классы». (Маркс-Энгельс. Письма, стр. 54).

В «Государстве и революции» Ленин, приведя эту выдержку, продолжает:

«Главное в учении Маркса есть классовая борьба. Так говорят и пишут очень часто. Но это неверно... Кто признает только борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще не выходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики... Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытать действительное понимание и признание марксизма». (Ленин, т. XIV, ч. II, стр. 323. Разрядка Ленина).

Признание не просто классовой борьбы, а признание борьбы классов, распространяемое до признания диктатуры пролетариата — вот критерий, по мнению основоположников марксизма, для испытания ортодоксальности любого коммуниста их учению. В полном соответствии с этим находятся слова Ленина о том, что «самым главным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти... Ни обойти, ни отодвинуть вопроса о власти нельзя, ибо это именно основной вопрос, определяющий все в развитии революции в ее внешней и внутренней политике» (т. XIV, ч. II, стр. 102—103. Разрядка Ленина). Нет нужды говорить о том, что для пролетариата власть не самоцель, а лишь орудие для революционной перестройки классового общества в общество бесклассовое.

Таким образом, главным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти. Если вопрос о власти ни отодвинуть, ни обойти, то, видимо, сама проблема власти, в конце-концов, упирается в вопрос о «зрелости» той или иной страны для революции, а в данной связи для революции социалистической.

Точка зрения международной социал-демократии на этот вопрос, в частности касательно России, общеизвестна. Известно, что Каутский, Бауэр и прочие столпы зарубежного плюс отечественного меньшевизма, исходя из своего понимания проблемы зрелости мирового капитализма для социалистической революции, делали и продолжают делать вывод о буржуазном характере Октябрьской революции. Широко известно партии, в связи с вопросом о строительстве социализма в одной стране, и мнение троцкистской оппозиции.

Точка же зрения международного большевизма на эту проблему, изложена в ленинской теории империализма и ленинской теории неравномерности развития капитализма. В частности, в статье «О нашей революции» (по поводу записок Н. Суханова) по интересующему нас вопросу—вопросу о зрелости—всем мелкобуржуазным педантам и героям II Интернационала, твердившим: «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм», Ленин, исходя из признания

социалистического характера Октябрьской революции, поставил такой вопрос:

«Для создания социализма,—говорите вы,—требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического периода недопустимы или невозможны?» (т. XVIII, ч. II, стр. 119—120).

А видоизменение, по Ленину, заключалось в том, что «мы ввязались сначала в Октябре 1917 года в серьезный бой» (там же, стр. 120), т.-е. совершили социалистическую революцию, захватили власть, установили диктатуру пролетариата, а потом, как говорит Ленин, увидали такие детали в развитии нашей социалистической революции, как брестский мир, нэп и т. д.

Итак, марксист не может останавливаться на признании классовой борьбы, а должен доводить ее до признания диктатуры пролетариата, марксист должен помнить, что основной вопрос всякой, в том числе и пролетарской, революции—есть вопрос о власти. Ленинизм учит, что бывают такие исторические ситуации, когда эксплоатируемые могут начать дело с другого конца. Само собою разумеется, что у Ленина нет необходимости в отрицании уровня производительных сил. Он только требует в анализе уровня производительных сил не сухой арифметики, а жизненной диалектики.

Точно также, когда Ленин говорит о начале с другого конца, то это надо понимать в смысле противопоставления меньшевистской цивилизации. Ленин говорит, что мы начнем с установления предпосылок этой цивилизации и в этом смысле с другого конца.

Теперь позволительно будет вернуться к рассуждениям т. Зелькиной.

До Октября 1917 г. Средняя Азия была колонией царской России [1]). Как и всякая колония, стонущая под железной пятой империализма метрополии, усугубленной для трудящихся колоний еще гнетом туземной феодальной знати и национальной буржуазии под флагом защиты «общенациональных» интересов, Средняя Азия-колония тоже имела некоторое свое революционное, разумеется, главным образом, с точки зрения ущемления интересов империализма, прошлое. Уже конец XIX в. знаменуется вспышками национально-освободительного движения (восстание Дукчи-Ишана в Фергане). Революция 1905 года, сыгравшая немаловажную роль для турецкой, персидской и китайской революций, не могла не вызвать революционного брожения среди трудящихся Ср. Азии. И действительно, 1916 г. уже характеризуется мощным национально-освободительным движением, направленым в первую очередь против царизма, против российского империализма.

Как и всякое национально-освободительное движение в угнетенных странах, национально-освободительное движение в Ср. Азии тоже не могло не быть одновременно и движением буржуазно-демократическим. На II конгрессе Коминтерна по затрагиваемому нами вопросу Ленин говорил:

«Не подлежит ни малейшему сомнению, что всякое националистическое движение может быть л и ш ь буржуазно-демократическим, ибо главная масса населения в отсталых странах состоит из крестьянства, являющегося представителем буржуазно-демократических отношений» (т. XIX, стр. 243, разрядка моя.—С. С.).

Но своеобразие революции 1916 года в Средней Азии заключалось в том, что, во-первых, она, будучи, по существу, буржуазно-демократической (против феодальных пережитков), была национально-освободительной (против колониального гнета), с заострением удара по царизму, российскому

[1]) Кажущаяся самостоятельность бывших бухарского эмирства и хивинского ханства в период буржуазной революции, февраль—октябрь 1917 г., существа дела не меняли и не изменили.

империализму (Джизак, Фергана, Ташкентский уезд, Джетысу). Во-вторых, ее своеобразие заключалось в том, что при наличии еще довольно сильных феодальных пережитков, относительно слаба была национальная буржуазия. В частности, ее идеологи, джадиды, не имели в узбекских районах Ср. Азии н и к а к о г о влияния на узбекскую деревню и на трудовые слои города. Поэтому руководство революцией со стороны пролетариата,—а к 1914 году Средняя Азия, в пределах бывшего Туркестанского края, насчитывала до 21 тысячи рабочих—в последующий период несравненно облегчалось. В-третьих, после незначительного «затишья», в конце 1916 года, перерастание национально-освободительной и буржуазно-демократической революций в Октябре 1917 года в социалистическую происходило, прежде всего, п о д в л и я н и е м социалистической революции в самой Центральной России, затем, под р у к о в о д с т в о м и при помощи социалистического пролетариата Центральной России и, наконец, почти о д н о в р е м е н н о социалистической революции в Центральной России.

А такое благоприятное сочетание означало:

а) исключение возможности остановки революции на кемалистском пути (Сталин: «Об оппозиции», стр. 573);

б) обеспечение наиболее полного, радикального разрешения задач национально-освободительной, буржуазно-демократической революции;

в) гарантию благоприятного исхода самой социалистической революции в тогдашней к о л о н и и, как составной, неразрывной части общероссийской социалистической революции.

Октябрь в Средней Азии тем и х а р а к т е р е н, что он, в отличие от Октября в Центральной России, и наряду со своей основной задачей, попутно, «мимоходом», «походя» (Ленин) одновременно разрешил задачи буржуазно-демократической и национально-освободительной революции. Октябрь освободил Среднюю Азию-колонию от ига российского империализма (как известно, период керенщины колониального существа Средней Азии не изменил). Иначе говоря, здесь мы имеем конкретное осуществление положения Ленина о том, что истинное освобождение трудящимися всех национальностей мира, спасение от вымирания, эксплоатации и рабства угнетенным народам колоний и полуколоний может дать и принести т о л ь к о п о б е д о н о с н а я п р о л е т а р с к а я р е в о л ю ц и я. Здесь, правда, в несколько иной обстановке (Ср. Азия была колонией, а не полуколонией) произошло то, что говорил т. Сталин относительно Китая:

«Если первый этап отличался тем, что острие революции направлялось, главным образом, против иностранного империализма, то характерной чертой второго этапа является тот факт, что революция направляет свое острие, главным образом, против внутренних врагов и, прежде всего, против феодалов, против феодального режима».

Не будет ничего удивительного, говорит далее т. Сталин, если второй этап не разрешит даже и своих непосредственных задач и

«если второй этап революции, раскачав миллионные массы крестьянства и подняв их против феодальных пережитков, передаст завершение этого дела следующему этапу революции, этапу советскому» (Сталин, «Об оппозиции», стр. 656—657).

И это будет плюсом, продолжает т. Сталин, ибо этот социалистический этап революции безжалостно сметет остатки средневековья, завершит дело буржуазно-демократических преобразований страны гораздо чище, чем бывшая когда-либо буржуазная революция.

В условиях Средней Азии и произошла подобная увязка задач национально-освободительной и буржуазно-демократической революций. Вся

тяжесть была взвалена на плечи Октября. Октябрь же их разрешил попутно со своими основными задачами.

Сказанное об особенностях Октября в Средней Азии было бы неполно, если бы мы упустили из виду еще один, крайне существенный для понимания социалистической революции в бывшей колонии, момент. Последний заключается в том, что «иностранный империализм, насильно привитый восточным народам, безусловно затормозил их общественное и хозяйственное развитие» (Ленин, т. XIX, стр. 272). А результатом этого, как показывает опыт социалистического строительства на Сов. Востоке, является то, что здесь процесс окончательного завершения задач буржуазно-демократической революции должен носить и неизбежно носит более затяжной характер. Опыт Советской Ср. Азии показывает, что окончательное завершение, а не решение, задач буржуазно-демократической революции, в силу целого ряда причин (наследие диктатуры крепостников: экономическая, политическая, культурная отсталость), действительно носило и носит более затяжной характер, чем в самой Центральной России. Чрезвычайно ярким доказательством этого служит тот факт, что ЦК нашей партии на 13 году существования пролетарской диктатуры в своем решении об организации бедноты приходится констатировать:

> «Несмотря на наличие ряда успехов в работе среди бедноты... и теперь еще встречаются в частности, в отсталых национальных областях, районы, с хищнической эксплоатацией бедноты со стороны фактически господствующих здесь кулаков и байско-манапских (полуфеодальных) элементов».

Кто не понял этих особенностей в Октябре в Средней Азии, тому, само собой очевидно, простительно ведение летоисчисления Октября не с октября 1917 года, а с 1925 года.

Чтобы не быть голословным, пропустим эти наши утверждения сквозь призму фактов.

Факт 1-ый: момент национально-освободительный, момент колониальный. Прежде всего, пала монархия, пала диктатура крепостников. В октябре, точнее 1 ноября 1917 года, освобождение Средней Азии от ига российского империализма стало совершившимся фактом.

Средняя Азия из царской колонии и владений бухарского и хивинского мракобесов усилиями рабочих и основных масс крестьян Средней Азии, при руководстве и активной помощи союзного пролетариата, превращена и в поныне незыблемо существующие братские союзные сов. соц. республики. Средняя Азия из колонии стала Страной Советов, страной диктатуры пролетариата. Это — факт, и его никакими разговорами за чайником кок-чая в чайханэ, или за жирным пловом в мехман-ханэ не замажешь. (Мирза Ахмедов, Садыков [1]), касымовщина).

Факт 2-й: момент буржуазно-демократической революции. По Ленину, буржуазно-демократическая революция означает уничтожение остатков средневековья, очищение той или иной страны от этого варварства, позора, тормоза всякого прогресса. Каковы же были «главнейшие проявления, пережитки, остатки» средневековья применительно к России? — спрашивает Ленин. И отвечает: «Монархия, сословность, землевладение и землепользование, положение женщины, религия, угнетение национальностей» (т. XVIII, ч. 1-я, стр. 364, разрядка моя.—С. С.).

Хорошо. Ну, а что мы сделали с этими проявлениями, пережитками, остатками крепостничества?

---

[1]) См. журн. «За партию» 1928 г., № 7, орган Ср.-Аз. бюро ЦК ВКП(б), статья т. Зеленского. См. также № 9—10 этого журнала за 1929 год.

Ленин отвечает:

> «... Мы их вычистили начисто. За какие-нибудь десять недель, начиная от 25 октября (7 ноября) 1917 года до разгона учредилки (5 января 1918 г.) мы сделали в этой области в тысячу раз больше, чем за восемь месяцев своей власти сделали буржуазные демократы и либералы (кадеты), мелкобуржуазные демократы (меньшевики и эсеры)».

Было ли что-либо подобное сделано Октябрем в Средней Азии-колонии? Прежде всего, как уже упоминалось выше, пала монархия.

Рухнули сословные перегородки. Перестало существовать деление на белую и черную кость. Все эти представители белой кости в лице ишанов, тюря, ханов, мирза, беков, хаджей, сеидов и т. д., и т. п., лишились своего былого величия и своих сословных преимуществ (вопросы водопользования, вопросы бракосочетания, вопросы мюридства и т. д.). Внимательный наблюдатель еще до сих пор может «ощупать» этот процесс. Он продолжается и сейчас.

Коренным образом изменилось положение женщины. Законодательство Октябрьской революции не потерпело такой низости, подлости, и гнусности, как неполноправие или, вернее, действительное бесправие женщины на Востоке. Законодательством Октябрьской революции это бесправие в принципе уничтожено.

Октябрь положил начало действительной реальной борьбе с религией. Борьба средне-азиатской партийной организации с религией едва ли нуждается в документации.

Октябрь уничтожил принципы угнетения национальностей и заменил его принципом равноправия национальностей. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на политическую карту современной Сов. Ср. Азии. Аргументация и здесь излишня.

Наконец, землевладение и землепользование. Ленин, осью буржуазно-демократической революции считал аграрную революцию, что корни сословности уходят именно в землевладение, что аграрная революция «есть основа и содержание буржуазно-демократической революции» (Сталин). Как известно, Октябрь в Средней Азии и по этой линии в основном сделал свое дело. Разве не диктатура пролетариата издала декрет о земле? Разве не она организовывала коммуны и артели на байских землях? Разве не она раздавала земли виднейших ишанов, хаджей, беков, ханов, тюря, баев, царских казиев, волостных управителей их чайрикерам, каралам, начам, карандам, безземельным и малоземельным дехканам? Отрицать все это значит впадать в противоречие с действительностью.

Таковы факты, которые совершил Октябрь в Средней Азии по линии буржуазно-демократической революции. А, как известно, все перечисленное, по Ленину, есть содержание (о содержании социалистической революции речь будет впереди) буржуазно-демократической революции (см. т. XVIII, ч. 1-я, стр. 364—365).

Но надо заметить следующее. То, что рухнули сословные грани, еще не исключает возможности того, что иногда, особенно на селе, при выборах в советы, при распределении кредитов, при решении вопросов налогового порядка, при административно-судебной практике, при водопользовании, при разрешении земельного вопроса и земельных споров и т. д., и т. п., отрыжки сословности и родовой замкнутости не давали, и не дают о себе знать. Не исключены случаи, когда пережитки сословности, родовой замкнутости на той или иной стадии многогранной практической работы, заслоняли и заслоняют собой моменты классовые. (Это не означает отрицания, что сословие в определенные периоды исторического развития совпадало с классом). Далее, коренное изменение положения женщины в Средней Азии еще не значит, конечно, что там уже нет калыма, что там еще нет «комму-

нистов», отрицающих проблему раскрепощения женщины. Наши успехи по линии борьбы с религией еще не исключают того, что иногда партиец ходит в мечеть, что ответственный «коммунист» под флагом «красного тоя» — свадьба — втихомолку устраивает обрезание своим сыновьям, или на смертном одре «отрекается» от большевизма и исповедуется у муллы, или, что иногда «прозевывают», как под боком выстроили мечеть или церковь. Точно также провозглашение и фактическое воплощение в жизнь принципов равноправия национальностей еще не означает, что махровый узбекский шовинизм не делал и не делает своего дела по отношению к более мелким национальностям, или, что великодержавный шовинизм на страницах нашей же печати (см. журн. «Медицинская мысль Узбекистана»)[1] перестал болтать об умственных способностях европейских детей и природной неодаренности детей трудящихся коренного населения. Наконец, все, что сделал Октябрь по линии землевладения и землепользования еще не значит, что там аграрная революция уже была завершена до конца, и что последующему периоду существования советской власти по этой линии ничего не оставалось доделать. (Вспомним земельноводную и скотоводческую реформы в Ср. Азии).

Все это будет понятно, если помнить ленинское учение о необходимости различать угнетенные и угнетающие народы, если помнить, что империализм тормозил общественное и хозяйственное развитие этих угнетенных народов. Кто позабудет этот момент, для того, разумеется, колониальные революции останутся непонятными. Марксизм-ленинизм учит нас находить в каждом явлении, наряду с общим, также и свойственное только лишь этому явлению. Своеобразием, особенностью ленинского тезиса «мимоходом», «походя» для Средней Азии - колонии, в отличие от Центральной России, по линии завершения Октябрем в Ср. Азии задач буржуазно-демократической революции и являются эти моменты. Вызваны они к жизни всем предшествующим развитием Ср. Азии - колонии, и их завершение, по известным причинам (наследие диктатуры российских крепостников: экономическая, политическая и культурная отсталость) должно носить и носит затяжной характер. Потому нет надобности доказывать, что задача партии наряду, попутно со своей основной, центральной, всеопределяющей задачей — задачей строительства социализма, завершить завоевания буржуазно-демократической революции. Это тем более так, что их закрепление, т.-е. закрепление завоеваний буржуазно-демократической революции (Ленин), обеспечено, ибо «мы должны были продвинуться дальше, и мы продвинулись дальше», т.-е. строим социализм.

Теперь встает вопрос: дает ли основание наличие неизбежности длительного, затяжного характера завершения задач буржузно-демократической революции отрицать социалистический характер Октябрьской революции 1917 года в Ср. Азии, и выставлять тезис, что

> «в средне-азиатской деревне в 1925 году не только не была произведена социалистическая революция, но даже не была произведена буржуазно-демократическая революция». («Очерки по аграрному вопросу в Ср. Азии», стр. 82).

Думается, что нет.

Это тем более так, что отдельные этапы завершения задач буржуазно-демократической революции могли и могут иметь место как в 1921 году, так и в 1925 году, и 1930 году (напр., проблема паранджи). Тот, кто подобно т. Зелькиной, цепляется за эти незавершенные моменты задач буржуазно-демократической революции и разглагольствует о пришествии буржуазно-демократической и социалистической революции в средне-азиатское село

---

[1] Более подробно смотри ст. т. Зеленского в журн. «За партию», № 7, 1928 г.

только в 1925 году, тот, выражаясь мягко, проворонил существо революции. А существо революции, коренной вопрос революции, по учению Маркса - Ленина, — это проблема власти, — которая нам нужна не как самоцель, а как орудие для экспроприации буржуазии и революционной перестройки классового общества в общество коммунистическое.

Совершила ли Октябрьская революция в Ср. Азии какие-либо классовые сдвиги по этой линии?

Да. Она передала власть в руки нового класса: 1 ноября 1917 года диктатура буржуазии в Ср. Азии при руководстве и помощи пролетариата Центральной России была опрокинута, и установлена диктатура пролетариата. В этом, подобно Центр. России, смысл Октября в Ср. Азии. Раз это так, а это именно так, то можно ли сомневаться в том, что социалистическая революция в Ср. Азии, как составная, неразрывная часть общероссийского Октября, произошла в октябре 1917 года, что летоисчисление Октября Ср. Азии надо вести не с 1925 года, а с октября 1917 года.

Тот, кто подобно т. Зелькиной, позабыв, что вопрос о характере революции решается социально-классовыми отношениями более широкого целого, что он определяется в решающих центрах революции, выставляет вышеприведенный тезис, тот, во-первых, об'ективно занимается, как повторением, так и пропагандой троцкистских задов; во-вторых, ревизией марксизма-ленинизма в самой основе, в учении о власти, в учении о диктатуре пролетариата; в-третьих, настаивая на свом тезисе, т.-е. продолжая заявлять партии, в частности, ее средне-азиатским организациям, что никакого Октября в 1917 году, мол, у вас не было, — может окончательно увязнуть в болоте социал-демократизма.

Мало того. Ведь, как помнит читатель, т. Зелькина выставила тезис, что до 1925 года в Средней Азии не было ни только социалистической революции, но, что там даже не произошла буржуазно-демократическая революция (см. «Очерки», стр. 82). Встает вопрос: что же там было? Тов. Зелькина отвечает: в Средней Азии до 1925 года не было ни социалистической, ни даже буржуазно-демократической революции, и, что Ср. Азия за этот период влачила свое существование «на основе сохранения власти бая, манапа, родового вождя»... («Очерки», стр. 73). И эта мешанина выдается за марксизм - ленинизм!

* * *

Выставление т. Зелькиной такого тезиса целиком связано с ее неверным пониманием основных лозунгов нашей партии по крестьянскому вопросу. Известна ленинская постановка, когда мы шли на буржуазно-демократическую революцию, — вместе со всем крестьянством против царя и помещиков, при нейтрализации кадетской буржуазии. Также известно, что, когда мы шли на Октябрь, партия руководствовалась ленинским лозунгом— союз пролетариата с деревенской беднотой против всех буржуа, в том числе и деревенского, при нейтрализации середняка. Затем, общеизвестен и ленинский лозунг прочного союза пролетариата и бедноты с середняком, лозунг «уметь достигать соглашения с средним крестьянством, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту» (т. XV, стр. 524).

Наконец, решение XVI с'езда партии о том, что «отныне в важнейших зерновых районах СССР деревня делится на две основных части: на колхозников, являющихся действительной и точной опорой советской власти, и на неколхозни-

ков, из бедноты и середняков, пока еще не желающих войти в колхозы, но которых массовый опыт колхозов, несомненно, убедит в относительно кратчайшие сроки в необходимости вступить на путь коллективизации» («Правда», № 192, от 14 июля 1930 г.).

Таковы основные лозунги партии по крестьянскому вопросу.

Тов. Зелькина своему тезису предпослала несколько цитат из Ленина. Видимо эти цитаты из Ленина и легли в основу ее умозаключения на счет пришествия социалистической и буржуазно-демократической революции в средне-азиатское село в 1925 году и на счет сохранения там до этого власти бая, ишана... Эти цитаты гласят:

> «Завершив буржуазно-демократическую революцию вместе с крестьянством вообще, пролетариат России перешел окончательно к революции социалистической, когда ему удалось расколоть деревню, присоединить к себе ее пролетариев и полупролетариев, об'единить их против кулаков и буржуазии, в том числе крестьянской буржуазии.
>
> Вот если бы большевистский пролетариат столиц и крупных промышленных центров не сумел об'единить вокруг себя деревенской бедноты против богатого крестьянства, тогда этим была бы доказана «незрелость» России для социалистической революции, тогда крестьянство осталось бы «целым», т.-е. осталось бы под экономическим, политическим и духовным руководством кулаков, богатеев, буржуазии, тогда революция не вышла бы за пределы буржуазно-демократической революции.
>
> Через год после пролетарской революции в столицах наступила, под ее влиянием и при ее помощи, пролетарская революция в деревенских захолустьях, которая окончательно укрепила советскую власть и большевизм, окончательно доказала, что внутри страны нет сил против него». (Ленин, том XV, стр. 475).

Дополним все это еще одним указанием Ленина в «пользу» т. Зелькиной, взятой из той же работы, а по имеющемуся под руками изданию, из той же страницы:

> «Все, знающие дело и бывшие в деревне, говорят, что наша деревня только летом и осенью 1918 г. переживает с а м а «Октябрьскую (т.-е. пролетарскую) революцию» (т. XV, стр. 475).

Все это у Ленина есть.

Но у того, кто претендует на роль истолкователя учения Ленина, мы вправе требовать изложения проблемы в целом. Учение Ленина, составной частью которого является разбираемый вопрос, гласит, что:

> «мы решили вопросы буржуазно-демократической революции п о х о д я, м и м о х о д о м, как «п о б о ч н ы й п р о д у к т» нашей главной и настоящей, пролетарски-революционной (разрядка Ленина), социалистической работы», ибо мы шли на Октябрь вместе с д е р е в е н с к о й б е д н о т о ю п р о т и в в с е х б у р ж у а, в том числе и деревенского, при н е й т р а л и з а ц и и середняка (т. XVIII, ч. I, стр. 365).

Поэтому, когда т. Зелькина, на основе приведенных выше из Ленина цитат, выставляет тезис о непришествии в 1925 г. в Ср. Азии не только социалистической, но даже и буржуазно-демократической революции, то она, говоря мягко, безбожно путает д в е вещи. Тов. Зелькина путает в о п р о с об основном стратегическом лозунге партии перед захватом власти с в о п р о с о м о завершении задач буржуазно-демократической революции после захвата власти пролетариатом.

Отвечая т. Янскому, который в своем письме т. Сталину по тому же вопросу, но в несколько иной постановке, приводил те же места из книги «Пролетарская революция и ренегат Каутский» плюс две цитаты из речи Ленина на 1-м всероссийском с'езда земельных отделов, комитетов бедноты и коммун, т. Сталин писал:

«На протяжении того или иного этапа революции могут иметь место
поражения и отступления, неудачи и отдельные тактические ошибки, н о
это еще не значит, что основной стратегический лозунг неверен... Может слу-
читься, что в ходе революции основной лозунг партии привел уже к сверже-
нию власти старых классов или старого класса, н о ряд существенных тре-
бований революции, вытекающих из этого лозунга, н е получил осуществле-
ния, и л и осуществление их растянулось на целый период времени, и л и для
их осуществления требуется н о в а я р е в о л ю ц и я, но это еще не значит,
что основной лозунг неправилен. Так, например, февральская революция
1917 года свергла царизм и помещиков, но не привела к осуществлению кон-
фискации помещичьих земель и т. д., но это еще не значит, что наш основной
лозунг на первом этапе революции был неправилен. Или еще: Октябрьская
революция осуществила свержение буржуазии и переход власти в руки про-
летариата, н о не привела сразу: а) к д о в е д е н и ю д о к о н ц а б у р-
ж у а з н о й р е в о л ю ц и и в о о б щ е, и б) к и з о л я ц и и к у л а ч е с т в а
в д е р е в н е, в ч а с т н о с т и, растянув это дело на известный период вре-
мени. Но это еще не значит, что наш основной лозунг на в т о р о м (разрядка
т. Сталина) этапе революции был неверен (Сталин, «Два письма», 33, 34 стр.
Подчеркнуто нами. С. С.).

Член партии, претендующий на теоретический анализ характера нашей революции, разумеется, не может и не мог пройти мимо этих раз'яснений тов. Сталина. Но тов. Зелькиной не до этих раз'яснений. На основе того, что в Средней Азии в 1925—26 г. пролетарская диктатура занималась доведением до конца «буржуазной революции» (Сталин), т. Зелькина спешит выставить тезис, что

> «земельная реформа и Ср. Азия в 1925 г. с запозданием на целых 8 лет была и буржуазно-демократической и социалистической революцией одновременно». («Очерки...», стр. 88).

Нет слов, и в этом не может быть у большевика ни малейшего сомнения,
что земельная реформа в Средней Азии, проведенная под руководством нашей
партии, была величайшим актом, направившим, в основном, свое острие на
окончательное сметение оставшихся пережитков феодальной эпохи, наряду
с еще дальнейшей подготовкой необходимых предпосылок для п о в о р о т а
от политики ограничения и вытеснения кулака к политике ликвидации кула-
чества как класса. Она, земельная реформа, была предметным уроком для
тех, кто еще таил в себе самом семена сомнения насчет с о ц и а л и с т и ч е-
с к о г о, а не кемалистского, пути развития Сов. Средней Азии [1]).

Несмотря на все это, допустимо ли утверждать, что революция в Октя-
бре 1917 года в Средней Азии, являющаяся неразрывной, составной частью
общероссийского Октября, не была социалистической революцией, мимохо-
дом, походя, попутно р а з р е ш и в ш е й (речь не идет о з а в е р ш е н и и,
о д о в е д е н и и до конца) и задачи буржуазно-демократической революции
в виде, например, свержения монархии, уничтожения сословности, уравнения
в правах женщины, отделения церкви от государства и борьбы с религией, боль-
шевистского разрешения национального вопроса, коренной ломки самих аграр-

---

[1]) Классовый смысл выступления «18» — хидыр-алиевщина (Узбекистан) и
классовая подоплека садвокасовщины (Казакстан), с одной стороны, классовая
сущность кичившейся «левизной» иногамовщины (Узбекистан), получившей кстати
похвальный лист от Чокаева и К° и классовое содержание мнимо-«левой» тумаилов-
щины (Туркменистан), с другой, вне зависимости от словесной шелухи, в которую
облекали свои мысли эти открыто правые и мнимо-«левые» страдальцы за «народ»
и «партию», в к о н ц е - к о н ц о в, один. Они («18» и садвокасовщина), независимо
от их суб'ективных желаний, об'ективно были глашатаями узбекского кулака, ча-
стично остатков бывшей туземной администрации (мингбаши, казии, аксакалы, пе-
реводчики и т. д.), и казакского аткаминера. Иногамовщина и тумаиловщина, быть
может, помимо суб'ективных намерений, об'ективно под «левой» фразеологией отра-
жали, с одной стороны, чаяния узбекского джадидизма, а, с другой,—национализма
туркменского.

ных отношений, являющихся, по Ленину, содержанием буржуазно-демократической революции.

Так утверждать нельзя. Нельзя потому, что по словам т. Сталина, «доведение до конца буржуазной революции не есть единичный акт» (Сталин. Два письма, 40 стр.). Может случиться так, что доведение до конца буржуазной революции растянется на целый период. Как на конкретные примеры тов. Сталин в том же письме ссылается на Поволжье и Урал (1919 г.), на Украину (1919—1920 г.). Но ссылаясь на эти факты, тов. Сталин чрезвычайно далек от мысли, что отсюда сделать заключение, будто-то из-за этого растяжения на целый период, революция в Октябре 1917 года в России была не социалистической. В силу сочетания ряда об'ективных обстоятельств, вполне мыслимы случаи растяжения завершения задач буржуазно-демократической революции на целые периоды. Поволжье, Урал, Украина, Средняя Азия — примеры этому. Но это растяжение ничуть не изменяло и не изменяет сущности Октябрьской революции 1917 г., как революции социалистической.

Тов. Зелькина, в согласии со своей концепцией Октября в Средней Азии, только тогда решается признать Октябрьскую революцию в Средней Азии социалистической, когда она уже окончательно, до основания разрешит все задачи буржуазно-демократической революции. По ее концепции получается, что социалистическая революция ставит перед собой, как основную, центральную задачу, не захват власти пролетариатом, а доведение до конца буржуазной революции. Иной вывод немыслим. Поэтому мы вправе повторить тов. Зелькиной вопрос тов. Сталина, поставленный им перед тов. Янским:

> «... Кто вам сказал, что Октябрьский переворот и Октябрьская революция исчерпывались или ставили своей основной задачей доведение до конца буржуазной революции. Откуда это вы взяли? Разве свержение власти буржуазии и установление диктатуры пролетариата можно уместить в рамках буржуазной революции? Разве завоевание диктатуры пролетариата не есть выход из рамок буржуазной революции... Как можно утверждать, что основным в Октябре являются не эти (в тексте речь идет о диктатуре пролетариата, декрете о земле, о декрете об экспроприации фабрик, заводов, железных дорог, банков.—*С. С.*) и подобные им акты, не свержение буржуазии и установление диктатуры пролетариата, а доведение до конца буржуазной революции». («Два письма», стр. 37, 38, разряка т. Сталина.—*С. С.*).

Не отказавшись от своей механистической методологии, тов. Зелькина едва ли сможет дать вразумительный ответ на этот вопрос. Разберем тот же тезис тов. Зелькиной с другого конца.

Тов. Зелькина основным вопросом социалистической революции считает вопрос о завершении задач буржуазно-демократической революции. Это видно, хотя бы из того, что летоисчисление социалистической революции сознательно ведется ею с 1925 года. Нет ничего предосудительного, если после этого будет поставлен вопрос, что же является, по мнению автора, основным главным в ленинизме? До сих пор на основе учения Маркса-Ленина, партия была убеждена в том, что основное, главное в ленинизме—это диктатура пролетариата. Ленин писал, что «основной вопрос, затрагиваемой Каутским в его брошюре, есть вопрос о коренном содержании пролетарской революции и именно о диктатуре пролетариата... можно сказать без преувеличения, что это — самый главный вопрос всей пролетарской классовой борьбы» (т. XV, стр. 415, разр. моя—*С. С.*). Также понимали вопрос, на основе учения Ленина, и его ближайшие ученики. Например, тов. Сталин в «Об основах ленинизма» пишет:

> «Иные думают, что основное в ленинизме — крестьянский вопрос, что исходным пунктом ленинизма является вопрос о крестьянстве, его роли, его удельного веса. Это совершенно неверно. Основным вопросом в ленинизме, его отправным пунктом является не крестьянский вопрос, а вопрос о диктатуре пролетариата». («Вопросы ленинизма», стр. 115, разрядка моя.—С. С.).

Между тем, тов. Зелькина, связывая начало социалистической революции Средней Азии только с завершением задач буржуазно-демократической революции, тем самым считает основным вопросом в ленинизме крестьянский вопрос. В противном случае нечего было бы выставлять самый тезис. Но поскольку тов. Зелькина выставила такой тезис, постольку она тащит партию назад, постольку она задним числом, во вред партии, возвращается к давно вскрытым партией ошибкам тов. Зиновьева, который также утверждал, что «вопрос о роли крестьянства является основным вопросом большевизма, ленинизма». Там же, стр. 12, курсив автора).

Итак, и здесь непонимание коренного содержания пролетарской революции, непонимание основного, главного в ленинизме, скатывание в болото бывшей «новой оппозиции». Отсюда выбор:

> «Либо крестьянский вопрос является главным в ленинизме, и тогда ленинизм непригоден, необязателен для стран капиталистически-развитых, для стран, не являющихся крестьянскими странами».
>
> «Либо главным в ленинизме является диктатура пролетариата, и тогда ленинизм является интернациональным учением пролетариата всех стран, пригодным и обязательным для всех без исключения стран, в том числе для капиталистически-развитых» (Там же, стр. 13, разрядка автора).

Ошибочность концепции тов. Зелькиной по вопросу о характере Октября в Средней Азии еще при разборе первого тезиса ее работы заставила нас указать на то, что автор со своим неправильным пониманием вопроса стоит на грани скатывания в лагерь ревизионизма. Сейчас же мы видим уже прямые искажения учения Ленина о социалистической революции. Искажения, ибо, по автору, основное в ленинизме—не диктатура пролетариата, а крестьянский вопрос. Мало этого. Разбор концепции автора в свете основных лозунгов партии по крестьянскому вопросу показывает, что речь идет не просто о непонимании, но и о системе антиленинских взглядов.

Но поскольку тов. Зелькина выставила такую концепцию, постольку приходится просто констатировать, что она, быть может, сама того не сознавая, повторяет зады бывшей «новой оппозиции». Не только: тов. Зелькина повторяет меньшевистские зады. Разве не то же говорят меньшевики, когда они пишут, что «та революция, которая переживает Россия... с самого начала была и остается до самого конца буржуазной революцией», так как «интересы крестьянства решали судьбу всей политики. Разве не из такой установки исходят Каутский и Гильфердинг, когда они с иронией говорят о «социализме в Туркестане», о «социализме бухарских мулл».

II.

Перейдем к другому тезису тов. Зелькиной.

> «Весь восстановительный процесс в сельском хозяйстве Средней Азии проходил на основе сохранения власти бая, манапа и родового вождя, на основе феодального закабаления бедноты». «Очерки...», стр. 73, разрядка моя.—*С. С.*).

Отсюда логический вывод: если восстановительный процесс проходил на основе сохранения власти бая..., то, очевидно, и предшествующий ему период

ожесточенной гражданской войны тоже проходил *на основе* сохранения *власти* того же класса, т.-е. бая. Но, ведь, это нелепо. Спор о том, *кто*, *какой класс*, *в каких* целях будет заниматься восстановительным процессом, был решен вооруженной борьбой, гражданской войной, а не литературными упражнениями отдельных публицистов. Спор этот еще в Октябре, еще в период вооруженной борьбы за сохранение завоеваний Октября был решен в нашу пользу. Именно в Октябре был решен спор о том, что не феодалы и не буржуазия, а рабочий класс России, спасший страну от гибели, займется восстановлением и социалистической реконструкцией народного хозяйства в целом.

Однако, тов. Зелькина все-таки утверждает, что «восстановительный процесс в сельском хозяйстве Средней Азии проходил на основе сохранения власти бая, манапа, родового вождя». Отсюда само собой следует, что и предшествующий восстановительному процессу период в Ср. Азии проходил на основе сохранения власти того же класса, т.-е. баев, манапов, ишанов и т. д. Противное невозможно: восстановлением, очевидно, ради сохранения и укрепления своей диктатуры занимается тот, кто победил. Если восстановительный процесс в Средней Азии проходил на основе сохранения власти баев, то это могло произойти или в результате его победы в предшествующий период, или в результате *термидора*, термидорианского перерождения диктатуры пролетариата в Советской Средней Азии. Тов. Зелькина склоняется как раз к последнему положению. Она пишет:

> «Примерно, в 1920 году появляется сильное течение за необходимость восстановления частной собственности на землю, за необходимость возвращения к аграрным отношениям, освященным шариатом.
>
> Частная собственность на землю восстановлена не была, но особым декретом за № 241, от 4 марта 1920 года конфискованные в порядке социализации земли были переданы прежним владельцам. Этим декретом *даже формально к 1920 году были восстановлены дореволюционные аграрные отношения, фактически была восстановлена и частная собственность на землю*, участились случаи покупки и продажи земель».

И далее, подведя итоги мероприятиям советской власти в бывш. Туркестане, тов. Зелькина добавляет:

> «Результаты всех этих попыток (речь идет о наделении землею бедноты.—С. С.) передачи земли в оседлых узбекских районах *уже к* 1925 г. были сведены к нулю». («Очерки...», стр. 71, 73. Разрядка моя.—С. С.).

Действительно, если это прохождение восстановительного процесса на основе сохранения власти бая, манапа, ишана, а, следовательно, их победа в предшествующий восстановительному процессу период не нелепость и не сознательное извращение фактов, если термидорианское перерождение диктатуры пролетариата в Советской Средней Азии не клевета, то *как* об'яснить такие, быть может, для кое-кого незначительные «мелочи», имевшие место еще до 1925 года:

факт свержения в Средней Азии, в частности, в пределах бывш. Туркестанского края, диктатуры буржуазии 1 ноября 1917 года и установление диктатуры пролетариата;

факт свержения 29—30 января 1918 года Кокандского автономного правительства с его автономией, столь торжественно об'явленной 27 ноября 1917 года;

факт подавления Осиповской авантюры в январе 1919 г. Если бы все оставалось на старой основе, то, видимо, нечего было бы восставать. А наши классовые враги восстали и расстреляли почти весь состав Совнаркома Туркестанской Сов. Соц. Республики потому, что там была диктатура пролетариата.

Можно было бы еще сослаться на факт ликвидации закаспийского белогвардейского фронта, на факт прорыва оренбургской «пробки» со стороны Туркестана, на факт подавления кулацкого восстания в Джетысу, в Фергане (Монстров), на факт ликвидации басмачества (Фергана, Ташуезд, Самарканд, Восточная Бухара), на земреформу в Джетысу и частично в Фергане (1921 год), на факт создания комитетов бедноты в Тур. респ., на факт организации союзов «кошчи» с батрацкими секциями, на факт национального размежевания и создания поныне незыблемо существующих Союзных и Автономных Советских Социалистических Республик Средней Азии и т. д., и т. п.

Поскольку речь идет только о констатации почти общеизвестных фактов, можно было бы сослаться и на факт пребывания у руководства в Советской Средней Азии ряда представителей старой ленинской гвардии, начиная с Турккомиссий ВЦИК и кончая Ср.-Аз. Бюро ЦК ВКП(б).

Если верен тезис тов. Зелькиной, что там до 1925 года все происходило на старой основе, то мыслимо ли, чтобы баи, манапы, ишаны занимались... восстаниями против своей же классовой диктатуры, занимались игрою в революцию? Мыслимо ли, чтобы власть феодалов занималась выкорчевыванием своих же основ? Мыслимо ли, чтобы она отказалась от принципа угнетения национальностей и практически, т.-е. не на словах, а на деле, осуществила бы этот принцип? Наконец, мыслимо ли, чтобы диктатурой феодалов в Средней Азии руководила партия в лице представителей ленинской гвардии?

Если последне мыслимо, то одно из двух: *или* партия наша еще тогда переродилась, *или* партия никогда не перерождалась, и это троцкистская клевета по адресу партии.

Другое «рациональное» зерно положения тов. Зелькиной заключается в утверждении, что весь восстановительный процесс в сел.-хоз. Средней Азии проходит «*на основе феодального закабаления бедноты*».

Само собой очевидно, что если бы у тов. Зелькиной речь шла о том, что даже при диктатуре пролетариата и в восстановительный период и в период социалистической реконструкции нашего народного хозяйства в целом встречались и «встречаются», в частности, в отсталых национальных областях районы с хищнической эксплоатацией бедноты со стороны фактически господствующих здесь кулаков и байско-манапских (полуфеодальных) элементов» (решение ЦК ВКП(б) о бедноте), — то, разумеется, было бы нелепостью возражать против этого.

Но, к сожалению, у тов. Зелькиной речь идет именно о политике партии. Это видно и из самого контекста: «Земельная реформа в 1921/22 г. не вызвала серьезных социальных сдвигов внутри кишлака и аула. Первые годы нэпа были неблагоприятными для проведения земреформы. После 1921/22 гг., мы имели лишь несколько резолюций о необходимости проведения реформы и *никаких* практических попыток осуществления этих резолюций. Полоса проведения земельных реформ началась в 1925 г. Весь восстановительный процесс в сел.-хоз. Средней Азии проходил...: и т. д. («Очерки», стр. 73, курсив мой *С. С.*). Никаких попыток осуществления принятых резолюций и отсюда, ставка на прохождение всего восстановительного процесса в сел.-хоз. Средней Азии «на основе феодального закабаления бедноты». Становится очевидным, что и сей тезис тов. Зелькиной представляет из себя перепев, но только задним числом, троцкистской теории о колонии и термидоре, и, следовательно, ничего общего не имеет с ленинским пониманием характера Октября и природы Советской власти.

Далее тов. Зелькина на 73 стр. своей книги пишет:

«Как процесс деградации в годы военного коммунизма, так и восстановительный процесс в годы нэпа проходил на старой дореволюционной основе». (Разрядка моя.—*С. С.*).

Нет надобности останавливаться на внутренней противоречивости этого положения тов. Зелькиной с точки зрения вопроса, при диктатуре какого класса все эти процессы происходили. Достаточно напомнить, что точки зрения здесь диаметрально-противоположны: у тов. Зелькиной—«на основе сохранения власти бая, манапа, родового вождя, на основе феодального закабаления бедноты» («Очерки...», стр. 73), у нас—на основе диктатуры пролетариата. Точно также нельзя в данной связи не пройти мимо и «теории деградации» тов. Зелькиной, тем более, что эта «теория» достойна специального разбора в другой связи. Потому ограничимся разбором понимания автором социального существа восстановительного процесса.

По мнению тов. Зелькиной, весь восстановительный процесс в сельском хозяйстве Средней Азии проходил на основе сохранения власти бая, манапа, родового вождя, на основе феодального закабаления бедноты, — короче, «на старой дореволюционной основе». Это значит, что весь восстановительный процесс сельского хозяйства Средней Азии проходил под знаком восстановления капитализма, частично даже феодализма. Таково существо восстановительного периода, по тов. Зелькиной.

Такое понимание существа восстановительного периода показывает, что автор не понимал и не понимает влияния пролетарских командных высот на ход развития хозяйства простых товаропроизводителей. Этим самым автор умалчивает об имеющихся социалистических достижениях по под'ему экономики и культуры рабочих и основных масс крестьянства Советской Средней Азии. Этим совершенно смазывается помощь СССР Советской Средней Азии по линии бюджета, кредита, специальных ассигнований на борьбу с культурно-бытовой отсталостью, ирригации, хлопководству, кооперированию, коллективизации бедняцко-середняцких хозяйств, совхозного строительства и т. д. Нужно констатировать, что тов. Зелькина своим отрицанием роли командных высот пролетарского государства на ход развития хозяйства простых товаропроизводителей, быть может, помимо своего желания, повторяет зады бывшей троцкистской оппозиции. В своих контртезисах троцкистская оппозиция тоже говорила о сплошном капитализме, об абсолютном и относительном росте капитализма в деревне.

Нет слов, что партия иного мнения о существе восстановительного периода. Указывая, что «диктатура пролетариата в СССР меняет коренным образом условия, а, следовательно, и ход развития сельского хозяйства, создавая принципиально иной тип развития аграрных отношений, иной тип классовых перегруппировок в деревне и иное направление в развитии хозяйственных форм», XV с'езд партии дал такую оценку существа восстановительного периода:

«На пороге перехода от восстановительного к реконструктивному периоду социалистическая промышленность и другие командные высоты играют уже решающую роль и ведущую роль во всем народном хозяйстве, государственная и кооперативная торговля обнимает собою подавляющую часть общего товарооборота страны, обобществленный сектор народного хозяйства определяет собою вообще направление развития, вытесняя частный капитал, беря на буксир и постепенно преобразуя хозяйство простых товаропроизводителей-крестьян». (Стенографический отчет XV с'езда, 1304, 1921, разрядка моя.—С. С.).

После этого остается одно из двух: либо восстановительный процесс в Средней Азии проходил действительно «на старой дореволюционной основе», т.-е. под знаком восстановления капитализма, и тогда решения XV с'езда, распространяющиеся и на Сов. Среднюю Азию, не соответствуют действительности, либо XV с'езд прав, тогда это утверждение тов. Зелькиной, подправленное острокислой мнимо «левой» троцкистской миной, в корне неверно.

С другой стороны, если весь восстановительный период сельском хозяйстве Средней Азии проходил «на старой дореволюционной основе», под знаком восстановления и развития капитализма, то мы, видимо, согласно концепции тов. Зелькиной, стояли перед все большим и большим ростом двоякого рода противоречий.

Первое: если в Средней Азии весь восстановительный процесс проходил на старой дореволюционной основе, то, очевидно, не могло не существовать противоречия между пролетарским центром и, якобы, капиталистической Средней Азией. Тезис автора свидетельствует о том, что эти противоречия не только были, но, поскольку и, по автору, шел восстановительный процесс в Средней Азии, они росли.

Второе: в условиях самой Сов. Средней Азии по той же причине были, и, следовательно, не могли не рости противоречия между пролетарским городом и якобы капиталистическом кишлаком-аулом.

Это означает, что все больше и больше росли и обострялись противоречия между пролетариатом Союза и основными массами крестьянства Средней Азии, с одной стороны, и рабочим классом и основными массами крестьянства самой Средней Азии, — с другой. Идейное родство концепции тов. Зелькиной с известным тезисом Троцкого налицо.

XV с'езд партии констатировал: «экономическая смычка между городом и деревней значительно укрепилась», что «несмотря на всю противоречивость процесса развития, несмотря на рост буржуазии города и деревни (кулак, нэпман), удельный вес рабочего класса «повысился, его связь с основной массой крестьянства возросла, диктатура укрепилась» (Стен. отчет XV с'езда, стр. 192. Курсив мой. С. С.).

А XVI с'езд партии, говоря об изменениях в соотношении классов внутри страны, указал:

«Эти изменения характеризуются, прежде всего, наряду с быстрым ростом численности рабочего класса, усилением его руководящей роли по отношению к бедняцкому и середняцкому крестьянству. Экономическая смычка между рабочим классом и основными массами крестьянства приобрела по преимуществу производственный характер. Политика партии и ее ЦК обеспечила успешный переход отсталых и распыленных мелких крестьянских хозяйств на рельсы крупного социалистического земледелия, развертывание сплошной коллективизации и переход к практическому осуществлению лозунга ликвидации кулачества как класса. За отчетный период резко упала роль частного капитала и происходит дальнейшее его вытеснение. Решительно усиливается планово-регулирующая роль советского государства во всем народном хозяйстве страны, охватывая все более и более не только промышленность, но и сельское хозяйство. Осуществляется поставленная Лениным задача превращения «России нэповской» в «Россию социалистическую». («Правда», № 181 от 3/VII-30 г. Резолюция по отчету ЦК ВКП(б).

К этому можно было добавить еще и самую практику социалистического строительства в союзных и автономных советских социалистических республиках Средней Азии, свидетельствующую далеко далеко не о «враждебном столкновении» города и деревни, города и кишлака-аула. Разве по-

следнее решение ЦК нашей партии по вопросу о развитии хлопководства и то, что сделано и делается в осуществление этого решения рабочими и бедняцко-середняцкими крестьянскими массами Средней Азии под руководством союзного пролетариата, не яркий пример этому?

Наконец, подводя итоги разбору аграрного вопроса в годы революции и земельной реформе, тов. Зелькина пишет:

> «Основным результатом земельной реформы в области экономической, были появления национализации земли, почти полное уничтожение феодально-родовых пережитков, решительный удар по капиталистическим элементам деревни». (Очерки, 103 стр. Разрядка моя.—*С. С.*).

Не останавливаясь на фактически неверных утверждениях («появление национализации» только в 1925 году), ограничимся одним замечанием по существу одного из выводов автора. Тов. Зелькина пишет, что основным результатом земельной реформы в области экономической был «...решительный удар по капиталистическим элементам деревни». Верен ли вывод автора в этой («решительный удар...») части?

Тов. Молотов, исходя из того, что «единой деревни нет» и, что

> «есть деревня, которая имеет массу своеобразных черт — социальных, районно-экономических, национальных», в своем докладе, на XV с'езде, дал такую оценку итогам проведенной земреформы: «стоит припомнить, что совсем недавно, только два года назад, проведена земельноводная реформа в ряде районов Средней Азии, чтобы понять, что нам еще теперь приходится выкорчевывать остатки феодализма, остатки патриархально-родового уклада», и что «нужно сказать, что эти остатки в той же Средней Азии и в Казакстане далеко еще не уничтожены, и это дело не такое быстрое». (Стен. отчет XV с'езда, 1047 стр. разряда моя.—*С. С.*).

Точно так понимали смысл реформы и руководители средне-азиатских партийных организаций. Так, например, тов. Зеленский писал:

> «Земельная реформа разрушила остатки родовых и феодальных отношений в земле-водопользовании тех районов, где они еще оставались и являлись камнями, тянущими назад сельское хозяйство». (Итоги зем. реформы и перспективы ее заключения. II стр. Узб. ГИЗ. 1926 г.).

Так понимал смысл реформы и 2-й курултай КП(б) Уз:

> «Земельная реформа, имеющая целью смести остатки феодальных отношений в кишлаке и дать возможность дальнейшего роста и развития дехканского хозяйства, должна привлечь внимание всей партии». (Там же стр. 39).

Итак, ясно одно: острие земельной реформы в основном было направлено на выкорчевывание остатков феодализма, остатков патриархально-родового уклада, и с этой точки зрения тезис т. Зелькиной о «решительном ударе..» не отражает действительного хода вещей. Но сей тезис тов. Зелькиной не отражает существа политики партии в тот и последующий периоды и с другой стороны.

До политики ликвидации кулака как класса партия вела политику ограничения и вытеснения. В полном согласии с этой политикой работали и средне-азиатские парторганизации.

Говоря о переходе от политики ограничения к политике ликвидации кулачества как класса, т. Сталин на с'езде аграрников-марксистов заявил, что «мы не могли и не должны были предпринять тогда наступление на кулачество, вопреки авантюристическим декламациям зиновьевско-троцкистской оппозиции», ибо «наступать на кулачество—это значит сломать кулачество и ликвидировать его как класс», и что «вне этих целей наступление есть декламация, царапанье, пустозвонство, все что угодно, только не настоящее большевистское наступление». Там же тов. Сталин говорил, что «теперь у нас имеется достаточная материальная база для того, чтобы ударить по кулачеству, сломить его сопротивление, ликвидировать его как класс и заменить его производство производством колхозов и совхозов»

Так ставит и поставила вопрос партия. А тов. Зелькина?

По ее мнению, уже тогда был нанесен «решительный удар капиталистическим элементам деревни». По ее тезису выходит, что средне-азиатские партийные организации уже тогда вели политику не ограничения и вытеснения, а политику ликвидации кулачества как класса.

Возникает еще один вопрос:

Если капиталистическим элементам деревни Советской Средней Азии уже тогда был нанесен «решительный удар», то как же быть с политикой ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации Советской Средней Азии теперь? Как примирить теорию «решительного удара» тов. Зелькиной еще в 1925 году с той гигантской работой по ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации, которую при активнейшей поддержке батрацко-бедняцких и середняцких масс села, проводят и должны проводить партийные организации Средней Азии во главе с Ср.-Азиатск. Бюро ВКП(б)?

После такого «открытия» тов. Зелькиной нельзя не признать правоту тов. Сталина, когда говорил: «Левый уклон есть тень правого уклона. Ленин говорил, имея в виду отзовистов, что «левые» — те же меньшевики, только наизнанку. Люди, уклоняющиеся к троцкизму—это, по сути дела, те же правые, только наизнанку, правые, прикрывающиеся «левой» фразой».

* * *

Отрицание социалистического характера Октябрьской революции 1917 года в Средней Азии, игнорирование особенностей Октября в Средней Азии, искажение ленинских лозунгов по отношению к крестьянству, отрицание основного в ленинизме, ревизия решений XV с'езда об оценке социального существа восстановительного периода, мнимо-«левая», а на деле правая оценка земельной реформы—таковы основные моменты «Очерков по аграрному вопросу в Средней Азии».

Мало констатировать извращение марксизма-ленинизма. Надо искать корни этого извращения. Спрашивается, где же корни ошибок тов. Зелькиной?

В основном, они в замене марксистско-ленинского метода—методологией троцкизма [1]). Вот почему у т. Зелькиной, вместо обоснования ленинского тезиса о некапиталистической эволюции стран, перешедших, при помощи пролетариата более передовой страны, к советскому строю, получи-

---

[1]) Желающих ознакомиться, более подробно с «первоисточником» применяемой тов. Зельковой методологии, отсылаем к интересной статье тов. К. Сомса «Теория аграрной революции» по тов. Крицману», в «Большевике» № 10 за 1930 г.

Кстати скажем, что неправильное понимание тов. Зелькиной характера Октября в Средней Азии, наряду с ошибками ряда руководителей Аграрного института Комакадемии, было отмечено особым решением коммунистической фракции I с'езда аграрников-марксистов в декабре 1929 г.

лось отрицание социалистического характера самой Октябрьской революции в этой стране (Сов. Ср. Азия).

Это будет случаться с каждым, кто диалектический метод марксизма-ленинизма будет подменять методологией троцкизма. Тов. Сталин на I с'езде аграрников-марксистов говорил: «Я не буду здесь распространяться о значении теории. Вам оно достаточно известно. Известно, что теория, если она является *действительной* теорией, дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела». Следовательно, задача заключается в том, чтобы овладеть единственно научной в мире, действительной, т.-е. *марксистско-ленинской* теорией. Но нет теории без метода и метода без теории. Применяющие враждебную ленинизму методологию троцкизма, тем самым марксистко-ленинской теории предпочитают эклектику контрреволюционного троцкизма. Вот почему и работа тов. Зелькиной с ее в *основе* троцкистской методологией имеет далеко не средне-азиатское значение, как это может показаться на первый взгляд. Наоборот. Работа тов. Зелькиной связана с более широким целым. Потому вскрытие всей ложности концепции тов. Зелькиной имеет и *общепартийное* значение. Это тем более так, что она в этом отношении *не одинока*. Ее ошибки тесно смыкаются с чреватой в своей основе *троцкистской* установкой концепцией одного из видных работников аграрного фронта — тов. Крицмана, с его теорией о мелкобуржуазном характере комбедовского периода пролетарской революции на селе [1]).

---

[1]) См. «Правда», № 196 от 17/VII-30 и № 198 от 20/VII-30 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Философский „подарок" XVI с'езду партии.

(Журнал «Под Знаменем Марксизма», № 5, 1930 г.).

Рецензируемый номер журнала, на обложке которого стоит: «Май. К XVI с'езду ВКП(б)», вышел лишь в первой декаде июля, перед самым окончанием работ с'езда. Этот факт, несомненно, не только не уменьшает требований к данному, посвященному XVI с'езду ВКП(б), номеру важнейшего «философского и общественно-экономического журнала» в нашей стране, но, наоборот, значительно увеличивает эти требования. Ведь редакция журнала имела полную возможность использовать тезисы докладов к с'езду, напечатанные уже в середине мая и отчасти доклады и прения на самом с'езде. Следует также отметить, что ко времени выхода журнала в дискуссионном отделе «Правды» был напечатан ряд статей, освещающих важнейшие моменты вопросов с'езда. Естественно было ожидать, что журнал «ПЗМ» так или иначе откликнется на эти статьи. И, наконец, № 5 журнала возбуждал особенный интерес в виду того, что от него естественно было ожидать соответственного реагирования на указания центрального органа партии — «Правды» (мы имеем в виду согласие «Правды» с основными положениями статьи «О новых задачах марксистско-ленинской философии», «Правда» от 7 июня).

Однако, № 5 журнала «ПЗМ» совершенно не удовлетворяет этим законным требованиям.

Журнал производит такое впечатление, будто он вышел не в июле, а самое большое — в начале мая, т.-е. до появления тезисов тт. Яковлева, Куйбышева и Шверника.

Посвященный XVI с'езду № 5 журнала «ПЗМ» не отражает борьбы за линию партии оружием марксистко-ленинской философии, показывает определенное политическое отставание «основных философских кадров».

Что касается третьего пункта — вопросов поворота на философском фронте — необходимо отметить довольно большую несогласованность по этому поводу статей, касающихся оценки итогов философского движения и его новых задач, а также *общую тенденцию журнала смазать некоторые отрицательные итоги этого движения и сгладить необходимую резкость и решительность поворота*.

И, наконец, последний пункт — вопрос о «соответственном реагировании» философского руководства в нашей стране на статью в «Правде», с которой в основном была согласна редакция «Правды», этот вопрос является центральным пунктом, по которому философское руководство до конца разоблачает свое непонимание задач поворота, отрицательное отношение к самокритике и т. д. (статья А. Деборина и др. «О борьбе на два фронта в философии»).

Весьма слабая по своему теоретическому и политическому уровню передовая № 5 «ПЗМ» грешит грубейшими ошибками и, вместе с тем, наглядно иллюстрирует резкое отставание, отрыв некоторых наших «теоретиков» от политической, партийной жизни. В передовой дается следующая характеристика троцкизма:

«Исходя из неизбежности крушения диктатуры пролетариата в *условиях отсталой аграрно-промышленной страны*, троцкизм тол-

кал партию на путь такого «сверхиндустриализма», который неизбежно вызвал бы обострение классовых противоречий между середняком и рабочим классом»... «Троцкизм подвергает сомнению социалистический характер нашей революции, троцкизм не верит в возможность успешного построения социализма в стране с отсталой техникой, в стране, где преобладающей формой хозяйства является мелкотоварное сельскохозяйственное производство».

Здесь дана явно неполная, а потому и неверная, путанная характеристика троцкизма. Троцкизм утверждал и утверждает, что построение социализма невозможно в какой бы-то ни было отдельно взятой стране (хотя бы и с передовой техникой), а не только в стране «с отсталой техникой».

Еще в 1915 году, полемизируя с Лениным, Троцкий утверждал: «Безнадежно думать, что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы, или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире». (Том III, соч. Троцкого, ч. 1, стр. 89—90).

В «Критике проекта программы «КИ» и в других документах Троцкий утверждает то же, говоря, например, что в технически передовой Англии, в случае установления диктатуры пролетариата также невозможно построить социализм.

Эта социал-меньшевистская, контрреволюционная установка Троцкого, неразрывно связана с отрицанием им ленинского закона неравномерного развития капитализма, делающего возможным прорыв империалистического фронта и победу социализма первоначально в немногих или даже в одной отдельно взятой капиталистической стране.

Как известно, Троцкий и Зиновьев на XV конференции бешено боролись против ленинской теории возможности победы социализма в отдельной стране, именно исходя из отрицания закона неравномерного развития капитализма, особого его значения в эпоху империализма.

Величайшая заслуга тов. Сталина в том, что он на XV конференции и на VII пленуме ИККИ с особой силой развернул ленинское понимание закона неравномерного развития капитализма, разоблачил всю теоретическую несостоятельность Троцкого и Зиновьева.

Грубейшей теоретической и политической ошибкой редакции «ПЗМ» является игнорирование ленинской теории империализма, непонимание значения закона неравномерного развития капитализма, из чего вытекает и приведенная выше неправильная характеристика троцкизма. Надо сказать, что эта ошибка повторяется и в других статьях № 5 «ПЗМ» (тт. Карева и Новикова) и заставляет сильно усомниться в способности журнала «ПЗМ» дать развернутую, выдержанную теоретически и политически критику троцкизма.

Как видно из приведенной нами формулировки передовая изображает троцкистов, как «сверхиндустриалистов» и этим ограничивается. Передовая забывает о капитулянтской теории «потухающей кривой» развития промышленности, нашедшей поддержку со стороны троцкизма, замалчивает злобные выпады троцкистов против быстрых темпов индустриализации в период реконструкции, замалчивает смычку троцкистов с правыми в вопросах о темпах индустриализации, о коллективизации и ликвидации кулачества как класса и др.

«О троцкистах существует мнение, как о сверхиндустриалистах. Но это мнение правильно лишь отчасти. Оно правильно лишь постольку, поскольку речь идет о конце восстановительного периода, когда троцкисты действительно развивали сверхиндустриалистические фантазии. Что касается реконструктивного периода, то троцкисты с точки зрения темпов являются самыми крайними минималистами и самыми поганенькими капитулянтами», — говорил т. Сталин на XVI с'езде.

Следует отметить, что передовая почему-то избегает характеристики контрреволюционной антисоветской сущности троцкизма, ограничивается крайне либеральными формулировками, вроде того, что троцкизм вырос в «самостоятельную партию с программой и тактикой глубоко отличающейся от программы и тактики нашей партии».

Впрочем, было бы несправедливо обвинять передовую (а вместе с тем и редакцию «ПЗМ») в либеральном отношении только к троцкизму. Не менее либеральные, беззубые, политически болотные формулировки даются по отношению к правому уклону.

Вот, например, совершенно исключительная по своей «об'ективности» формулировка:

«Перед XVI партконференцией лидеры правых выступили с декларативными заявлениями, формулировавшими их позицию по ряду спорных вопросов (разрядка наша. *В. Р.*) и обвинявшими ЦК в неправильном руководстве». У читателя невольно возникает вопрос: для кого спорными были те вопросы, по которым велась правыми уклонистами бешеная, злобная атака на линию партии, на партийное руководство? Для партии эти вопросы были бесспорными; они являлись «спорными» лишь для болотно-настроенных партийных обывателей и для некоторых вчерашних участников троцкистско-зиновьевской оппозиции, мечтавших о беспринципном блоке с правыми.

Совершенно смазана классовая сущность правого уклона. Передовая ограничивается следующей туманной, расплывчатой формулировкой:

«Вся борьба против лидеров правого уклона, как и против отдельных товарищей с «левыми» заскоками, велась партией так решительно и последовательно потому, что те и другие отражали настроения определенных социальных группировок».

«Настроения» каких «социальных группировок» отражает правый уклон— почему правый уклон является главной опасностью — об этом ничего не говорится. Ни слова нет о том, что правый уклон отражает бешное сопротивление гибнущих капиталистических классов, что правый уклон является не чем иным, как кулацкой агентурой.

Сведение всей борьбы против правого уклона (в теории и на практике) к борьбе против лидеров правого уклона, одновременно с явным смазыванием классовой природы правого уклона — эта «установка» передовой, по сути дела, сбивается на обывательско-оппортунистическое об'яснение беспощадной борьбы партии с правым уклоном.

Новые атаки на партию со стороны правых уклонистов, имевшие место накануне XVI с'езда, попытки правых использовать трудности колхозного строительства, скатывание отдельных элементов правых к явно контрреволюционным замыслам, — все это не нашло ни малейшего отражения в передовой, хотя перед с'ездом наша партийная печать уделяла этому большое внимание.

Проникнутая духом политической болотности передовая № 5 «ПЗМ» (посвященного XVI с'езду!) — дает лучшее об'яснение, почему современное философское руководство, которое несет ответственность за эту передовую, так нервничает, когда поднимается вопрос о партийности в философии, когда наиболее чуткие партийцы- философы, требуют увязки теоретической работы с актуальными проблемами социалистического строительства.

Передовая выражает надежду, что XVI с'езд «поведет партию и рабочий класс по пути новых побед, на захват новых подступов к социализму» (стр. 3). Мы можем констатировать весьма «скромный» характер этой надежды.

Тт. из «ПЗМ» не понимают того, что партией во весь рост поставлена задача построения в ближайшие сроки фундамента социалистической эко-

номики, задача развернутого наступления социализма по всему фронту, не понимают, что захват новых «подступов» к социализму как предпосылка этого наступления является содержанием пройденных этапов социалистического строительства.

А между тем, об этом сказано в одобренных Политбюро ЦК тезисах тов. Яковлева, напечатанных в середине мая, т.-е. почти за два месяца до выхода в свет № 5 журнала «ПЗМ».

Переходя к философской части передовой, читатель наталкивается на цитату из т. Сталина о фактическом — в некоторых областях нашей борьбы — «некотором разрыве между практическими успехами и развитием теоретической мысли» (стр. 4). Можно далее прочесть, что «прокатившиеся со времени XV с'езда теоретические дискуссии в политической экономии, у историков, в области литературоведения, в педагогике и в области философии, подтвердили правоту слов т. Сталина» (стр. 4. Разрядка наша *В. Р.)* Наконец-то философским руководством признана «правота слов т. Сталина» и по отношению к самой философии. Но это лишь словесное, чисто формальное признание. Дальше идут лишь благие общие пожелания о необходимости «борьбы на два фронта» в теории и на практике.

Ни слова о «некотором разрыве между практическими успехами и развитием теоретической (в особенности, философской. *В. Р.)* мысли». Ни слова даже об отставании или хотя бы о некотором отставании в развитии философской мысли от задач практической борьбы. Так «применяются» правильные слова тов. Сталина! Так клянутся люди правотой чужих слов, чтобы оставить в покое неправоту собственных дел!

Такова «самокритика» «ПЗМ!».

Следующий вопрос — о задачах борьбы на два фронта. Поражает не только в передовой, но и во всем рецензируемом номере полнейшее непонимание или запутывание этого вопроса. Соответственно задачам борьбы на два фронта в партии встает в настоящее время задача борьбы на два фронта в философии марксизма. Речь идет о механистической опасности, как главной опасности, и о взглядах ряда коммунистов, об опасности формалистического, по существу своему ведущему к идеализму, извращения диалектики, об опасности, усиливающей, в свою очередь, главную механистическую опасность (нельзя забывать, что и во взглядах механистов имеются существенные элементы идеализма).

И вот передовая ПЗМ, вместо того, чтобы честно, прямо, по-большевистски заявить, что вторая опасность находится в лагере тт., боровшихся против механистов, в частности, в среде некоторых тт. из философского руководства, вместо того, чтобы хотя бы в общей форме указать на источник, характер и значение этого рода опасности, вместо всего этого вещает: «Особое значение приобретает в наших условиях борьба диалектиков-материалистов против механистов, с одной стороны, и различных идеалистических шатаний, с другой» (стр. 4).

Конечно, все и всякие идеалистические шатания марксисты обязаны брать в штыки. Однако, такая общая формулировка задачи совершенно неудовлетворительна, коль скоро речь идет о выяснении конкретных задач в деле борьбы за чистоту философии марксизма в данных условиях по отношению к определенным носителям зла. В руках тт. из «ПЗМ» такая общая формулировка служит делу замазывания своеобразия обстановки в лагере философов-марксистов, делу замазывания опасности идеалистических извращений диалектического материализма со стороны ряда философов-коммунистов, со стороны части философского руководства. Именно об этом идет речь и это не надо прятать в тогу общих формул о борьбе с «различными идеалистическими шатаниями».

А между тем, передовая журнала «Под Знаменем Марксизма» совершенно запутывает ясный вопрос, когда раскрывает скобки «различных идеалистических

шатаний»: «Лукач, «марксисты», смыкающиеся с фрейдистами, формалистическое понимание диалектики и т. д.» (стр. 4). В этой фразе нет ни прямоты, ни последовательности, ни принципиальной большевистской самокритики, которые, как правильно декларирует под конец «передовая», «являются условиями дальнейших успехов и достижений на философском фронте». Какая здесь прямота и последовательность, когда за одну скобку берутся механисты (это о них опять идет здесь речь), смыкающиеся с фрейдистами» и Лукач, — не марксист, а скорее всего диалектик-идеалист? Какая здесь прямота, последовательность и принципиальная большевистская самокритика, когда рядом с этими «шатаниями» ставится такое «шатание», как «формалистическое понимание диалектики»... неизвестно кем, то ли Лукачом, то ли Лосевым, то ли Гоникманом, то ли Дмитриевым, то ли еще кем-нибудь? Что это за особый вид идеалистических шатаний: «и т. д.»?

* * *

Переходя к статье т. А. Деборина «Строительство социализма и наши задачи на теоретическом фронте», необходимо, прежде всего, указать, что читатель не найдет в ней ни достаточно полного освещения действительных, конкретных задач строительства социализма в данную полосу развития, ни действительных конкретных наших задач на теоретическом фронте. В этой последней статье тов. Деборин допускает ряд нечетких и неточных формулировок. Приведем, например, такую формулировку: «Процесс превращения капиталистического производства в социалистическое совершается путем уничтожения, прежде всего, капиталистического товарного производства. Простое товарное производство остается на некоторое время существовать. Но до тех пор, пока остается простое товарное производство, сохраняется «глубочайшая основа» капитализма, которая является главным препятствием для перехода к социализму. После экспроприации капиталистов и помещиков, перед пролетариатом встает задача ликвидации капиталистических элементов деревни, задача ликвидации кулачества как класса, которая может быть осуществлена только посредством социалистической переделки простого товарного хозяйства, посредством перевода на социалистические рельсы середняцких и бедняцких хозяйств путем обобществления средств производства и человеческого труда» (стр. 6—7).

Эта схематичная формулировка содержит, по меньшей мере две неточности. Во-первых, неправильно отрывать уничтожение капиталистического производства от переделки простого товарного хозяйства, как это делается в первой части формулировки, противоречащей последней части. Во-вторых, неправильно утверждать, что «задача ликвидации кулачества, как класса... может быть осуществлена только посредством социалистической переделки простого товарного хозяйства». Партия говорит в своих решениях, что ликвидация кулачества как класса совершается на основе сплошной коллективизации. В этой формулировке тов. Деборина (и во всей его статье) момент прямой экспроприации кулачества, его средств производства, использование этих средств для нужд колхозов — совершенно выпадает.

В качестве примера можно еще привести следующую, весьма неудачную, путанную формулировку т. Деборина: «Несомненно, что мы стоим перед новыми классовыми боями поскольку сопротивление со стороны кулачества и капиталистических элементов вообще будет увеличиваться в связи с процессом упрочения и развития социализма». (Разрядка наша.

Недостаточно и потому неправильно говорить, что мы только стоим перед новыми классовыми боями, как будто эти бои только еще предстоят. (См. также стр. 10). Мы уже находимся в полосе «последнего и решительного боя» с русским капитализмом. Период между XV и XVI с'ездом является периодом обострения классовой борьбы в связи с развернутым наступлением побеждающего социализма.

Неправильно также утверждать, что сопротивление кулачества и капиталистических элементов «вообще будет увеличиваться в связи с процессом упрочения и развития социализма».

Поскольку кулак еще не добит и будет оказывать бешеное сопротивление победоносному продвижению коллективизации, — ликвидация кулачества, как класса потребует, как сказал XVI с'езд партии — «длительной упорной борьбы с кулаком». Но это не значит, что сопротивление кулачества будет все время «увеличиваться в связи с процессом упрочения и развития социализма». Когда мы добьем кулака, вооружим машинной техникой колхозы — возможности для сопротивления кулачества значительно уменьшатся, а не будут увеличиваться.

Отвлеченный характер статьи тов. Деборина можно показать на следующем примере. Правильно указывая, что взаимоотношение классов на каждом новом этапе диктатуры пролетариата принимает своеобразные формы» — т. Деборин совершенно забывает сказать в статье о новом лозунге партии — лозунге опоры на колхозника (в чем выражается важнейшее изменение взаимоотношения классов на новом этапе), об изменении в соотношении различных экономических укладов в хозяйстве СССР.

А теперь одно замечание о «наших задачах на теоретическом фронте». Тов. Деборин говорит в одном месте: «Изучение форм и особенностей классовой борьбы, в связи с данным этапом революции, изучение закономерностей всего переходного периода составляет первейшую задачу в целях осмысливания путей развития социалистического строительства в целом» (стр. 8). Это единственное место, где говорится об изучении классовой борьбы в связи с данным этапом революции, как о первейшей теоретической задаче. Но тут же, буквально в следующей строчке т. Деборин отодвигается от «данного этапа революции» ко «всему переходному периоду», в «целом».

* * *

Переходим к третьей руководящей статье в № 5 «ПЗМ», ст. т. Ник. Карева,— «Итоги работы и задачи в области теории исторического материализма». Но прежде — два слова о самокритике в рецензируемом номере.

Мы видели, что в передовой замечание т. Сталина о положении на теоретическом фронте не получило никакого применения, если не считать применением заметание следов. И это несмотря на то, что «передовая» в следующих словах обнадежила читателей журнала, ожидающих со стороны руководящих работников философского фронта «прямой, последовательной, принципиальной большевистской самокритики»:

«Приветствуя XVI партийный с'езд, собирающийся в год великого перелома, редакция журнала «Под Знаменем Марксизма» помещает ряд статей, подводящих итоги проделанной на философском фронте работе, отмечающих имевшие место в ней успехи, недостатки и ошибки» (стр. 5. Разрядка, конечно, наша. *В. Р.)*

Как мы видели выше, статья тов. А. Деборина «Строительство социализма и наши задачи на теоретическом фронте», никаких ошибок и недостатков не касается. Можно было еще надеяться, что самокритика — этот основной метод работы на философском фронте, — как утверждает журнал (чем мы хуже других!), — будет развита именно в ст. тов. Ник. Карева, так как именно она трактует об «итогах работы». К сожалению, несмотря на многословие тов. Ник. Карева или благодаря многословию, «основной метод работы» не успел найти в его статье сколько-нибудь серьезного применения. Нельзя, правда, сказать, чтобы т. Карев не говорил о недостатках и ошибках... например, у историков, у экономистов. Что же касается недостатков и ошибок в философской работе, то о первых сказано так, как будто они ни в какой связи не стоят со вторыми, а о вторых — будто их и вовсе не было, или они не имеют ровно никакого актуального значения.

Тов. Карев утверждает, что из пяти задач, стоящих перед марксистско-ленинской мыслью в области исторического материализма, в области третьей — «пропаганда основных положений его в самых широких массах» и четвертой — «неустанная борьба с врагами всех толков и направлений», достигнуты наибольшие успехи» (стр. 29—30. Разрядка наша. *В. Р.*) У тов. Карева тут безусловно большое преувеличение. Конечно, на лицо большие успехи в деле пропаганды марксизма-ленинизма вообще, в частности, исторического материализма. Однако, есть очень много недостатков в этой работе, и о них то нужно было сказать подробно. Пусть судит читатель хотя бы потому, что институт Философии КА только в нынешнем году начал просматривать программы по диалектическому материализму в вузах, что у нас совсем отсутствуют (а не просто «нехватает», как скромно выражается т. Карев) «капитальные работы по истмату и отдельным вопросам его», что изучение истмата вынуждено опираться на хрестоматии, что «нет ни одного общепризнанного учебника ни для одного рода школ», что «удовлетворение теоретических запросов масс явно (не «явно», т. Карев, а безобразно *В. Р.)* отстает от их роста» (стр. 30), что подготовка поступающих на философское отделение ИКП по истмату, по сравнению—с знанием общих положений диалектики, из рук вон плоха.

Можно ли с таким самоупоением говорить о «наибольших успехах», когда ни одной статьи в «ПЗМ» нельзя рекомендовать для проработки по истмату без оговорок, когда ни одной статьи или главы из писаний наших философов по истмату также нельзя рекомендовать без оговорок, если восемь лет подряд, несмотря на все философские дискуссии, наиболее популярной истматовской книжкой была «марксистская социология» Бухарина, если студенты вопят от эклектизма «Курса исторического материализма» Разумовского! Лучше бы нам быть поскромнее насчет достижений марксистско-ленинской теоретической мысли в области пропаганды основ исторического материализма.

Отсюда следует, между прочим, что почти никакой «разработки истмата — «на основе опыта революции и применения его для осмысливания опыта революции» и «обогащения» его содержания на основе данных всей совокупности современного знания на философском фронте не было. Вся эта «разработка» и «обогащение» прекрасно (и наивно-бессознательно) характеризуется следующими словами самого тов. Ник. Карева: «в области разработки отдельных проблем исторического материализма за истекшие годы необходимо отметить следующее: «В «Вестнике Комм. Академии» прошла дискуссия о понятии производительных сил и производственных отношений, главным образом в плоскости истолкования определений, данных классиками марксизма» (стр. 33. Разрядка наша. *В. Р.)*

«Истолкование определений»—таков итог «наибольших достижений» философского фронта в области «разработки» и «обогащения» исторического материализма за пять лет!

Таковы «успехи» и «недостатки»!

А как насчет ошибок? Насчет ошибок тов. Ник. Карев «забыл» сказать. О философской борьбе с троцкизмом не сказано ни слова (в самом деле, зачем говорить, когда ее не было). Насчет позиции философов в области литературоведения, права, истории и педагогики сказаны буквально следующие изумительные вещи: «В области литературоведения, в дискуссии, имевшей там место, философы в лице журнала «Под Знаменем Марксизма», занимали правильную позицию. Однако, основные философские кадры сами в ней в печати не участвовали. Аналогичное положение мы имеем в области права, истории и педагогики» (стр. 32). Мы, журнал, редакция журнала «ПЗМ», «основные философские кадры», занимали правильную позицию, но.. в печати не участвовали. Забавная «правильная позиция» «философского и общественно-экономического журнала», о которой известно лишь близким родственникам уважаемых редакторов журнала. И люди не стыдятся с

подобного рода курьезными заявлениями об «итогах работы» посвящать журнал XVI большевистскому с'езду.

Но вот, наконец, просвет: т. Ник. Карев говорит об ошибках — слушайте. Партийные философские кадры перегружены. Они защищали в области политической экономии ряд теоретически правильных и существенных положений. А ошибки? Подождите... «Правильно было то, что...». А неправильно? «Неправильно было недостаточно резкое отмежевание от взглядов Рубина, недостаточная критика его, то, что его статья без примечания была напечатана в «Под Знаменем Марксизма», то, что вопросы экономической дискуссии рассматривались изолированно от общих задач социалистического строительства и осмысливания закономерностей развития переходного периода» (стр. 32).

Таково признание — единственное во всей руководящей статье т. Ник. Карева — ошибок на философском фронте!

Можно ли удовлетвориться таким «признанием»? Ни в коем случае! Разве было на деле «отмежевание от взглядов Рубина»? Не было этого. Была «недостаточная критика» Рубина. Да, критика была недостаточна. Но кроме того, была даже, в известном смысле защита «взглядов» Рубина. Критика же касалась лишь отдельных положений, лишь возможности извращений Рубиным марксизма. Были такие заявления (уже осенью прошлого года—на заседании правления Общества воинствующих материалистов-диалектиков—Карев): «Рубин ближе к марксизму, чем Переверзев». Ошибка, видите ли в том, что одна статья Рубина была напечатана в «ПЗМ» без примечаний. Разве это не... наивно? Ряд лет печатаются без примечаний антимарксистские статьи Рубина, печатаются без примечаний статья в защиту рубинщины, а теперь после примечания в «Большевике», после выступления т. Сталина, после признания экономистами своих ошибок, после неоднократных требований всей массы слушателей ИКП и института Философии КА честно заявить о допущенных ошибках, после философской дискуссии в КА и в ИКП, после, наконец, статьи «трех» в «Правде», с основными положениями которой (а там вновь было подчеркнуто требование по-большевистски признать свои ошибки), редакция «Правды» солидаризировалась,—после всего этого тов. Карев заявляет: «Неправильно было... то, что его (Рубина—*Р. В.*) статья без примечаний была напечатана в «Под Знаменем Марксизма»!

В заключение, не мешает отметить еще один случай «применения» редакцией «ПЗМ» «основного метода работы»—самокритики. Одной из «важнейших отличительных черт меньшевистского, социал-демократического «марксизма» в области теории истмата т. Карев правильно считает «механическое понимание соотношения между производительными силами и производственными отношениями, антидиалектическую точку зрения, согласно которой производственные отношения являются пассивным отражением данного уровня развития производительных сил... »(стр. 26). Эта ошибка, как ошибка т. Гоникмана, была, между прочим, отмечена и в статье «трех» в «Правде». Очень хорошо, что тов. Карев использовал это указание «Правды». Но очень плохо, что он забыл при этом сказать, что это основное меньшевистское положение было совсем недавно напечатано в «ПЗМ» опять-таки без всяких примечаний в статье ответственного ленинградского работника на фронте диалектического материализма.

Таковы «итоги»: три страницы вообще, семь страниц о достижениях, семь строчек об ошибке. Совершенно понятно, что если бы даже о «задачах в области исторического материализма» было написано т. Каревым не полторы страницы, а десять страниц, то и тогда никакого поворота, ничего нового читатель не заметил бы. Невозможно правильно наметить перспективы, правильно поставить новые задачи, выделить основное и главное в этих задачах, если извратить картину предшествующего развития, если так подвести «итоги работ», как это сделал тов. Карев, а вместе с ним журнал «ПЗМ» и все его руководство.

* * *

Статья т. Гр. Баммеля «Об идеалистической философии после Октября» является прекрасным доказательством того положения, что в борьбе с основным философским врагом, идеализмом, в особенности в его русской форме, фронт диалектического материализма сделал чрезвычайно мало, и что задачи, стоящие в этой области, громадны, особенно в виду несомненной связи этого идеализма с религиозной пропагандой в нашей стране.

Надо горячо приветствовать тот факт, что редакция набралась наконец мужества и пустила без примечаний следующее положение статьи «На антирели-
гиозном фронте» т. Ф. Олещука: «В руководящих теоретических марксистских
журналах, как, например, в журнале «Под Знаменем Марксизма»
вопросы антирелигиозной пропаганды, вопреки требова-
нию В. И. Ленина, почти совершенно не обсуждались» (стр. 60.
Разрядка наша. *В. Р.)* Следовало бы журналу дать отчет с'езду о своей соб-
ственной антирелигиозной работе, а не требовать — по особому случаю —
отчета о положении на антирелигиозном фронте у постоянного работника той
самой организации, которая — в лице ее руководителя т. Ярославского — не-
однократно и безрезультатно требовала выполнения журналом «ПЗМ» завещания
Ленина в антирелигиозном отношении.

В статье т. И. Разумовского «Борьба с международным ревизионизмом на
философском фронте» содержится ряд ошибок, сводящихся, в конечном счете, к
защите Плеханова от ленинских оценок в IX и XII Ленинских Сборниках. Не-
верно, что с неокантиантством «пришлось вступить в борьбу» прежде всего
Г. В. Плеханову. В книге И. К. Луппола «Ленин и философия» черным по белому
(хоть и в чрезмерно «деликатных» формулировках доказывается, что первым
против неокантианства (именно в его струвистской форме) выступил не Плеха-
нов, а Ленин.

«Беглая», по выражению ее автора, «заметка» тов. С. Новикова «Полити-
ческая методология троцкизма» является прекрасной иллюстрацией нервничания и
чрезмерной торопливости, которые обнаруживают «основные философские кадры»
на повороте. Посвященная постановке вопроса о «политической методологии
троцкизма» статья С. Новикова, ни слова не говорит о своеобразии империалисти-
ческой стадии капитализма и о законе неравномерности капиталистического разви-
тия, без понимания чего невозможна действительная критика отрицания троцкиз-
мом, возможности победы социализма в одной, отдельно взятой капиталистической
стране. А ведь вопросу о победе социализма в одной стране посвящена половина
статьи С. Новикова — восемь страниц из 18. Ни слова не говорит С. Новиков также
и о понимании Троцким классов, существа и форм классовой борьбы в СССР.
Ни слова не упоминает он о троцкистской теории государства и понимании
Троцким природы советского государства. Совершенно очевидно, что если эта
«беглая» заметка кладет начало, как утверждает С. Новиков, «систематической кри-
тике идеологии контрреволюционного троцкизма», то можно чрезвычайно усом-
ниться в способности журнала «ПЗМ» выполнить хотя бы задним числом столь
ответственную задачу.

К сожалению, опасность в этом отношении представляет и та недооценка
теоретических корней троцкизма, которая имеется в статье С. Новикова, идущей
без единого примечания со стороны редакции. Вся эта квалификация Троцкого,
как в теоретическом отношении «quantite negligeable [1]) (стр. 70) все эти утвержде-
ния, что в отличие от т Бухарина автор так называемой «теории перманентной ре-
волюции» не может быть принят всерьез, как теоретический противник и т. д.
и т. д., что у Троцкого не столько теоретические построения, сколько поверх-
ностная публицистика и т. д., — все эти оценки теоретически направлены к
оправданию пассивности (по меньшей мере) «основных философских

[1]) Quantite negligeable — ничтожная величина; нечто, нестоящее внимания.

кадров» в деле борьбы с троцкизмом, а политически ведут к ослаблению бдительности партии к троцкистской опасности, как якобы лишь «все же некоторой опасности» (стр. 71). «В отличие от тов. Бухарина, Троцкий не написал ни популярного, ни непопулярного учебника троцкистской социологии» (стр. 71). Это повторение С. Новиковым доводов представителей «основных философских кадров» лишний раз свидетельствует о том, что под теоркей журнал «ПЗМ» понимает лишь изложенную в одной книге философскую систему. В противоположность недооценке вреднейшего «теоретического и политического значения троцкизма» С. Новиков «рекомендует т. Бухарина как «интересного в философском и вообще в теоретическом отношении противника» (стр. 70).

Наконец, весьма сомнительной является и следующая оценка философской борьбы с Бухариным: так как у Бухарина система политических ошибок «фундирована» «системой философско-социологического ревизионизма», то «поэтому совершенно естественно, что политическая критика правого уклона была завершена разоблачением его теоретических корней» (стр. 70). В действительности «разоблачением теоретических корней» правого уклона не только «не была завершена» его политическая критика, но к этому разоблачению философский фронт еще по настоящему и не приступил. Да и чему здесь удивляться, если не далее, как в апреле с. г. «ПЗМ» писал: «В борьбе партии с правым уклоном критика методологических корней правого оппортунизма явилась прямым продолжением борьбы с механистами» (№ 4, стр. 6).

По поводу статьи т И Агола «Задачи марксистов-ленинцев в биологии «необходимо отметить, что посвященная вопросам «самокритики, как основного метода работы» ее третья глава (стр. 107—110) ни одним словом не упоминает об ошибках философского руководства. Вся критика сводится к положению: не уделяли достаточного внимания.

На фоне такой критики весьма мало значительным является признание тов. Аголом (с. 109), что он «допускал (когда, где, в чем, какое это имеет значение? *В. Р.*) примиренческое отношение к вульгарно-механическому ламаркизму».

Относительно статей тт. С. Новикова и И. Разумовского против т Фурщика прежде всего отметим, что вторая статья отличается большей самостоятельностью мысли, большей содержательностью и более партийным характером критики, между тем как первая статья сверх меры переполнена цитатным материалом, не содержит ни одной правильной самостоятельной мысли и, кроме того, отличается не только непартийным, но и прямо непристойным характером полемики.

Необходимо отметить, что т. И. Разумовский, в исправление допущенной им на заседании фракции ОВМД в КА грубой ошибки, совершенно правильно несколько раз подчеркивает, что понятие «социальный инстинкт», если имеется ввиду обычное биологическое понимание инстинкта, нелепое понятие, не выходит из круга воззрений «социального дарвинизма». Этого как раз не понимает тов. Новиков, помимо того доходящий до защиты чуть ли не всех положений теории нравственности Каутского, доходящий до признания актуальности «категорического императива» Канта при коммунизме

Тов. Разумовский должен был бы отметить, что в статьях т. Деборина против Аксельрод имеется некритическое пользование терминами «социальные инстинкты», «социальные чувства». Понятие инстинкта в применении к обществу примерно того же типа, что и наше понимание стихийности. Это вовсе не бессознательное вообще, т.-е. не бессознательное животного мира, также не фрейдистское бессознательное. Пролетарский инстинкт, пролетарская стихийность это сознание рабочих, как оно складывается в повседневной жизни, в производстве, на основе тех классовых противоречий, которые рядовыми рабочими осознаются непосредственно, несмотря на разлагающее влияние буржуазной идеологии и независимо от прямого воздействия партии. Само собой разумеется, что и социальные инстинкты, социальная стихийность развивается диалектически и произошла, в конечном счете, из сознания животного мира.

Такого понимания общественной «стихийности» и подавно не было у Плеханова, которого тов. Новиков безоговорочно берет под защиту в вопросах этики. Вообще следует заметить, что ст. С. Новикова об этике — весьма путанная статья, в ряде мест извращающая Маркса, Энгельса и Ленина и потому требующая особой подробной критики. Но в высшей степени характерным для «анти»-эклектической позиции журнала «ПЗМ» является то, что в целом ряде важнейших пунктов статьи тт Разумовского и Новикова прямо противоположны и совершенно непримиримы.

Например, Новиков некритически долбит: социальные истинкты, социальные инстинкты... животных. Разумовский же в противоположность ему заявляет: «Социальные инстинкты — отнюдь не (разрядка наша. *В. Р.*) биологическая, но уже социальная категория». Социальные инстинкты представляют собой «суб'ективное отображение» низших форм человеческого общения. «Социальные стремления или инстинкты в понимании Маркса и Энгельса (и Ленина, но не Каутского, не Плеханова.— *В Р.*) таким образом не содержат в себе ровно ничего биологического...». (Там же, та же стр. *В Р.*) «Марксизм ничего общего не имеет (разрядка наша. *В. Р.*) с мистическим «единством» людей, с этим биологическим и фрейдистским пониманием социальных чувств и инстинктов». (Стр. 211). «Сочетание понятия «социальный» с инстинктом в биологическом (рязрядка автора. *В. Р.* смысле.. было бы, конечно, величайшей безграмотностью — и это обстоятельство в свое время отмечал Ленин» (Разрядка наша, стр. 216. *В. Р.*) и т. д.

Все эти совершенно правильные замечания тов. Разумовского идут по линии критики отдельных формулировок тов. А. Деборина, высказанных в его статьях против Аксельрод. Эти замечания ничего общего не имеют с соответствующими заявлениями Новикова. Само собой разумеется, что тов. Разумовский непоследователен. Тем не менее его статья есть в общем плане «ПЗМ» отступление редакции, отступление «ПЗМ» перед рядом правильных замечаний тов. Фурщика, допускающего, однако, некоторые ошибочные положения, что требует еще особой критики. Тов. Деборин действительно допустил ряд «неудачных» формулировок, критикуя этические взгляды Аксельрод. Но надо приветствовать, что тов. Деборин и редакция «ПЗМ» не возражают против статьи тов. Разумовского. Еще лучше было бы, если бы тов. Деборин прямо признал, что в ряде мест (таких-то именно) он сам допустил эклектизм, дал нечеткие, двусмысленные и прямо неверные формулировки.

В заключение, еще раз об «основном методе работы». Тов. Новиков правильно критикует тов Фурщика за отрицание последним свободы воли вообще Он выступает также против Аксельрод. Именно поэтому тов. Новиков должен был бы сказать о фурщиковских и аксельродовских ошибках виднейшего представителя философского фронта тов. Карева в этом вопросе Вот безапелляционное и совершенно механистическое положение Карева: «Поэтому признание об'ективного существования случайности ни в какой мере не исключает того, что все причинно обусловлено, — что никакой свободы воли нет». (Карев «За диалектику», изд. 1, стр. 287—288, разрядка наша. *В. Р.*). А вот другое положение: «Т.-е. диалектический материализм стоит на почве абсолютного детерминизма». (Там же, та же стр. *В. Р.*).

Оба эти положения ничего общего не имеют с марксизмом-ленинизмом, с диалектическим материализмом.

Нам остается дать рецензию на коллективную статью «О борьбе на два фронта в философии». Эта статья является попыткой противопоставить философской линии «Правды» философскую линию «ПЗМ» и нынешнего философского руководства.

Авторы статьи «О борьбе на два фронта», отступая в некоторых случаях от положений, защищавшихся ими в первых проектах резолюции о новых задачах в области философии и на заседании фракции ОВМД в КА (например, по вопросу о борьбе с эклектизмом), вместе с тем, не приводят ни одной цитаты из статьи в «Правде» в обоснование своего выступления против статьи «трех».

Статья «десяти» отличается крайне спесивым, барско-пренебрежительным тоном по отношению к тт., посмевшим выступить на повороте с самостоятельной позицией в вопросах философии. Этот тон находится в обратно-пропорциональном отношении к положительному содержанию статьи. Если выжать все «положительное содержание» этой статьи, то оно сведется к весьма уже тощей для наших дней истине, «что нужно разрабатывать теорию материалистической диалектики». Теперь требуется это конкретно делать, и делать на конкретном материале и естествознании и, особенно, на богатейшем социально-экономическим материале нашей эпохи. А об этом то как раз в статье меньше всего. Статья «О борьбе на два фронта в философии» совершенно обходит выдвинутый в «Правде» вопрос о значении Ленина в развитии философии марксизма, о соотношении Ленин-Плеханов, как философов-марксистов, о партийности философии и т. д. Авторы этой статьи, обвиняя авторов статьи в «Правде» в путанице, эклектизме, в списывании и т. д., ни единой документальной ссылкой не подкрепляют столь тяжких обвинений. В действительности же все основные положения статьи «трех» остаются в силе. Философское руководство журнала «ПЗМ» не понимает всей необходимости, всего политического значения, требуемого на философском фронте поворота. Лучшим доказательством этого положения в «Правде» является № 5 журнала «ПЗМ». Журнал «ПЗМ» не понимает содержания и значения борьбы на два фронта в философии марксизма. Философское руководство отчаянно сопротивляется развертыванию самокритики в философском движении, чему ярчайшей иллюстрацией является и передовая, и статьи тт. Карева, Агола, С. Новикова, статьи А. Деборина и др. «Основные философские кадры» статьей С. Новикова заранее ослабляют необходимую силу теоретического удара по методологическим корням троцкизма, и т. д., и т. п.

Таким образом, итог нашей рецензии на № 5 журнала «ПЗМ» заставляет бить тревогу о положении на философском фронте. Редакция «ПЗМ» и ее «основные кадры» должны понять, что вместо путанных, беспринципных, фальшивых «ответов» «Правде» они должны сказать правду о себе, о положении на философском фронте. Они должны понять, что одной борьбой с механистами, сколь бы важной она ни была, на новом этапе ограничиться нельзя, должны понять, что нельзя допускать дальше такой дискредитации журнала «ПЗМ», как его рецензируемый № 5. Чем скорее они поймут эти элементарные вещи, тем скорее выйдет философское движение в нашей стране из той некоторой кризисной полосы, в которой оно находится. А оно, несомненно, выйдет.

В. РАЛЬЦЕВИЧ.